

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

РОССИЯ И МИР:
2022
*ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА*

Ежегодный прогноз

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2021

УДК 338.27
ББК 65.5(2Рос)
65.23
Рос74

Рекомендовано к печати
НИС Ученого совета ИМЭМО РАН

Руководители проекта – академик РАН А.А. Дынкин, академик РАН В.Г. Барановский

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, д.э.н. М.Ю. Головин
кандидат исторических наук А.В. Рябов

Авторский коллектив:

Ю.Л. Адно, С.А. Афонцев, О.В. Богаевская, А.С. Богачева, Л.С. Варгазарова, К.Р. Вода, А.Г. Володин, А.А. Давыдов, И.В. Данилин, Е.А. Десятски, С.С. Дмитриев, С.В. Жуков, В.Ю. Журавлева, В.С. Загашвили, И.Д. Звягельская, И.Э. Ибрагимов, Е.А. Канаев, Ю.Д. Квашнин, С.В. Кислицын, И.Я. Кобринская, И.А. Копытин, И.А. Крамник, О.Н. Кудинова, А.В. Куприянов, С.О. Лазовский, Е.Л. Леонтьева, А.В. Ломанов, Ю.П. Лукашин, С.А. Луконин, А.В. Малашенко, Д.Б. Мальшева, З.А. Мамедьяров, Г.И. Мачавариани, Д.Д. Меджидова, А.А. Мигранян, Я.М. Миркин, А.А. Невская, Е.Н. Никитина, И.А. Подколзина, В.В. Попов, С.А. Притчин, Л.М. Самарская, И.А. Свистунова, Э.Г. Соловьев, Н.Ю. Сурков, Т.И. Тюкаева, С.В. Уткин, А.Н. Федоровский, Б.Е. Фрумкин, Л.С. Худякова, В.Г. Швыдко, С.С. Широков

Ответственные редакторы – И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани

Рос 74

Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 136 с.

ISBN 978-5-9535-0600-7

DOI:10.20542/978-5-9535-0600-7

Доклад «Россия и мир: 2022» двадцатый в серии ежегодных публикаций ИМЭМО РАН и ФПИИ. Доклад состоит из трех частей: глобальные тренды, экономика и внешняя политика. Главное внимание сфокусировано на проблемах, имеющих ключевое значение для обеспечения стабильного экономического и политического развития России на ближайшую (2022 г.) и более отдаленную перспективу. В подготовке доклада использован многолетний опыт прогнозных исследований, проводимых ИМЭМО РАН. Анализируются основные внешние вызовы для России и возможности ответа на них.

Russia and the World: 2022. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy / Project leads – А.А. Dynkin, V.G. Baranovsky. – Moscow, IMEMO, 2021. – 136 p.

ISBN 978-5-9535-0600-7

DOI:10.20542/978-5-9535-0600-7

The report "Russia and the World: 2022" is the twentieth in a series of annual publications of the IMEMO RAS and the PSIF. The report consists of three parts: global trends, economy and foreign policy. The main focus is on issues of key importance for ensuring stable economic and political development of Russia in the near (2022) and longer term. The report is based on the decades long IMEMO experience in forecast research. The main external challenges for Russia and options to respond them are analyzed.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0600-7

© ИМЭМО РАН, 2021

© Фонд перспективных исследований и инициатив, 2021

РОССИЯ И МИР: 2022

Часть 1. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ – 2022	7
Политические и социальные тренды	9
Экономические тренды и факторы	13
Россия в мире 2022	25

Часть 2. ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ПОСТКРИЗИСНЫЙ ОТСКОК	31
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА	35
МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА	38
ЭКОЛОГИЯ	42
ПРОГНОЗ КОНЬЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА	46
Продовольствие	46
Нефть и газ	51
Металлы	56
Агрохимический комплекс	61
Лесобумажные товары	64
СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	69
Страны Европы	69
Соединенные Штаты Америки	78
Япония	85
Китай	88
Индия	92
АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОГНОЗА НА 2020 ГОД	95

Часть 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ.....	99
ЕВРОПА.....	107
БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СЕВЕРНАЯ АФРИКА	114
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	120
ТИХООКЕАНСКАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ.....	128

ЧАСТЬ I
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТRENДЫ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ – 2022

События 2021 года подтвердили выводы ежегодного прогноза ИМЭМО «Россия и мир: 2021», а также среднесрочного прогноза «Россия и мир: 2024» относительно тенденций и сценариев развития мировой экономики и политики. Ускоренная **цифровизация** и все связанные с ней социальные, политические и экономические изменения, фокус на **технологическую конкуренцию**, выход на первый план **климатической/экологической**, а с ней и **энергетической повестки**, усиление геополитической и геоэкономической напряженности – и все это в условиях бушующей глобальной **пандемии COVID19** – подвели мир и Россию к 2022 г. в уже ином состоянии, которое, вероятно, и станет той самой **«новой нормальностью»**. Эти слова оказались «самосбывающимся пророчеством».

Главной чертой 2022 г. и, вероятно, на горизонте, минимум 3-5 лет, будет беспрецедентное давление экзогенных факторов (ЭФ) – как прямое, так и через ключевых заинтересованных (государственных, общественных и корпоративных) – на переформатирование иерархии и сути традиционных факторов, определяющих мировую экономику, политику и безопасность. Этот процесс уже начался, что особенно заметно в энергетической и технологической сферах.

Сутью же мировой политики в 2022 г. будет уже начавшаяся адаптация к новым условиям национальных государств и их объединений. В основе процесса на текущем этапе будет стремление не столько противостоять негативным последствиям воздействия ЭФ *per se*, сколько максимально снизить издержки и ущерб от адаптации к ним для собственного развития, а для этого иметь возможность активно участвовать в принятии общемировых решений. Созданная после Второй мировой войны система институтов, в первую очередь, ООН, как еще раз продемонстрировала Конференция ООН по изменению климата 2021 г. (COP26), уже недостаточно справляется с международным управлением.

Иными словами, «новая нормальность»-2022 – состояние, обусловленное дефицитом эффективного управления, как на национальном, так и международном уровнях в кризисный и пост-кризисный периоды (сам термин появился после кризиса 2008-2009 гг.), равно как и острым дефицитом доверия внутри государств, между обществом и властью, и между государствами, даже между союзниками и партнерами, на фоне продолжающейся пандемии COVID19. Банальностью уже стало сравнение текущего этапа с Гоббсовским миром хаоса. Привкуса Средневековья в эту картину мира добавляет борьба «Левиафанов» – США и Китая.

Наряду с факторами «старой нормальности» («Новый мировой порядок или нет, но некоторые вещи просто не меняются» - Иан Бреммер, президент и основатель

Eurasia Group) «новая нормальность», вероятно, приведет к переформатированию силовых конфигураций, как ситуативных, так и устойчивых, изменениям в глобальном и региональном балансах.

Взаимодействие и синергия экзогенных и «традиционных» миросистемных факторов в 2022 г. будут крайне подвижны и требуют комплексного ситуационного анализа.

Ключевые факторы 2022 года

К ***экзогенным факторам***, влияние которых на мировую политику, экономику, социально-общественную жизнь и безопасность в 2022 г. будет усиливаться, относятся, в первую очередь, ***эпидемиологический и климатический***. С первым, вызванным пандемией COVID19, связана неопределенность – продолжительность пандемии, мутацию вируса, реакцию на него человека, наконец, вероятность появления новых штаммов прогнозировать достоверно пока невозможно. В то же время пандемия уже дала толчок *миросистемным* изменениям: в образе жизни, социально-психологическом состоянии глобального социума, в экономике, торговле, технологиях, структуре экономики и финансов, в международных отношениях и сфере безопасности. Большинство этих сдвигов получают дальнейшее развитие в 2022 г. и далее уже *независимо от уровня эпидемиологической угрозы*, которая в 2020-2021 г. послужила их мощным триггером.

Фактор глобального изменения климата и ухудшения экологии, речь о которых идет давно, в 2021 г. резко актуализировался – отчасти в силу стресса на фоне пандемии, а также из-за высокой нестабильности в энергетической сфере. Аномальные погодные условия продемонстрировали ненадежность, или как минимум, слабые стороны технологий возобновляемых источников энергии (ветровой, солнечной), что считают одной из причин энергетического кризиса 2021 г. По состоянию на начало 2022 г. волатильность глобального энергорынка с высокой вероятностью повлияет на процесс принятия решений в отношении энергетического перехода, прежде всего в том, что касается его временного горизонта.

Одновременно, назовем это условно, ***«климатизация»*** повестки мировой политики и экономики к 2022 г. окончательно оформилась как ***мощный инструмент геополитической, торгово-экономической и технологической конкуренции***.

Воздействие экзогенных факторов напрямую или опосредованно коснулось всего комплекса политических и экономических миросистемных традиционных факторов.

Политические и социальные тренды

Начнем с уже известных, ранее рассматривавшихся в прогнозах ИМЭМО. Пандемия вызвала резкое **усиление социальных дисбалансов** внутри национальных государств, не только развивающихся и бедных, но и богатых ведущих держав. Скачок безработицы и начавшаяся реструктуризация рынка труда, деградация и обесценение позиций среднего класса вызвали напряжение, которое легло на удобренную почву социальных противоречий и протестной активности последних лет. Действия правительств, с трудом и не всегда удерживающих баланс между соблюдением эпидемиологических требований и потребностью поддерживать экономическую активность, предотвратить разорение бизнеса, прежде всего среднего и малого, вызывают недовольство и протесты населения. Ситуацию усугубило появление во всем мире пока не движения, но большого числа COVID-диссидентов, протесты которых еще сильнее дестабилизируют внутривнутриполитическую ситуацию во многих странах.

Недоверие общества к власти, вызванное, конечно, не только ситуацией с пандемией, но значительно ею усугубленного, заставляет элиты принимать экстренные фискальные решения, которые могут обернуться негативными последствиями для экономик стран. Однако помимо фискальных мер власти ищут громоотводы *вовне*. **Тенденция к доминированию внутренней повестки над внешней**, также уже на протяжении ряда лет отмечаемая экспертами в различных странах и регионах, в 2022 г. будет усиливаться. Что усложнит внешнеполитические процессы, деформирует мировую повестку и с высокой вероятностью ослабит стратегическую стабильность. Экстремальным выражением указанных тенденций стал миграционный кризис в Белоруссии. Но не менее явно эти тренды прослеживаются в политике Китая, Израиля, Таджикистана или вполне благополучных Чехии и Польши.

В этой же парадигме **перебалансировки внутренней и внешней** политики и на фоне стресса из-за пандемии во всем мире будет продолжаться рост **национализма**. Его проявления многогранны и имеют долгосрочные последствия. Его базовым форматом на фоне роста недоверия в мировой политике, даже между союзниками, и обострения геоэкономической и геополитической конкуренции становится ставка на **суверенизацию**, как в политике, так и экономике, прежде всего в технологической сфере - **технонационализм**. Тон в этом тренде задала еще администрация Трампа. Однако в том же русле действуют не только Россия и Китай или Турция, но также страны Европы – члены образцовых интеграционных объединений. Все это усиливает ранее начавшийся **рост влияния региональных и малых игроков**, зачастую в ущерб региональной стабильности. В 2022 г. с высокой вероятностью рисками для региональной (с возможным выходом на глобальный уровень) безопасности в силу указанных выше причин останутся зоны тлеющих

или «примороженных» конфликтов на Востоке Украины и в Нагорном Карабахе, где в конце 2021 г. усилилась напряженность.

В рамках отдельных государств **националистические настроения**, принимающие порой экстремистские формы и также подогреваемые стрессом от пандемии, в 2022 г. сохранятся, однако причин для их значительного усиления не просматривается. В Европе, где рост национализма в последние 5-10 лет был естественной реакцией на процесс интеграции и стремление Брюсселя нивелировать всех и вся, а также был вызван миграционными волнами, протест, как показал 2021 г., скорее, канализируется в борьбу против социального неравенства. Однако одновременно возникает понимание, особенно среди молодежи, позитивного эффекта от консолидированного ответа ЕС на пандемический кризис. Что, в целом, на обозримую перспективу частично снимает получившие распространение опасения относительно целостности Евросоюза. Следует отметить, что таким же консолидирующим образом влияет на ЕС наступательная политика России, а также нестабильная ситуация в восточноевропейских государствах СНГ, прежде всего в Белоруссии и на Украине.

Тем временем эксперты прогнозируют рост специфического **азиатского национализма**, который объясняется рядом факторов. Это и реакция на рост национализма в Китае, т.е. укрепление национальных суверенитетов из опасений перед доминированием КНР. Это и проявление национальной гордости успехами в развитии, особенно на фоне «вялой» Европы. Это и специфическая стадия развития политий государств Азии. Копировавшие в первой половине-середине XX в. статусные западные (европейские, американские и альтернативные советские) практики, стремясь войти в выстроенное по западным правилам мировое сообщество (секуляризм, линейные границы, система управления), сейчас, на фоне очевидного кризиса западного сообщества и одновременно бурного развития стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, азиатские государства начинают искать цивилизационный фундамент, который бы позволил обосновать их возвышение как естественное и предопределенное. Формируется новый, специфически азиатский национализм, не очень похожий на европейский, предусматривающий безудержную экономическую экспансию, с одной стороны, и создание и раздел сфер политического и военного влияния, с другой.

Иными словами, **в 2020-х гг. все больше проступают контуры если не «столкновения цивилизаций», то цивилизационного разлома мироустройства.**

Ставка на **технологический суверенитет**, локализация производств и производственных цепочек, усилившиеся под влиянием пандемии, в 2022 г. и дальше будет способствовать **тенденции к регионализации глобализации и изменению глобального баланса**, в котором все большую динамику набирает огромный азиатский ареал.

В этом же направлении действует и продолжающееся *противостояние Соединенных Штатов и Китая*. В 2022 г., особенно перед промежуточными выборами в США, трудно ожидать какого-либо смягчения позиции Вашингтона. Все более жесткой становится и позиция Пекина, где в 2022 г. готовятся к XX съезду КПК. Близкое к биполярному противостоянию, *глобальное соперничество США-КНР* в 2022 г. и в обозримой перспективе останется, видимо, ключевой *миросистемной осью*, которая будет определять динамику развития мировой экономики, политики, безопасности.

Несмотря на возможные отступления по прагматическим соображениям (о чем свидетельствует договоренность Пекина и Вашингтона о «раскуповании» стратегических запасов нефти на фоне осеннего энергетического кризиса), *противостояние будет не только усиливаться и все больше расширяться на военную сферу, но и институализироваться*. Об этом свидетельствует подписанное в 2021 по инициативе США трехстороннее соглашение с Австралией и Соединенным Королевством (AUKUS) об обмене технологиями ядерных подводных лодок и укреплении их партнерства в области безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе в дополнение к Четырехстороннему диалогу по вопросам безопасности (Quad – США, Япония, Индия и Австралия) и разведывательному альянсу «Пять глаз» (Австралия, Канада, Новая Зеландия, Соединенное Королевство и США).

Оборотной стороной военно-политического усиления и создания *союзнической «сети» / «платформы»* в Индо-Тихоокеанской Азии, направленной на сдерживание КНР, становится дальнейшая *эрозия традиционных западных военно-политических структур, прежде всего НАТО*. Бесцеремонно аннулированная из-за создания AUKUS многомиллиардная сделка по строительству Францией нового поколения подводных лодок для Австралии, вызвала крайне негативную реакцию не только Парижа, но и Брюсселя. Политика Вашингтона при Дж. Байдене по восстановлению трансатлантических союзнических связей, в значительной степени также мотивированная необходимостью выстраивания широкого западного альянса для сдерживания Китая, стала подвергаться в Евросоюзе критике. Возобновились, хотя и на низком профиле, дискуссии о «стратегической автономии» ЕС. В 2022 г. в трансатлантических отношениях трудно ожидать знаковых перемен. Вероятно, подорванное еще при Д. Трампе доверие будет и дальше ослабевать, несмотря на цементирующие западное союзничество угрозы, которые видят со стороны Китая и России.

Одним из негативных следствий деградации западного военно-политического единства и перефокусировки Соединенных Штатов на Тихоокеанский регион

может стать *дестабилизация в конфликтогенных регионах*, прежде всего на Ближнем Востоке. А в 2021 г. итогом такого курса уже стал *Афганистан*.

Афганский фактор

Значение афганского фактора в глобальной политике в 2022 г. будет определяться тем, как будут развиваться события в самом Афганистане. В силу большой неопределенности, с одной стороны, и сложного переплетения архаики и интересов, связанных с актуальными трендами в политике, экономике и безопасности, с другой стороны, воздействие развития ситуации в *Афганистане, по крайней мере в 2022 г. и, вероятно, в следующие 3-5 лет можно рассматривать и анализировать сценарно.*

При *первом благополучном мирном сценарии* – нормализации ситуации в стране, укреплении власти умеренных прагматиков – значение афганского фактора будет снижаться. Талибы сами будут противодействовать экстремизму и стараться вписаться в общее мироустройство. При этом сам Афганистан останется, как это было до 1979 г., мировой периферией. Отношение к Афганистану сведется преимущественно к оказанию экономической помощи, содействию в решении гуманитарных проблем. Важное место займет сотрудничество в борьбе с производством наркотиков и наркотрафиком.

В своей внешней политике талибы будут придерживаться многовекторности, которая, в свою очередь, зависит от масштабов экономической помощи, которую им будет оказывать та или иная страна. Основными такими векторами будут Китай, США, некоторые страны Персидского залива, Турция и Россия.

Экономические интересы *Китая* в Афганистане ограничены. Он не особенно интересен Китаю как транзитная территория в контексте «Нового шелкового пути». Любая активность в Афганистане США чревата там общественным недовольством. Политика стран Персидского залива, прежде всего *Катара, Объединенных Арабских Эмиратов* на афганском направлении может активизироваться. В то же время, сыграв значительную роль в нормализации ситуации в Афганистане, содействовав диалогу с Талибаном, *Катар* может утратить интерес к афганской проблеме, участие в решении которой повышало его профиль в мировой политике. Можно ожидать активизации *Турции*, что связано в первую очередь с политическими амбициями президента Эрдогана. Однако его честолюбие ограничено ее финансовыми трудностями.

Что касается *России*, то ее сотрудничество с Афганистаном также будет ограничиваться преимущественно экономикой. Будут нормализованы отношения между Афганистаном и государствами Центральной Азии, хотя с Таджикистаном продолжатся известные трудности. Флагманом же налаживания отношений с Кабулом продолжит оставаться Узбекистан.

Второй сценарий – по состоянию на начало 2022 г. его вероятность достаточно высока – предполагает продолжение, а в ближайшее время, возможно, нарастание гражданской войны, последствием которой могут стать эксцессы терроризма и напряженность по периметру афганских границ. В этом случае внимание к Афганистану сохранится, но не будет столь большим, как в преддверии прихода к власти талибов. Последуют многочисленные круглые столы и совещания по урегулированию конфликта, в ходе которых внешние участники будут в той или иной форме поддерживать умеренное крыло Талибан. Афганистан окажется *фактором не глобальной, но региональной ситуации*.

Третий сценарий – менее вероятный - возврат к власти экстремистской части Талибана, что возможно лишь в ходе кровопролитной войны, которая де факто может привести к распаду страны, что повлечет возникновение региональных конфликтов, и вновь превратит Афганистан в крайне негативный фактор глобальной политики. Действия фанатиков-экстремистов, особенно на первых порах могут создать реальную (а не вымышленную) угрозу для некоторых стран Центральной Азии, прежде всего Таджикистана, Туркменистана и, хотя и в меньшей степени, для Узбекистана.

Военное же вмешательство извне практически невозможно – с учетом советского и американского опыта никто не захочет рисковать. При таком не слишком вероятном сценарии Афганистан может оказаться в международной изоляции, что приведет его к коллапсу.

Для *России* крайнее напряжение и опасения в регионе, возникшие в связи с приходом к власти в Афганистане талибов, создают, по крайней мере в 2022 г., дополнительные возможности для укрепления позиций в Центральной Азии, а также, в случае неблагоприятных сценариев, для диалога с Западом. Однако высокими остаются и риски.

Помимо регионального аспекта ситуация в Афганистане, при любом сценарии ее развития, выводит, пока в латентной форме, на первый план мировой повестки вопрос ислама как глобального тренда, во многом детерминирующего развитие мироустройства. Помимо идеологического соперничества с различными ветвями христианства и другими мировыми религиями, противоборство течений внутри ислама в обозримой перспективе будет все больше влиять на ситуацию в ареале Большого Ближнего Востока и в Азии и углублять глобальный цивилизационный разлом.

Экономические тренды и факторы

Под влиянием экзогенных факторов, прежде всего из-за ограничений, связанных с пандемией, множественных вынужденных деформаций на уровне производств, логистики, спроса и социальных проблем, к началу 2022 г. и, вероятно, в

ближайшей перспективе, мировая экономика, с одной стороны, оказалась в зоне повышенной инфляции. С другой стороны, под влиянием того же коронакризиса и подстегнутой им цифровизации всего мирового хозяйства и образа жизни в целом, а также «климатизации» глобальной повестки, вышли на бустерную фазу развития процесс «энергетического перехода» и ряд отраслей мировой экономики. Вероятно, 2022 год внесет *большую ясность* и даст параметры для среднесрочных и долгосрочных прогнозов относительно роли этих прорывных процессов в мировой экономике, политике и социальной сфере. Окажутся ли они *локомотивами перехода* к более устойчивой фазе, или создадут на своем пути такие проблемы, решение которых усугубит, по крайней мере в обозримой перспективе 3-5 лет, ситуацию, в частности с энергетической повесткой? Нельзя исключать, что сам ускоренный характер процессов, что в значительной мере обусловлено их *восприятием как начальной и решающей фазы геоэкономической и технологической конкуренции*, окажет несбалансированное, а потому не оптимальное влияние на мировую экономику и финансы.

Мировая экономика: неопределенность сохраняется

Главным вызовом для мировой экономики в 2021 г. стала задача выработки адаптационных механизмов, позволяющих обеспечивать положительные темпы экономического роста в условиях продолжающегося распространения коронавирусной инфекции. Уверенные темпы восстановления глобальных экономических показателей в I полугодии способствовали формированию надежд на то, что ущерб, нанесенный коронакризисом в 2020 г., будет компенсирован быстрее, чем ранее ожидалось. К октябрю 2021 г. МВФ повысил прогноз роста глобального ВВП на 2021 г. до 5,9% (по сравнению с 5,5%, ожидавшимися в январе), а ВТО пересмотрела прогноз мировой торговли до 10,8% (по сравнению с 8,0% согласно мартовскому прогнозу). Однако ближе к концу года ухудшение эпидемической обстановки и опасения относительно возможных последствий распространения коронавирусного штамма омикрон оказали негативное влияние на мировые товарные и фондовые рынки, что существенно усилило неопределенность относительно перспектив развития в 2022 г.

Подобно тому, как в 2020 г. глубина экономического кризиса продемонстрирована значительные региональные и страновые вариации, схожая картина наблюдалась в 2021 г. применительно к темпам экономического восстановления. Как и годом ранее, в наиболее благоприятном состоянии оказались развивающиеся страны Азии: если в 2020 г. они демонстрировали минимальные темпы спада (-0,8% по сравнению с -3,1% по мировой экономике в целом и -2,1% по группе стран с развивающимися рынками), то в 2021 г. темпы их роста, по оценкам МВФ, могут составить 6,4%. Значительный прирост ВВП (6,3%) демонстрировали также страны Латинской Америки и Карибского бассейна, однако, в отличие от развивающихся

стран Азии, этого оказалось недостаточно для того, чтобы компенсировать спад ВВП в 2020 г., составивший -7,0%. По группе развитых стран оценка темпов роста составляет порядка 5,2%, причем показатели для еврозоны (5,0%) и особенно Японии (2,4%) заметно отстают от показателей США и Великобритании (6,0% и 6,8%, соответственно).

В основе различий в темпах посткризисного восстановления экономики лежали три основных группы факторов: масштабы и интенсивность карантинных и квазикарантинных ограничений, вводимых в контексте борьбы с пандемией коронавируса (а также скорость отмены соответствующих ограничений); эффективность антикризисной политики; внешнеторговая специализация стран и темпы восстановления рынков соответствующих товаров и услуг. Первая из указанных групп факторов оказала решающее воздействие на различия в темпах экономического спада на протяжении 2020 г. и во многих странах продолжала играть сдерживающую роль в 2021 г. (особенно в странах ЕС, где политика локдаунов и жестких ограничений для невакцинированных применялась особенно интенсивно). Что же касается тех стран, которые в 2020 г. смогли избежать резкого спада за счет того, что воздерживались от введения ограничений (или быстро их отменяли), то в отсутствие других благоприятных факторов роста их динамика была более скромной. Наиболее показателен в данном контексте пример стран Африки южнее Сахары: если в 2020 г. их потери от кризиса были сравнительно умеренными (-1,7% ВВП), то в 2021 г. темпы роста экономики также были невысокими (3,7%).

Меры антикризисной политики, как и в предыдущем году, играли наибольшую роль в экономически развитых странах – не только благодаря масштабам поддержки экономики, но и благодаря эффективности реализации принятых решений, обеспечиваемой качеством политических и административных институтов. В наибольшей мере это относится к США, где в марте был утвержден новый пакет антикризисной поддержки экономики в размере 1,9 трлн долл., а ФРС продолжала агрессивно проводить политику количественного смягчения.

Главным источником различий в темпах роста ВВП стало влияние динамики мировых рынков на экономическую конъюнктуру в конкретных странах. На протяжении года мировые товарные рынки активно восстанавливались. Максимальные показатели роста мировой торговли предсказуемо были зафиксированы во II квартале 2021 г., когда относительно кризисных показателей, зафиксированных годом ранее, объем мировой торговли товарами увеличился на 22%, в т.ч. объем торговли продукцией обрабатывающей промышленности – на 40%. Показатели по ряду обрабатывающих отраслей были еще более впечатляющими: так, производство одежды выросло на 54%, железа и стали – на 71%, продукции автомобилестроения – на 101%. И хотя восстановление

международной торговли во II полугодии 2021 г. замедлилось, оно принесло ощутимые дивиденды странам, специализирующихся на выпуске продукции для рынков, продемонстрировавших максимальные темпы посткризисного «отскока».

Начиная с конца октября, неопределенность в мировой экономике вновь стала нарастать. В первую очередь это затронуло глобальные сырьевые и финансовые рынки, многие из которых не только полностью восстановились после кризиса, но и вышли на более высокие значения. Так, котировки нефти сорта Brent поднимались в октябре 2021 г. до 86,70 долл./барр., превзойдя максимальный докризисный уровень января 2020 г. (71,75 долл./барр.) и фактически выйдя на уровень пятилетнего максимума, зафиксированный в октябре 2018 г. (86,70 долл./барр.). В свою очередь, фондовый индекс SP500 последовательно обновлял исторические максимумы, достигнув в ноябре уровня 4743,74 пунктов, что в 1,4 раза больше уровня января 2020 г. Подобный «разгон» котировок в условиях продолжающейся пандемии нес в себе серьезные риски коррекции, реализованные уже в ноябре-декабре 2021 г. и сохраняющие актуальность для 2022 г.

Ключевыми факторами, способствующими актуализации этих рисков, стали опасения появления новых штаммов коронавируса, которые могут оказаться устойчивыми к существующим вакцинам, и начавшееся в ноябре сокращение реализуемой ФРС США программы выкупа активов (на 15 млрд долл. ежемесячно). Кроме того, ожидается, что в 2022 г. ФРС начнет повышать процентные ставки по федеральным фондам, что связано с резким усилением инфляционных тенденций в американской экономике. При целевом показателе 2%, инфляция в октябре составила 6,2% (впервые с 1990 г.), а темпы роста цен на потребительские товары три месяца подряд превышали 8%, чего не фиксировалось с начала 1980-х гг. Хотя влияние повышения процентных ставок для борьбы с инфляцией будет оказывать на рынки меньшее влияние, чем сокращение программы выкупа фондов, совокупный эффект этих мер для фондовых и товарных котировок может оказаться резко понижательным.

Дополнительным источником неопределенности для мировых энергетических рынков является интенсификация дискуссий вокруг национальных и международных инициатив, связанных со стимулированием ускоренного перехода к низкоуглеродной энергетике. Хотя итоги состоявшегося в Глазго климатического саммита продемонстрировали отсутствие однозначного международного консенсуса относительно отказа от использования углеводородного топлива (в т.ч. угля) и введения платы за выбросы углерода, традиционные отрасли энергетики сталкиваются со все более выраженной «стигматизацией» и регуляторным давлением. Это может иметь значительные последствия как для международных рынков энергетического сырья, так и для стран, наиболее активно продвигающих «антиуглеродную» повестку. В частности, высокая плата за углеродные квоты

стала одним из факторов газового кризиса в ЕС, а в перспективе может привести к росту производственных издержек и снижению конкурентоспособности европейского экспорта.

В 2022 г. мировая экономика продолжит восстановительный рост, который составит 5,1%. Экономики большинства стран мира превысят уровень 2019 г., хотя экономики таких стран, как Китай, Индия и США, вышли на докризисный уровень уже в 2021 г. Наиболее высокие темпы роста покажут развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком – 5,4%; тогда как экономика развитых стран возрастет на 4,7% (Таблица 1).

Таблица 1. Основные тренды роста ВВП, %.

	2001-2010	2011-2019	2020	2021	2022
Мир	3,9	3,5	-3,1	6,2	5,1
Развитые страны	1,7	1,9	-4,5	5,2	4,7
США	1,8	2,2	-3,4	5,9	5,4
Япония	0,6	0,9	-4,6	2,4	3,2
Великобритания	1,6	1,8	-9,8	6,9	5,1
Зона евро	1,2	1,3	-6,3	5,1	4,2
ЕС	1,5	1,6	-5,9	5,2	4,3
Германия	0,9	1,7	-4,6	3,2	4,4
Франция	1,2	1,4	-8	6,7	4,0
Италия	0,3	0,1	-8,9	6,0	4,4
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	6,2	4,8	-2,1	7,0	5,4
КНР	10,5	7,3	2,3	8,3	5,8
Индия	7,5	6,6	-7,3	9,2	8,8
Бразилия	3,7	0,8	-4,1	5,0	2,0
Россия	4,8	1,8	-3,0	4,6	3,2

Источник: IMF WEO Database, прогноз и оценка – ИМЭМО.

Темпы роста ВВП Китая в 2022 г. вернутся к докризисным значениям – 5,8%, а экономика Индии покажет очень высокие темпы – 8,8%. Российская экономика после быстрого отскока (4,8% в 2021г.) продолжит успешное посткризисное восстановление – 3,2% в 2022 г.

Экономика США несколько замедлится в 2022 г. до 5,4%. Японская экономика продемонстрирует необычно высокий рост – 3,2%. Высокими темпами после

глубокого падения (9,8% в 2020 г.) продолжит развиваться экономика Великобритании – 5,1%. Темпы роста экономики ЕС, по нашим оценкам, составят 4,3%.

Мировая торговля

Текущая динамика мировой торговли товарами позволяет предположить, что в 2021 г. ее объем вырастет на 10%, в 2022 г. – на 6%, а в последующие годы будет увеличиваться в среднем примерно на 3%. В среднесрочной перспективе продолжит развитие торговля услугами онлайн, но рост торговли услугами в целом едва ли будет столь же динамичным как в период до пандемии.

В 2021 г. мировая торговля будет расти почти в 2 раза быстрее ВВП. Однако в 2022 г. опережение будет минимальным, и, по всей вероятности, такое соотношение сохранится на среднесрочную перспективу. В отдельные годы (например, в 2017 г., в 2021 г.) не исключено возвращение к ситуации, характерной для периода ускоренного развития мировой торговли, когда темпы ее прироста в 1.5-2 раза превышали темпы роста ВВП.

В 2022 г. динамика мировой торговли будет носить скорее восстановительный характер. В последующие годы ее развитие в растущей степени будут определять факторы, связанные с развертыванием нового этапа научно-технической революции, включая рост электронной торговли и приближение производства к потребителю.

Важным условием продолжения роста мировой торговли после окончания пандемии служит следование принципам либеральной торговой политики, приверженность которым сегодня подтверждают ведущие страны мира, входящие в группу G-20. После возвращения мировой экономики и торговли к устойчивому росту можно ожидать возобновления попыток преодоления кризиса ВТО.

Тем не менее, рост протекционизма остается острой проблемой для всех участников международной торговли. Кроме того, сохранится торговое и, особенно, технологическое соперничество между США и КНР, которое и далее будет служить одним из главных источников нестабильности и усиления протекционистских настроений во внешнеторговой политике ведущих стран.

Растущее влияние на динамику и структуру мировой торговли будет оказывать реализация планов по кардинальному изменению энергетического баланса ведущих стран в пользу повышения роли возобновляемых источников энергии. Как показал опыт 2021 г., энергопереход несет с собой определенные риски для состояния экономики и торговли. Мировая торговля остается уязвимой также к потрясениям в финансовой сфере, стабильность которой может быть нарушена вследствие обострения мировой долговой проблемы.

Расширится применение инструментов торговой политики, направленных на построение «зеленой» экономики – по образцу углеродного сбора в ЕС. Развитые страны будут активнее настаивать на включении в торговые соглашения условий, обеспечивающих выполнение экологических и трудовых стандартов в странах-партнерах.

Поддержание сравнительно высоких темпов роста международного товарооборота будет зависеть не только от внешнеторговой политики стран-членов ВТО, но и от предпринимаемых государствами мер по поддержке всей экономики, которые сыграли большую роль в уменьшении негативных последствий пандемии. Эти меры будут постепенно сворачиваться, и от того, как это будет сделано, зависит состояние не только экономики ведущих стран, но и глобальной торговли.

Ключевые глобальные тренды в сфере экономики в 2022 г.:

- *повышенная инфляция;*
- *ускорение цифровизации на фоне усиления технологической конкуренции и стремления к цифровому суверенитету;*
- *ускорение декарбонизации и начало деметанизации мировой экономики;*
- *сдвиги в продовольственных системах (Фудтех - FoodTech).*

Главные отраслевые драйверы мирового экономического роста - производство полупроводников, фармацевтика и биомедицина, редкоземельные, цветные и черные металлы, продовольствие.

Риск повышенной инфляции. С лета 2021 г. мировая экономика развивается на фоне повышенной и продолжающей расти инфляции. Ее основными причинами стали: денежная политика властей в ответ на экзогенный шок пандемии, дезорганизация глобальных и внутристрановых производственных и логистических цепочек, начинающийся энергетический переход и картелизация на мировом рынке нефти. Реагируя на шок COVID-19, власти накачивают экономики денежной ликвидностью, поддерживают безработных, домохозяйства с низким доходом, малый и средний бизнес. Поддержка спроса осуществляется на фоне падающего или анемично растущего предложения. Ограничения на трудовую миграцию породили дефицит рабочей силы в грузовых автомобильных перевозках, портовом и складском хозяйствах. Для нормализации внутренних, региональных и глобальных перевозок, адаптации рынка труда потребуются несколько лет.

Структурным фактором инфляции стал энергетический переход, так как повышение цен на электроэнергию является одним из важнейших источников его финансирования. Дополнительное повышательное давление на цены на первичные энергоресурсы оказывает растущая цена на выбросы углерода. Рост цены нефти поддерживается картелизацией мирового рынка нефти, а также значительными сокращениями инвестиций в разведку и добычу крупными мировыми частными

нефтяными компаниями в ожидании «зеленого перехода». Рост цен на энергоресурсы также стимулирует повышение цен на продовольствие и сельскохозяйственное сырье.

Во многих развивающихся странах значительный вклад в инфляцию вносит девальвация национальных валют.

Высоко вероятно, что даже в самом благоприятном сценарии мировой экономической рост в 2022 г. и ближайшие несколько лет будет идти на фоне повышенной инфляции. При этом возможности ФРС погасить инфляционную волну через повышение процентной ставки ограничены – еще несколько лет она останется на уровне около 2%. Более высокая ставка может подорвать фондовый рынок и рынок облигаций. Новые массовые вливания ликвидности в экономику США в рамках инфраструктурного плана президента Байдена подтолкнут инфляционную волну.

Ускорение цифровизации на фоне усиления технологической конкуренции и стремления к цифровому суверенитету. Гонка цифровизации обострила экономическую и геополитическую конкуренцию. Экзогенный шок глобальной пандемии коронавирусной инфекции усилил эти тенденции. Цифровизация рассматривается государствами и компаниями как важнейший фактор экономического роста. Правительства и корпорации продолжают ускоренно наращивать НИОКР и инвестиции в развитие искусственного интеллекта, суперкомпьютеры и квантовые компьютеры, микроэлектронику, в первую очередь в полупроводники, интернет вещей и «большие данные».

Нараставшие с начала 2010-х годов противоречия между США и КНР в научно-технологической и инновационной (НТИ) сферах переросли в «технологическую войну». Весной 2021 г. КНР приняла программу «Видение 2035», в которой поставлена задача создать полностью независимые национальные цепочки поставок по критическим продуктам и технологиям, устойчивым к внешним шокам. Следует ожидать усиления политики США по ограничению доступа КНР к передовым технологиям, выдавливанию китайских компаний конкурентов с рынков. В 2022 г. США продолжают санкционное давление на компании КНР в сфере телекоммуникаций и потребительской электроники (Huawei, частично ZTE, на интернет-гигантов КНР Tencent, Baidu, Alibaba, Pinduoduo) с целью снизить их возможности по масштабированию перспективных цифровых решений в КНР.

Для сферы НТИ в целом «технологическая война» стала нормой и приобрела глобальное измерение, в том числе геополитическое. Она оказывает заметное влияние не только на отношения США-КНР, но и на трансатлантический диалог, взаимодействие Запада и Азии. Обостряющаяся технологическая конкуренция

подтолкнет процесс цифровизации в США, Китае, Европе, Южной Корее, Индии с прицелом на достижение *цифрового и технологического суверенитета*.

В рамках укрепления глобальных зон цифрового влияния вероятны инициативы США по расширению технологического взаимодействия с ЕС, Японией, Австралией, Индией и Южной Кореей. Будут предприниматься попытки создания зон, свободных от китайских телекоммуникационных и, частично, программных и интернет-решений. В свою очередь, КНР продолжит продвигать инициативу «Цифрового Шелкового пути» и сопутствующие меры для глобализации китайских цифровых стандартов. ЕС также будет действовать в логике «европейского цифрового суверенитета», пытаясь добиться «особого статуса» рынков ЕС и выстроить мягкий протекционистский режим для отдельных секторов рынка данных.

Ускорение декарбонизации и начало деметанизации мировой экономики.

Несмотря на половинчатые результаты глобального климатического саммита в Глазго в ноябре 2021 г. тенденция к декарбонизации мирового экономического роста получила дополнительное ускорение. В 2021 г. уже 21% глобальных эмиссий парниковых газов облагались налогом или другими формами оплаты за углерод. Налог на углерод и/или системы торговли разрешениями на выбросы углерода действуют в 45 странах. Китай в 2021 г. запустил для электроэнергетики крупнейшую в мире национальную систему торговли выбросами.

Мировой лидер декарбонизации Евросоюз разработал два новых инструмента декарбонизации – механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) и Таксономию ЕС. Оба инструмента фактически носят экстерриториальный характер. Механизм СВАМ начнет работать в тестовом режиме в 2023 г. и в полном формате с 2026 г. Платежи по СВАМ будут снижаться пропорционально объемам бесплатной выдачи разрешений на выбросы парниковых газов в рамках европейской торговой системы, от которых Еврокомиссия планирует отказаться лишь после 2030–2035 гг. Первоначально под механизм СВАМ попали цемент, железо и сталь, алюминий, удобрения и электроэнергия, постепенно он будет распространен на нефтепродукты.

Таксономия ЕС создает условия и стимулы для переориентации финансовых потоков и инвестиций в «зеленую» экономику и энергетику. Первый список природоустойчивых видов экономической активности вступил в силу в июне 2021 г. и включает около 90 позиций, второй список будет опубликован в 2022 г. Вероятно, особенно с учетом энергетического кризиса в Европе осени 2021 г./зимы 2022 г., что *Еврокомиссия включит природный газ в Таксономию ЕС в качестве переходной экономической активности как исключение из правил*, хотя против этого активно выступает секторальное лобби новых возобновляемых источников энергии. По атомной энергетике ситуация неопределенная, так как страны ЕС по

этому вопросу расколоты. За - выступают Франция, Финляндия, Республика Чехия, Польша, Венгрия, Словакия, Болгария, Румыния и Хорватия. Против включения ядерной энергетики в Таксономию - Германия, Австрия, Дания и Люксембург.

Вслед за декарбонизацией запущен процесс деметанизации мировой экономики.

В октябре 2020 г. Евросоюз утвердил стратегию по сокращению эмиссии метана. На климатическом саммите в Глазго по инициативе ЕС и США было принято Глобальное обязательство по метану, поддержанное более 100 странами. Китай не присоединился, но намерен подготовить собственную программу деметанизации. Еврокомиссия в партнерстве с Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Коалицией по климату и чистому воздуху и МЭА создала в 2021 г. Международную лабораторию по эмиссии метана (IMEO), которая начала формировать открытую базу глобальных выбросов метана и предложит универсальные стандарты учета его эмиссии. Метаноемкость производственной цепочки станет фактором, влияющим на глобальную конкурентоспособность нефтегазовых и угольных компаний уже в 2022 – 2023 годах. В перспективе механизмы платы за выбросы углерода будут распространены на метан, в первую очередь на уровне компаний. Сначала нефтегазовых и угольных, а затем и аграрных.

Сдвиги в продовольственных системах. Пандемия COVID-19 выявила опасную уязвимость национальных продовольственных систем, усугубив негативное влияние на них климатических изменений. Распространение коронавируса в сельских регионах в сочетании с превращением экстремальных погодных явлений, по сути, в ту самую «новую нормальность» для многих стран и обострением ситуации в ряде конфликтных и преимущественно аграрных регионов (от Восточной Африки до Афганистана) в 2021 г. негативно сказались на мировом производстве и распределении продовольствия. Появилась реальная угроза невыполнения поставленной ООН цели достижения «нулевого голода» к 2030 г. В сентябре 2021 г. мировые лидеры в рамках ГА ООН провели специальный Саммит, наметивший переход к устойчивым продовольственным системам, нацеленным на взаимоувязанное решение глобальных продовольственной и эко-климатической проблем при обеспечении социального развития сельских регионов, включая помощь и содействие АПК менее развитых стран. Без трансформации продовольственных систем, на которые приходится 33% мировых антропогенных выбросов парниковых газов и около 30% общего экономического ущерба от экстремальных погодных явлений, по сути, невозможен глобальный «зеленый переход».

Однако, исходя из растущего мирового спроса на продовольствие, прежде всего на продукцию «эко-климатически недружественного» животноводства в развивающихся странах, в 2022 г. и даже во всей текущей декаде трудно ожидать

радикальных перемен в мировом продовольственном хозяйстве. Основными направлениями, видимо, будут митигация и адаптация традиционного производства и переработки сельскохозяйственного и рыбного сырья, его потребления и утилизации отходов к изменениям климата. Необходим учет интересов производящих пока около 80% мирового продовольствия 600 млн. семейных ферм, многие из которых (даже в развитых странах) не готовы к «прорывным» изменениям в технологиях и организации сельхозпроизводства.

«Декарбонизация и деметанизация», смягчение или нейтрализация разрушительного эффекта такой трансформации АПК для социально-экономического развития сельских регионов, потребует значительно большего времени и инвестиций. Она включает постепенное замещение нынешних индустриальных технологически-организационных схем т.н. *Фудтехом* (FoodTech) - интегрированным внедрением цифровых и биотехнологий во всех звеньях продовольственных систем. Такие процессы уже идут в богатых странах. Однако их темпы, масштабы и степень вытеснения ими традиционных продуктов и технологий пока недостаточно определены. Так, Евросоюз перенес старт своей новой Аграрной стратегии до 2030 г., включающей ряд направлений Фудтеха, с 2022 г. на 2023г. По предварительным оценкам, реализация намеченных эко-климатических целей может снизить производство сельхозпродукции в ЕС на 10%, в т.ч. мяса – на 15%. Еще более туманны перспективы развивающихся стран, где более 80% крестьянских хозяйств – мелкие (до 2 га), не имеют нужных финансовых и кадровых ресурсов и сильно пострадали от пандемии и хронических внутренних конфликтов. Выполнение решений саммита ООН потребует массивного содействия им со стороны богатых стран и частного бизнеса, к которому последние пока не готовы.

Главные отраслевые драйверы мирового экономического роста. Под влиянием процесса цифровизации и декарбонизации ведущими отраслевыми драйверами роста мировой экономики в 2022 г. останутся *производство полупроводников, фармацевтика и биомедицина, редкоземельные, цветные и черные металлы. Полупроводники* играют главную роль в обеспечении цифровизации и декарбонизации мировой экономики. Возникший в 2021 г. дефицит полупроводников, негативно сказался на производстве автомобилей, компьютеров, промышленной и потребительской электроники. В самом оптимистичном сценарии дефицит рассосется не ранее середины 2022 г., при этом следует ожидать роста цен на полупроводники. Рост спроса и цен на полупроводники подтолкнет вверх цены на металлы, особенно кремний.

Ведущие страны заложили масштабные программы государственной поддержки отрасли. В Китае в рамках стратегии «Сделано в Китае 2025» производящие полупроводники компании получают государственную поддержку в 1,4 трлн долл.

Правительство Южной Кореи объявило о поддержке национальных производителей полупроводников в размере 450 млрд. долл. на 10 лет с целью создания полного цикла производства собственных чипов. В США в рамках «Закона об инновациях и конкуренции» запланирована поддержка национальной полупроводниковой промышленности в объеме 52 млрд долл. в течение 5 лет. В ЕС объявлен план создания «экосистем для внутреннего производства чипов» и прорабатывается инициатива о микросхемах European Chips Act.

«Технологическая война» США и Китая окажет заметное влияние на развитие промышленности полупроводников. Под эгидой созданного в июне 2021 г. Совета по торговле и технологиям ЕС–США будет активизировано создание общей трансатлантической полупроводниковой зоны. Американские компании уже строят в Европе заводы по выпуску полупроводников и объявили об инвестировании в ближайшие годы в новые европейские полупроводниковые проекты десятков млрд. долл. Через слияния и поглощения компании США расширяют экспансию в сектор полупроводников в Японии. Администрация США усилит давление на южнокорейские и европейские компании, побуждая их к отказу от совместных проектов с Китаем в полупроводниках.

Фармацевтика и биомедицина продемонстрировали в 2020 и 2021 годах динамичный рост на фоне снижения производства в большинстве отраслей и производств. Фармацевтические компании нарастили объем ресурсов, направляемых в сферу НИОКР, а стимулированные COVID-19 масштабные государственные заказы на медикаменты, медицинские материалы и вакцины поддержали финансовые показатели компаний. Расширение контингента вакцинируемых за счет детей, переход к обязательной вакцинации для всего населения, необходимость ревакцинаций, формирование стратегических запасов для защиты от новых штаммов коронавируса поддержит повышенный спрос на вакцины в развитых странах как минимум в 2022/2023 гг. Спрос поддержит расширение массовой вакцинации на страны с низким уровнем среднедушевых доходов.

Несмотря на принятие многими странами программ по производству вакцин на национальных и региональных уровнях, эффект от них проявится не ранее 2023/2024 гг. На горизонте до двух лет лидирующими глобальными продуцентами вакцин останутся США, Китай, крупнейшие страны ЕС, Япония и Индия, региональными — Россия, Иран, Турция и Бразилия. Активно наращивают производственные мощности по выпуску вакцин страны Юго-Восточной Азии.

К началу 2023 г. совокупный объем фармацевтического рынка может достичь рекордных 1,5 трлн долл., из которых пятая часть будет направлена в инновационные исследования и разработки — больше, чем в любой другой отрасли мировой экономики.

К концу 2022 г. ведущие мировые компании активизируют коммерциализацию фармакологических и биомедицинских инноваций, разработанных во время пандемии коронавируса, включая внедрение биотехнологий в производства немедицинских субстанций, киберфизические системы, усиление биологической защиты предприятий, внедрение «умных» информационных систем, основанных на биометрии.

Энергетический переход и цифровизация значительно повысят спрос на *редкоземельные и цветные металлы*, особенно никель, литий, кобальт, медь и алюминий. Масштабное строительство в Китае и значительные финансовые вливания в модернизацию инфраструктуры в США подтолкнули спрос на *черные металлы*.

Россия в мире 2022

Начавшееся обновление глобального экономического интерфейса, ключевыми параметрами которого становятся факторы, связанные с энергетическим переходом и ускоренной цифровизацией, ставит перед Россией ряд сложных задач.

Первая, учитывая остающуюся высокой зависимость России от экспорта энергоносителей, состоит в комплексной сбалансированной реструктуризации национальной экономики и социальной сферы. Давно артикулируемая, эта цель в новых условиях обретает экзистенциальный, жизненно важный для государства характер. Решение задачи в стратегическом ключе требует также учета климатических изменений, т.е. эвентуальных сдвигов на российских «северах», в водном балансе страны, уже начавшихся смещений на ее агропродовольственной карте.

Вторая задача – адаптация к переходному периоду с минимальными издержками и максимальным учетом долговременных ориентиров. Согласно стратегии, представленной делегацией России на саммите COP26, позиция Москвы включает несколько принципиально важных для нее моментов. Первый – это признание «зелеными» атомной и гидроэнергетики, а природного газа – низкоуглеродным топливом. Второй – тезис о российском лесном фонде (около 20% мирового) как факторе, компенсирующем российские выбросы CO₂. Третий – участие в выработке норм международной торговли углеродными квотами. Наконец, четвертый – намерение стать одним из ведущих (до 20% мирового рынка) производителей водородной энергии, особенно учитывая декларируемую руководством страны возможность ее экспорта посредством существующих трубопроводов, прежде всего Северного потока-2. Россия также намерена поощрять инвестиции компаний в российские проекты, способствующие борьбе с изменением климата, чтобы деньги оставались в стране, а не уходили на уплату налогов и пошлин за рубежом.

В целом же в 2022 г. Россия, как и весь мир, с высокой вероятностью, останется в зависимости от воздействия экзогенного эпидемиологического фактора и комплекса мер борьбы с пандемией, предпринимаемых как российской властью, так и во всем мире. Сложившаяся на начало 2022 года мировая практика свидетельствует, что надежного медицинского протокола борьбы с COVID19 и профилактики заболевания (вакцинации), как и однозначно эффективного алгоритма эпидемиологических социально-экономических мер, пока не выработано. Что означает вероятность сбоев в торгово-экономической системе как на национальном, так и глобальном уровнях, а также продолжение крайне негативно воздействующей на глобальный социум неопределенности.

Уже давно и последовательно действуя в русле глобального тренда на суверенизацию, Россия продолжит свою традиционную внешнеполитическую стратегию. На горизонте 2022 г. не просматривается ни факторов, ни признаков улучшения отношений Москвы с Западом, где недоверие к России сохраняется на весьма высоком уровне. В отношениях с США эксперты ИМЭМО считают вероятным сценарий поддержания точечного сотрудничества с Россией при сохранении общей конфликтности отношений. Выйти за сложившиеся рамки противостояния Вашингтону мешает также культивируемый им фактор китайской угрозы. И в этом общем контексте, и на двустороннем треке сдерживание России останется приоритетным направлением американской политики. Санкционный режим сохранится в полной мере. Однако параллельно продолжатся консультации по проблемам стратегической стабильности. Вашингтон заинтересован в достижении взаимопонимания с Москвой с учетом роста возможностей КНР.

В отношениях с Европой в 2022 г. многое будет зависеть от политики нового правительства Германии. В том, что касается торгово-экономических отношений, со стороны Берлина можно ожидать в основном продолжения курса, которого придерживалась А. Меркель. Но в общеполитическом плане вполне вероятно возникновение более жестких обертонов.

На Ближнем Востоке в 2022 г. у Москвы могут появиться точечные возможности для усиления своих позиций, так как государства, озабоченные сокращением американских обязательств, могут проявить большую заинтересованность к партнерству с РФ в сфере безопасности и поиску политико-дипломатических развязок в регионе.

Еще более сложной станет ситуация на постсоветском пространстве. На фоне нестабильности в Афганистане государства Центральной Азии рассматривают Россию как единственного надежного гаранта их безопасности в регионе. Что, однако, не препятствует дальнейшей реализации ими многовекторной внешней политики, в рамках которой значительное внимание уделяется Китаю, а также Турции. В целом, в 2022 г. ситуация в Афганистане с высокой вероятностью

останется для России и ее соседей в Центральной Азии главной угрозой безопасности в регионе.

Трудно ожидать существенных изменений и в сложившемся формате отношений Москвы с Минском, несмотря на слабость и возросшую зависимость последнего от Москвы. В отношениях же с Украиной нельзя полностью исключать ни сценария «размораживания» конфликта в Донбассе, ни обострения общего противостояния. «Война нервов» становится прежде всего фактором мощного политического давления, но чревата и переходом в неконтролируемую эскалацию, что дополнительно усугубляется военно-политической поддержкой Киева со стороны западных стран. В таких условиях повышение градуса конфликтности в 2022 г. выглядит вполне вероятным, а удержание ситуации от обрушения в неконтролируемую цепную реакцию можно будет считать уже позитивным сценарием. Возможным вариантом, однако, выглядит и продолжение сложившейся ситуации, в том числе, при поддержке Запада, прежде всего США.

С точки зрения экспертов ИМЭМО, 2022 год не внесет и особых изменений в картину отношений России со странами региона Тихоокеанской и Южной Азии. Главным геополитическим партнером РФ на этом пространстве останется КНР, с которой Россию связывают сходный взгляд на мировые процессы и значительное совпадение геополитических задач и приоритетов. Символом углубляющегося партнерства двух стран в политической сфере станет ожидаемый приезд российского президента на Олимпийские игры в Пекине на фоне кампании Запада за дипломатический бойкот этих игр. Сохранятся партнерские отношения с Индией, несмотря на «многовекторность» ее внешней политики и периодически возникающие в двусторонних отношениях конфликтные ситуации.

Новая нормальность энергетического перехода, цифровизация и жесткая технологическая конкуренция в 2022 году будут оказывать все большее влияние на глобальную экономику, политику и безопасность. От того, сумеет ли Россия запустить процесс ускоренной адаптации к изменениям, будет зависеть ее место в меняющемся мироустройстве и в иерархии мировых сил в текущем десятилетии.

ЧАСТЬ II
ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ПОСТКРИЗИСНЫЙ ОТСКОК

Восстановление российской экономики от коронавирусного шока носило в 2021 г. неравномерный характер. Если в I квартале спад ВВП продолжался (на 0,7% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года), то во II квартале наблюдался мощный посткризисный отскок – на 10,5% в годовом выражении. Удержать столь высокие темпы, однако, не удалось: уже в следующем квартале они снизились более чем в 2 раза (до 4,3%), так что по сравнению с предшествующим кварталом ВВП увеличился всего на 0,7%. Нарастание волатильности глобальных рынков и геополитических рисков вокруг России в IV квартале создали дополнительные препятствия для возобновления устойчивого роста.

Выраженные диспропорции наблюдались и в темпах восстановления отдельных секторов экономики. В то время как объем производства продукции обрабатывающей промышленности в январе-сентябре 2021 г. увеличился на 5,2% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г., в производстве кокса и нефтепродуктов рост составил всего 1,6%, а в металлургии – лишь 0,7%. Напротив, отрасли по производству автомобильных транспортных средств и мебели продемонстрировали рекордные показатели роста (25,1% и 22,5%, соответственно); за ними предсказуемо следует отрасль по производству лекарственных средств и медицинских материалов (17,9%). В свою очередь, добыча полезных ископаемых выросла на 3,0%, в т.ч. нефти и природного газа – на 0,9%, металлических руд – на 0,4%. Что касается продукции сельского хозяйства, то ее производство сократилось по сравнению с предшествующим годом на 4,3%.

Основными факторами, обеспечившими положительную динамику российской экономики в II–III кварталах 2021 г., стало восстановление спроса в мировой экономике, уверенный рост цен на углеводородное сырье и возобновление интереса к российским финансовым активам. По состоянию на конец октября 2021 г. цены на нефть сорта Brent превышали 84 долл. за баррель, превзойдя уровень конца сентября 2018 г., с которого начался продлившийся до марта-апреля 2020 г. месячный спад цен (причем достигнутый в октябре 2021 г. максимум – 86,70 долл. за баррель – практически точно совпал с абсолютным максимумом последних лет – 86,74 долл. за баррель – достигнутым в ноябре 2018 г. перед началом их снижения). Параллельно с этим в конце сентября европейские фьючерсы на природный газ превысили уровень 1000 долл. за 1 тыс. кубометров. В результате объемы нефтегазового экспорта (экспорт сырой нефти и нефтепродуктов, природного и сжиженного природного газа) увеличился в январе-сентябре 2021 г. на 46,7% (до 165,0 млрд долл.), совокупный экспорт – на 43,8% (до 343,3 млрд долл.). При этом, с учетом отставания в росте импорта (который за

соответствующий период увеличился на 28,8%), положительное сальдо торгового баланса выросло в общей сложности на 81,0% – с 68,8 до 124,5 млрд долл.

Что касается финансового счета платежного баланса Российской Федерации, то приток финансовых средств в страну (чистое принятие обязательств) по итогам первых трех кварталов 2021 г. составил 18,4 млрд долл. – по сравнению с их оттоком в размере 30,2 млрд долл. за аналогичный период 2020 г. Главным бенефициаром этого притока выступил Центральный Банк Российской Федерации (пророст обязательств на 18,4 млрд долл.). Поступление прямых иностранных инвестиций в небанковский сектор увеличилось почти в 4 раза (с 3,0 до 15,3 млрд долл.), а отток портфельных инвестиций из данного сектора – сократился с 13,1 до 7,9 млрд долл. Благоприятная динамика платежного баланса обеспечила возможности укрепления финансовых резервов страны: за 10 месяцев 2021 г. их объем увеличился на 28,5 млрд долл. (до 624,2 млрд долл.).

Позитивные изменения произошли и в сфере государственных финансов. В январе-сентябре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года доходы федерального бюджета увеличились на 35,6%, в т.ч. нефтегазовые доходы – на 60,5%. Это позволило обеспечить профицит федерального бюджета в размере 1625,0 млрд руб. по сравнению с дефицитом в размере 1656,8 млрд руб. годом ранее. Схожим образом, по итогам исполнения бюджетов субъектов федерации за январь-сентябрь 2021 г. общий профицит составил 987,0 млрд руб. по сравнению с дефицитом в размере 676,6 млрд руб. за аналогичный период 2020 г.

Динамика средств Фонда национального благосостояния была существенно менее выраженной (прирост в эквиваленте 399,41 млрд руб. – до уровня 12,1% ВВП), однако их структура претерпела заметную трансформацию. В соответствии с коррективами, внесенными 21.05.2021 г. в постановление Правительства РФ «О порядке управления средствами Фонда национального благосостояния», к концу июля из структуры средств Фонда были полностью исключены активы, номинированные в долларах США (по состоянию на конец декабря 2020 г. они составляли 51,5 млрд долл.). Вместо них в структуру средств Фонда было введено золото в обезличенной форме, объемы которого в июле-октябре 2021 г. составляли 405,71 т. Соответствующая реструктуризация активов Фонда стала очередным шагом по реализации стратегии дедолларизации российской экономики, которая, по мнению руководства Российской Федерации, должна способствовать снижению зависимости страны от геополитических рисков – прежде всего связанных с деятельностью США на международной арене.

В то же время дестабилизирующая роль геополитических рисков в 2021 г. оставалась по-прежнему высокой. В частности, в ноябре обострение ситуации с конфликтом на востоке Украины (наряду с усилившейся волатильностью цен на нефть и долговыми проблемами компании «Роснано») способствовало заметному

ослаблению курса рубля, а последовательное санкционное давление США против проекта газопровода «Северный поток – 2» выступало важным фактором неопределенности относительно каналов поставок российского природного газа в страны ЕС.

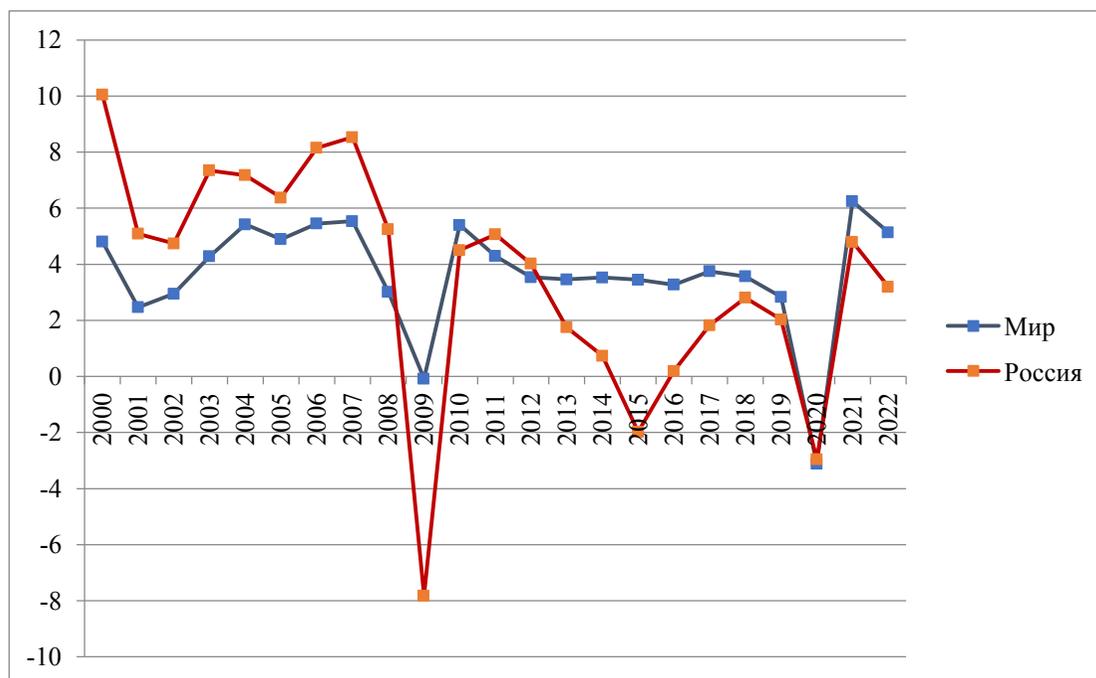
Что касается внутренних проблем российской экономики, то главной из них по-прежнему остается отсутствие значимых источников частного спроса как в инвестиционном, так и в потребительском секторе. Особое беспокойство продолжает вызывать ситуация с реальными доходами населения, которые в 2020 г. упали сильнее ВВП (на 3,5%), а в 2021 г. восстанавливались медленнее, чем ВВП (на 4,1% в январе-сентябре). С учетом их в целом негативной динамики за предшествующие годы, по состоянию на конец 2021 г. оценка реальных доходов населения оказывается 6–8% ниже уровня 2013 г. (в то время как оценка ВВП – примерно на 7% выше). Такая ситуация является следствием структурных проблем российской экономики, в рамках которой экономический рост обеспечивается преимущественно за счет крупных компаний, оперирующих в капиталоемких экспортоориентированных производствах (главным образом сырьевых и низкопередельных) и не создающего возможности получения дохода для основной части населения. Решение данной проблемы предполагает разворот в сторону поддержки малого и среднего бизнеса – не только высокотехнологичного и инновационного, но и бизнеса в сфере «традиционных» отраслей промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг, позволяющего гражданам самостоятельно обеспечивать себя источниками дохода. Признаки разворота к такой политике, однако, по-прежнему отсутствуют.

Что касается инвестиционного спроса со стороны частного сектора экономики, то в роли одного из ключевых сдерживающих его факторов в 2021 г. вновь выступал рост процентных ставок по кредитам. В январе-октябре Центральный банк России 6 раз повышал ключевую ставку, уровень которой достиг 7,5% по сравнению с 4,25% в начале года. С учетом того, что потребительская инфляция в октябре составила 8,1%, более чем в два раза превысив целевой показатель Центрального банка России (4,0%), высока вероятность новых шагов по повышению ключевой ставки, что будет оказывать дальнейшее дестимулирующее давление на внутренние инвестиции.

В сложившихся условиях принципиальное значение для перспектив развития российской экономики в 2022 г. будут иметь риски коррекции на глобальных сырьевых и фондовых рынках, полностью восстановившихся от коронавирусного шока 2020 г.; динамика санкционного давления со стороны США и ЕС; а также характер реакции национальных регуляторов на развитие ситуации с распространением коронавирусной инфекции. Поскольку карантинные и квазикарантинные ограничения стали главным фактором, определявшим глубину

негативного влияния коронавирусного кризиса на национальные экономики в 2020–2021 гг., принципиально важно соблюдать разумный баланс между позитивным эффектом ограничений с точки зрения сохранения здоровья граждан и их негативным влиянием на экономику. При этом существенно, что отмеченный осенью 2021 г. выход официальных показателей смертности от коронавируса в России на значения свыше 1200 чел. в день создает в среднесрочной перспективе серьезные демографические риски для экономического роста, связанные с сокращением как численности рабочей силы, так и объема потребительского спроса. С учетом того, что на сегодняшний день далеко не исчерпаны возможности медицинского ответа на вызовы коронавируса (расширение охвата населения вакцинацией; повышение эффективности терапии и изоляции инфицированных; профилактические меры; восстановление функционирования медицинских структур, в экстренном порядке перепрофилированных под борьбу с коронавирусом в ущерб стандартной работе с больными), акцент должен быть сделан именно на них, а не на ограничительных мерах, способных нанести ущерб национальной экономике.

График 1. Темпы прироста российской и мировой экономики, %

Источник: IMF WEO Database, прогноз ИМЭМО.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

В 2022 г., как и годом ранее, развитие мировой экономики будет определяться такими факторами, как борьба с пандемией, интенсификация освоения информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), воздействием климатической повестки и связанным с ней энергетическим переходом.

По нашей оценке, в 2022 г. будет завершена полная вакцинация населения в развитых странах, а также в России, Китае и в Индии. Кроме того, будет обеспечена вакцинами значительная часть населения в остальных странах. Немаловажным является появление лекарств для лечения коронавирусной инфекции и их широкое применение. Оба этих фактора обеспечат успех в борьбе с пандемией. Как следствие, локдауны и блокирование транспортных связей будут использованы только в качестве точечных мер. Те или иные ограничения в связи со вспышками заболеваемости, безусловно, будут применяться, но серьезного негативного воздействия на развитие экономики не окажут. Вместе с тем, нельзя совершенно исключить появление такого штамма вируса, который будет резистентен ко всем уже имеющимся вакцинам, что приведет к необходимости разработки новых вариантов вакцин и, соответственно, к повторной вакцинации всего населения. Однако, разрабатывая прогноз, мы абстрагировались от этого варианта развития событий.

Ускорение развития ИКТ позволило в значительной степени смягчить негативный эффект пандемии и обеспечило быстрый выход из кризиса мировой экономики. В сфере ИКТ растут опережающими темпами инвестиции, объемы производства и доля этих товаров и услуг в мировом экспорте (превысила 11,5%). Эта сфера предъявляет повышенные требования к квалификации работников, дефицит которых ощущается во всех странах, что, в свою очередь, создает новые разделительные линии как внутри стран, так и между ними.

Переход к зеленой экономике под воздействием климатической повестки включает в себя достижение углеродной нейтральности, сокращение выбросов и рост доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в топливно-энергетическом балансе (ТЭБ). При этом надо понимать, что многие годы доля в ТЭБах нефти и газа будет оставаться значительной, несмотря на развитие ВИЭ.

В 2021 г. посткризисный рост мировой экономики составит 6,2%, а в 2022 г. – 5,1% (Таблица 1). Оценки МВФ несколько ниже: 5,9% в 2021 г. и 4,9% в 2022 г. За весь послевоенный период кризис 2020 г. оказался самым глубоким, соответственно, рост мировой экономики в 2021 г. – одним из самых высоких.

Практически все страны мира превзойдут предкризисные показатели в 2022 г. Крупнейшие экономики мира – США, Китай и Индия – превысили докризисный уровень уже в 2021 г.

Развитые страны и в 2022 г. будут развиваться высокими темпами – 4,7% после отскока в 2021 г. на 5,2% (прогноз МВФ – 4,5%). Экономический рост в США продолжится более низкими темпами – 5,4%.(МВФ – 5,2%). Прогнозы роста экономики Японии ИМЭМО и МВФ совпадают – 3,2%. Экономика Великобритании будет развиваться высокими темпами – 5,1% (МВФ – 5,0%). Прогноз темпов прироста ВВП Европейского Союза ИМЭМО более консервативный – 4,3%, МВФ – 4,4%.

Более высокими темпами, чем развитые страны, будет расти экономика развивающихся и стран с формирующимся рынком – 5,4% (МВФ – 5,1%). Экономика Китая вернется на траекторию докризисного роста – 5,8% (МВФ – 5,6%). Высокими темпами продолжит развиваться экономика Индии – 8,8% (МВФ – 8,5%). Экономика России, по нашему прогнозу, возрастет на 3,2% (МВФ – 2,9%).

Таблица 1. Темпы прироста ВВП, %.

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО	
	2021	2022	2021	2022
Весь мир	5,9	4,9	6,2	5,1
Развитые страны	5,2	4,5	5,2	4,7
США	6,0	5,2	5,9	5,4
Япония	2,4	3,2	2,4	3,2
Великобритания	6,8	5,0	6,9	5,1
Зона евро	5,0	4,3	5,1	4,2
ЕС	5,1	4,4	5,2	4,3
Германия	3,1	4,6	3,2	4,4
Франция	6,3	3,9	6,7	4,0
Италия	5,8	4,2	6,0	4,4
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	6,4	5,1	7,0	5,4
Китай	8,0	5,6	8,3	5,8
Индия	9,5	8,5	9,2	8,8
Бразилия	5,2	1,5	5,0	2,0
Россия	4,7	2,9	4,6	3,2

Источник: IMF WEO Database, ИМЭМО РАН.

Наиболее болезненной проблемой в пост-ковидном мире остается проблема безработицы, которая резко подскочила в период кризиса. Например, в США – с 3,5% в феврале до 14,4% в апреле 2020 г. Учитывая резкий отскок экономики США (кризис продлился всего два месяца – самый короткий кризис за всю историю наблюдений с середины XIX в.), к октябрю 2021 г. безработица сократилась до 4,6%. До предкризисных значений еще далеко, но страна быстро к ним приближается. В Японии к октябрю 2021 г. безработица сократилась до 2,7%, что лишь немного превышает уровень 2019 г. В Великобритании безработица также сократилась и составляет 4,7%. Похожие тенденции и в Европейском Союзе – безработица сократилась до 6,7%, а в зоне евро – до 7,3%.

Сокращение мирового ВВП не могло не отразиться на международной торговле, которая более волатильна, чем мировое производство. На протяжении послевоенного периода мировая торговля росла быстрее, чем мировой ВВП, причем опережение доходило до 3,5 раз (например, в 2001-2010 гг.). В 2020 г. падение мировой экономики составило 3,1%, сокращение мировой торговли товарами – 5,3%, а мировой торговли услугами – около 20% (в первую очередь, транспорт и туризм). В 2021 г. мировой ВВП возрастет на 6,2%, а мировая торговля товарами – на 10,8%. В 2022 г. рост ВВП составит 5,1%, а прирост мировой торговли товарами – 4,7%¹. Более высокими темпами будет расти торговля услугами. Тогда как торговля товарами превысит уровень 2019 г. уже в 2021 г., для восстановления объемов торговли услугами потребуется не менее 2-3 лет. По нашей оценке, в дальнейшем превышение мировой торговли над ростом экономики будет минимальным.

---

¹ По оценке ВТО. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres21_e/pr889_e.htm.

МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

В 2022 г. динамика глобальных финансов будет определяться: а) восстановительным ростом мировой экономики, б) воздействием пандемии, в) политикой центральных банков, стремящихся, с одной стороны, удерживать национальные хозяйства на плаву (низкий процент, денежная эмиссия), с другой, погасить вспышку инфляции 2021 года.

Базовый сценарий (вероятность – 50 – 60%) – продолжение V-образного роста глобальной экономики, с замедляющимися темпами (темпы роста мирового ВВП – 4-5%, группы развитых стран – 3-5%, азиатских экономик – 5-7%, латиноамериканских – 2,5-3,5%, России – от 2 до 4% (МВФ).

Внутри **базового сценария** – два **субсценария** для глобальных финансов: 1) **первый** – «мягкая посадка» (нормализация, осторожное свертывание программ денежных смягчений центральных банков, стагнация финансовых рынков, постепенное замедление инфляции); 2) **второй** – резкие всплески волатильности и финансовых шоков, «жесткая посадка» на фоне накопившихся сверхвысоких рисков (табл. 1).

С очень низкой вероятностью может реализоваться **третий сценарий** (табл. 2) – глобальный финансовый кризис (разрыв мыльных пузырей на рынках акций, госдолгов, на других сегментах финансового рынка и цепная реакция системного риска при отсутствии зеркальных мер поддержки со стороны центральных банков).

Таблица 2. Сценарии динамики глобальных финансов в 2022 г.

Сценарии динамики глобальных финансов	Базовый сценарий	Стагнация, резкое замедление роста	«Черный лебедь», резкое торможение, падение
<i>Вероятность</i>	<i>50-60%</i>	<i>35-40%</i>	<i>5-10%</i>
I Нормализация, «мягкая посадка»	60 - 70	45 - 55	10 - 20
II Резкие всплески волатильности, «жесткая посадка»	30 - 40	45 - 55	30 - 45
III Глобальный финансовый кризис	x	x	50 - 55

Источник: расчеты автора.

Итоговые оценки вероятностей динамики глобальных финансов в 2022 г.: **первый сценарий** – 57-61%, **второй сценарий** – 36-38%, **третий сценарий** – 3-5%.

Валюты. Конъюнктура глобальных финансов формируется под воздействием динамики курса доллара США/евро, как двух мировых резервных валют. В рамках *первого сценария* динамики глобальных финансов прогнозируется, что доллар будет находиться в коридоре 1,1-1,3 к евро, каким он сложился в последние годы. Никаких «крахов» доллара не прогнозируется. Во *втором* и *третьем сценариях* может произойти усиление доллара США до 0,85 – 1,0 к евро, как это обычно происходит во время кризисов. Долгосрочная цикличность доллара к евро (15 – 17-летние циклы в 1970-х – первой декаде 2000-х гг.) будет слабо выражена, несмотря на рост инфляции (причина – низкий уровень процента).² Наиболее вероятным движением юаня (по сумме макроэкономических и политических факторов) является продолжение его медленного («черепашьими шагами») укрепления к доллару и евро (фактор, ослабляющий Китай в конкуренции с США и ЕС). Валюты развивающихся рынков, включая Россию, будут, как всегда, отличаться повышенной волатильностью: кэрри-трейдинг, кризисы, политические риски, волатильность цен на сырье). Сырьевые валюты, в рамках *первого сценария* и в меру роста мировых цен на сырье, будут испытывать «давление» в сторону укрепления к доллару и евро.

Инфляция. До середины 1990-х гг. уровень мировой инфляции составлял двузначную величину, временами достигая почти 40% (1992-1993 гг.). К концу 1990-х гг. он снизился до 5-6%, в 2000-х гг. – до 4-5%, в 2010-х гг. – до 3-4%. В 2021 г. произошла «постпандемическая» вспышка инфляции (мир в целом – 4-5%, развитые экономики – на 1-0,5 п.п. ниже, развивающиеся – на 1-3 выше).³

Прогноз на 2022 г. в рамках *первого сценария динамики глобальных финансов*: мировая инфляция – в пределах 3-4,5%, в т. ч. в развитых экономиках – 1,5-3,5% (США – до 3-4,5%, еврозона – до 2,5-3,5%), в развивающихся экономиках – до 6-8% (Китай – до 2-3%, Индия – до 5-6%, Латинская Америка – до 7-9%, Россия – до 7-8%). В рамках *второго сценария* – уровень инфляции выше на 1-2 процентных пункта. В рамках *третьего сценария* – мировая инфляция разгонится до 6-7% (с вкраплениями дефляции по ряду развитых стран).

Процент. В рамках *первого сценария* процентные ставки центральных банков развитых стран останутся в пределах -0,1 – 0,25%, ключевых развивающихся стран – в пределах 2,5-7,5%, в отдельных случаях выше. Всё большее число центральных банков будет осторожно переходить к политике роста процентных ставок и/или сокращения количественных смягчений, пытаясь балансировать между борьбой с инфляцией и стимулированием восстановительного роста экономик. В рамках

---

² Детальный анализ см. в книге: Я.М.Миркин, Т.В.Жукова, К.В.Бахтараева, А.В.Левченко, М.М.Кудинова. 1971 – 2025: курсы валют, мировые цены на сырье, курсы акций. М.: Магистр, 2015. 591 с.; Миркин Я.М. Глобальные финансы: будущее, вызовы роста / При участии Т.В.Жуковой, А.В.Комовой, М.М.Кудиновой; ИМЭМО РАН. – М.: Лингва-Ф, 2019. С.77.

³ IMF World Economic Outlook Database October 2021.

второго сценария процентные ставки центральных банков могут быть в 1,3-1,4 раз выше, в рамках **третьего** возникнет чересполосица: центральные банки развитых стран будут держать процентные ставки крайне низкими, возобновляя программы денежного смягчения, в развивающихся странах – они могут быть в 1,5-2 раз выше, чем предполагалось по **первому сценарию**.

С 1970-х гг. снижался «глобальный» уровень процента. В 2022 г. не произойдет возврата к уровням процента начала 2000-х, по-прежнему будет «властвовать» эпоха «низкого процента». В **первом сценарии** процент по ссудам⁴ в развитых странах будет медленно подниматься до уровня 2,5-5%, при увеличении процентной маржи (рост процента по депозитам – с отставанием). В развивающихся странах – тот же тренд, при более высоком уровне ссудного процента (до 2-3-х и более раз) и большей величине процентной маржи. Во **втором** и **третьем сценариях** процент по ссудам и депозитам будет повторять картину, создаваемую динамикой ставок центральных банков (см. выше).

Сырье. В рамках **первого сценария** прекращение роста мировых цен на сырье 2021 года в части, вызываемой финансовыми факторами (инфляция, пузыри на биржевых рынках товарных деривативов). Стабилизация цен на сырье при прочих равных, без учета влияния фундаментальных факторов: запасы, производство, спрос, технологии, политика. Во **втором** и **третьем сценариях** – сверхвысокая волатильность мировых цен на сырье (формируются на биржевых рынках товарных деривативов).

Золото. Первый сценарий – колебания цен на золото в диапазоне 1500 – 2200 долл., **второй и третий сценарии** – всплески цен на золото, которые могут выходить из этого диапазона.

Государственные долги. В **первом сценарии** – торможение роста / снижение насыщенности ими экономик. «Госдолги / ВВП» в группе развитых экономик в целом – 120-130% ВВП (США – 130-140% ВВП, еврозона – 95-105%, Великобритания – 105-115%, Япония – 250-265%), в развивающихся экономиках – 60-70% ВВП, в т. ч. Китай – 70-80% ВВП. Не менее 30-35% юрисдикций будут иметь госдолг выше 100% ВВП, в т. ч. не менее 8-10 – выше 150% ВВП. Как и раньше, госдолги (в т. ч. США, еврозона, Латинская Америка) будут областью концентрации высоких рисков, способных вызвать финансовые шоки. Вместе с тем никаких «крахов» государственного долга США не прогнозируется. Во **втором** и **третьем сценариях** насыщенность госдолгами экономик может вырасти в пределах плюс 10 – 15 процентных пунктов (подпитка экономик денежными смягчениями), при росте вероятности кризисов госдолгов в отдельных странах (или даже их группах).

---

⁴ Lending Interest Rate, World Bank Open Data

Финансовое развитие (financial development). Будет продолжен многолетний тренд ко все большему насыщению экономик деньгами, финансовыми инструментами и институтами, к финансиализации активов, их секьюритизации. Индикатор «Денежная масса / ВВП» вырос с 2000 по 2020 годы по миру в целом – со 100% до 133%.⁵ Прогноз на 2022 г. – 145 – 150% ВВП. Для группы стран с высоким уровнем доходов населения прогноз на 2022 г. – 140 – 145% ВВП (2000 г. – 110%, 2019 г. – 124%), со средним уровнем доходов (2000 г. – 68%, 2020 г. – 168%) – 180 – 190% ВВП. Для США – до 125% ВВП, для Великобритании – до 170 – 180%, Японии – 290 – 310%, Китай – до 215 – 235% ВВП.

Рынки акций. В первом сценарии продолжится повышательная динамика рынков акций, заложенная в 2010-х гг. – с рынком акций США, как «центром», в который стекаются капиталы из большинства стран мира, с более медленным, хотя и поступательным движением рынков акций еврозоны и Великобритании, с повышенной волатильностью развивающихся рынков, ускоренной динамикой акций инновационных компаний. Во втором и третьем сценариях – всплески волатильности и финансовые шоки, в т. ч. на «переоцененном» рынке акций США.

Концентрации рисков – 2022. «Черный лебедь» (проблемные долги / шоки на малопрозрачных сегментах финансового рынка, с не раскрытой информацией, в которых созданы «невидимые» сверхконцентрации рисков (аналог – 2008 г.)); госдолги в экономиках, максимально насыщенных ими; акции (США, развивающиеся рынки); мыльные пузыри на рынках финансиализированных реальных активов, возникающие при вспышках инфляции (сырье, недвижимость); валюты развивающихся экономик; финансовые инновации (криптоактивы и т.п.).

---

⁵ Broad Money / GDP, World Bank Open Data

ЭКОЛОГИЯ

Основные тенденции. В 2022 г. последствия глобальных климатических изменений и обусловленные ими риски будут по-прежнему входить в состав «больших вызовов» мировому устойчивому развитию, а сохранение глобального климата – главным приоритетом международной природоохранной повестки дня. В последние годы этот приоритет последовательно интегрируется в реализацию современной глобальной стратегии устойчивости на 2015-2030 гг. Согласно последним международным оценкам глобальных рисков, представленных в ежегодном международном докладе о Глобальных Рисках в 2021 г., срочные совместные действия по снижению климатических рисков, в том числе ущерб от связанных с ними чрезвычайных ситуаций и природных бедствий⁶, будут оставаться в числе основных направлений не только природоохранной политики, но и мирового устойчивого развития.

Однако, перспективы достижения глобальных климатических целей остаются пока достаточно неопределенны – в основном из-за неудач и фрагментарности практических действий отдельных государств, а также координации их совместных усилий по сохранению глобального климата и адаптации к наиболее опасным последствиям климатических изменений. Конкретные результаты предлагаемых мер, в том числе по переходу на низкоуглеродное развитие, скорее всего, будут оставаться неадекватными достаточно амбициозным международным целям Парижского соглашения по климату. Последние предполагают ограничение роста средней глобальной температуры в пределах 2⁰ С по сравнению с ее доиндустриальным уровнем, или даже сдерживание потепления на 1,5⁰ С.

Согласно экспертным оценкам результатов, достигнутых в 2021 г. на конференции сторон климатической конвенции, для достижения цели 1,5⁰ С нужны срочные и инновационные меры по снижению мировых выбросов парниковых газов на 45% к 2030 г по сравнению с их уровнем 2010 г., а затем достижение углеродной нейтральности к середине века⁷. Однако, вряд ли удастся выполнить такую задачу на основе уже заявленных странами-участниками национальных целей. Их анализ показывает, что к 2030 г. глобальные выбросы CO₂ вероятно возрастут на 14% по сравнению с их уровнем 2010 г.⁸. В 2020 г. в результате глобальной пандемии COVID-19 глобальные выбросы CO₂ сократились на 5%, составив 34,8 млрд т. Однако, в ближайшей перспективе ожидается возобновление их роста. Согласно

---

⁶ *The Global Risks Report 2021*. 16th Edition, World Economic Forum, 2021

⁷ *Glasgow Climate Pact*. The Conference of the Parties serving as the meeting of the Parties to Paris Agreement, Glasgow, 15 November, 2021, p.3

⁸ Ehsan M., Tollefson J., 2021. 'COP26 hasn't solved the problem': Scientists react to UN climate deal. *Nature*, 15/11/2021

оценкам международной исследовательской группы Climate Action Tracker (проводит мониторинг результатов климатических действий в 32 странах, ответственных за 80% глобальных выбросов) при современной системе климатического управления, к концу века глобальная температура может возрасти на $2,7^{\circ}\text{C}$; потепление может составить $2,1^{\circ}\text{C}$ при условии выполнения всех поставленных среднесрочных и долгосрочных задач.

Развитие международного климатического режима и международно-правового регулирования деятельности государств по сохранению глобального климата будет происходить на основе Парижского соглашения по климату в составе Рамочной Конвенции ООН по изменению климата (РКИК ООН). В конце 2021 г. (31 октября – 13 ноября) в Глазго состоялась КОП-26 – очередная сессия конференции сторон РКИК ООН, которая была отложена в прошлом году из-за ограничений по *covid-19*. На ней присутствовали представители 197 стран. Основные результаты заключались в принятии Климатического Пакта Глазго (*Glasgow Climate Pact*), направленного на предупреждение необратимых последствий климатических изменений и определившего сравнительно более жесткие рамки для снижения выбросов парниковых газов, сокращения использования угля и субсидирования добычи ископаемого топлива, а также механизмы климатического финансирования мер по адаптации к климатическим рискам в развивающихся странах. Впервые были детально рассмотрены процедуры для так называемых добровольно определяемых национальных обязательств по сохранению климата, которые должны обновляться каждые пять лет. А общий прогресс и эффективность имплементации Парижского соглашения будет определяться на основе агрегирования отчетных данных, предоставляемых сторонами, и первая такая оценка должна быть завершена в 2023 г.

Итоги КОП-26 показывают, что главные акценты в международной климатической политике будут сконцентрированы на следующих основных треках: снижение выбросов парниковых газов; реализация мер по адаптации; мобилизация финансовых ресурсов для перехода на низкоуглеродное развитие. Участниками КОП-26 был предложен достаточно широкий спектр возможных действий по отдельным приоритетным направлениям. Так, около 140 стран заявили о намерении перехода на углеродную нейтральность, а 40 стран – сокращения использования угля (хотя в их число не вошли наиболее крупные его потребители – Китай, Индия, США). 34 страны, включая их банки и финансовые учреждения, выразили готовность ограничить к концу 2022 г. международное финансирование использования ископаемого топлива, за исключением конкретных случаев, которые не приводят к потеплению выше $1,5^{\circ}\text{C}$ и не нарушают целей Парижского соглашения. Они также выступили с инициативой увеличения финансирования проектов устойчивого развития; к этой группе стран относятся Канада, Франция,

Германия, Италия и Испания. Индия подтвердила свое намерение к 2030 г. обеспечить половину энергопотребления за счет возобновляемых источников, а к 2070 г. перейти на углеродную нейтральность. Китай предполагает достичь пика выбросов парниковых газов до 2030 г. и осуществить переход на углеродную нейтральность к 2060 г. Было достигнуто соглашение об ограничении к 2030 г. сведения лесов, в котором приняли участие более 100 стран, на долю которых приходится около 85% мировых лесных ресурсов. Китай и США достигли соглашение о совместных климатических действиях (сокращение выбросов метана, ограничение использования угля и сохранение лесов).

Зеленое финансирование. 2021 год был отмечен возрастанием значимости «зеленого» финансирования как для международной климатической повестки, так и для обеспечения устойчивого развития мировой экономики в целом. О быстром росте количественных показателей «зеленого» финансирования свидетельствуют опубликованные данные СБИ за три квартала 2021 г. Как отмечается в отчете СБИ, темпы роста «зеленых» облигаций в текущем году были значительно выше, чем в 2020 г., а их эмиссия к концу года составит около 500 млрд долл. по сравнению с 297 млрд долл. в предыдущем году. По прогнозам к 2023 г. ежегодная эмиссия «зеленых» облигаций перешагнет рубеж в 1 трлн долл⁹.

Наряду с «зелеными» облигациями растет выпуск «устойчивых» облигаций (sustainability – linked bonds), направленных на достижение общих целей по устойчивому развитию для эмитентов, а также переходных облигаций (transition bonds), призванных способствовать более быстрому переходу компаний к низкоуглеродному развитию.

Увеличиваются объемы выпускаемых «зеленых» акций, для которых разрабатываются свои биржевые индексы. Постоянно растет число финансовых институтов, включая институциональных инвесторов, заявляющих о своей приверженности ESG-принципам.

Наряду с количественным ростом происходят качественные изменения. В ответ на потребность в четких критериях и бенчмарках для «зеленых» проектов многие страны, в т.ч. с развивающимися рынками разработали и приняли в 2021 г. так называемые «зеленые» таксономии (классификации видов деятельности, проектов и активов в качестве «зеленых»), в том числе Россия и Казахстан. При этом все острее встает вопрос о необходимости гармонизации национальных таксономий, и два «зеленых» лидера – ЕС и Китай уже несколько лет сотрудничают в этой области. Еще одна важная проблема, которая стала как никогда очевидной – необходимость количественной оценки экологических, прежде всего климатических рисков, как физических, так и связанных с энергопереходом.

---

⁹ Sustainable Debt Market Summary Q 3, 2021, CBI October 2021

Риск-менеджмент финансовых институтов и рынков требует полного раскрытия необходимой информации, поэтому все чаще раздаются голоса о переходе к обязательному предоставлению достоверной нефинансовой информации по «зеленым» инвестиционным проектам с учетом рекомендаций рабочей группы Совета по финансовой стабильности – Task Force on Climate Disclosure (TFCD). В настоящее время, по имеющимся оценкам, уже около 2000 компаний делают это добровольно. Многие банки используют стресс-тестирование с учетом климатических рисков.

Трансформируется государственно-частное партнерство в сфере «зеленого» финансирования, прежде всего в развитых странах, когда частные инвесторы целенаправленно привлекаются для реализации национальных «зеленых» стратегий. Наряду с «Зеленой сделкой» ЕС, примером может служить Великобритания, которая в 2021 г. обнародовала Стратегию перехода к углеродной нейтральности к 2050 г. и отраслевые стратегии, которые предусматривают широкий комплекс мер, в т.ч. с участием частных инвесторов, для «зеленой» перестройки отраслей, развития новых технологий и поэтапную их реализацию.

ПРОГНОЗ КОНЪЮНКТУРЫ ОСНОВНЫХ РЫНКОВ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА

Продовольствие

В 2021 г. на развитие мирового производства и торговли сельскохозяйственным сырьем и продуктами его переработки продолжало существенно влиять сочетание ряда факторов. Это - пандемия COVID-19, экстремальные погодные-климатические явления, сельскохозяйственные болезни и вредители, политические и военные конфликты в ряде регионов. Со стороны предложения эти факторы обуславливали недостаточно устойчивый рост производства продовольствия из-за опережающего роста заболеваемости и смертности от коронавируса в сельских регионах многих стран, в т.ч. ведущих продуцентов и экспортеров продовольствия (США, ЕС и др.) со второй половины 2020 г.; повышения частоты и жесткости экстремальных погодных колебаний – аномального весеннего похолодания в США и ЕС; сильных летних наводнений в ЕС, Бразилии и Китае; экстремальной летней жары и засух в Северной Америке и Средиземноморье; совпадения непрерывных засух на обширной территории Африки, Азии и Латинской Америки с сильными штормами, циклонами и ураганами; активизации сельскохозяйственных болезней и вредителей (возникновение 72 очагов особо опасных болезней животных в 12 странах только с 30 октября по 3 ноября 2021 г.; рекордное весеннее нашествие саранчи в Восточной Африке, от которого пострадали 3,5 млн. чел.). Со стороны спроса они привели к падению доходов аграриев и малообеспеченных городских жителей на фоне роста цен из-за нарушений в производственных и торговых-логистических цепочках. Резкий рост инфекции COVID-19 способствовал появлению очагов голода в ряде регионов стран, заметно влияющих на региональные и мировой продовольственные рынки, – Бразилии, Индии и ЮАР. Усилилось влияние на продовольственную ситуацию конфликтов в Йемене, Сирии, Эфиопии, Южном Судане, особенно, Афганистане, где острую нехватку продовольствия испытывает почти половина населения – 23 млн чел. За январь – сентябрь 2021 г. число живущих в условиях кризисного уровня отсутствия продовольственной безопасности мире выросло на 19% до 161 млн чел., а общее число недоедающих к концу года оценивается в 710 млн чел. (9% населения мира).

Действие вышеперечисленных факторов деформировало начавшееся в 2021 г. «постпандемное» восстановление мирового продовольственного хозяйства, усугубив отраслевую и региональную неравномерность его динамики. В растениеводстве при достаточно высокой урожайности основных зерновых культур и риса мировое производство пшеницы (ее сборы упали почти на 40% в Канаде и на 10% в США из-за экстремальных погодных условий), вероятно, снизится примерно на 1%, риса – возрастет почти на 1% (при стабильных сборах в

основных странах-произдцентах), кормового зерна – на 1,5% (при снижении сборов в Бразилии и ЕС). Более высокий прирост (на 2-4%) ожидается в производстве масличных, растительных масел и сахара. В животноводстве, благодаря слабой восприимчивости к коронавирусу основных видов сельхозживотных и птицы, а также восстановлению после вспышки АЧС свиней в Китае и Вьетнаме, в 2021 г. увеличится мировое производство мяса на 4% и молокопродуктов – на 1,5%. В территориальном разрезе Северная Америка, Европа и Океания по-прежнему будут преобладать в мировом производстве пшеницы, молокопродуктов и мяса – 48%, 41% и 36%, соответственно. Повышательные тренды в сельхозпроизводстве, вероятно, продолжатся и в 2022 г. Однако, в земледелии их может сдерживать начавшееся с середины 2020 г. удорожание энергоресурсов и минеральных удобрений (особенно азотных, наиболее востребованных сельхозпроизводством), а в животноводстве – удорожание белковых кормов, а также возможные вспышки эпизоотий.

В целом мировая торговля продовольствием в течение всего периода пандемии оказалась более стабильной по сравнению с другими товарами. По оценке ФАО ООН, в 2020 г. она увеличилась на 3,3% до 1,53 трлн долл., а в 2021 г. ожидается ее скачок на 14% до 1,75 трлн долл. Этот рост обусловлен прежде всего повышением мировых агропродовольственных цен (по ряду базовых товаров – на 12 % и более) и почти утроением расходов на транспортировку продовольствия. В 2021 г. рассчитываемые ФАО годовые общий индекс продовольственных цен и цен растительных масел могут стать самыми высокими за текущую декаду (2012 – 2021 гг.), индексы цен зерна и мяса – вторыми по величине. Причем закупки развивающихся стран растут почти вдвое быстрее, чем развитых, и их доля в мировом импорте продовольствия, по оценке ФАО, достигнет к 2022 г. 40%.

В товарно-региональном измерении сохранится доминирование Северной Америки, Европы и Океании в экспорте пшеницы, молокопродуктов и мяса – 81%, 83% и 59%, соответственно. Такие тенденции, вероятно, сохранятся, как минимум, в 2022 г., а возможно и до 2024-2025 гг., учитывая тренды цен на энергию, удобрения, пестициды, корма и семена. Это особенно сильно ударит по бедным странам с низкой продовольственной самообеспеченностью, что потребует учета их нужд при распределении продовольствия по обычным торговым каналам и расширения адресной продовольственной помощи в критических ситуациях. Особое значение будет иметь международное содействие в развитии их продовольственных систем, потребность в ежегодных инвестициях в которые для наиболее уязвимых стран до 2030 г. оценивается в 40-50 млрд долл. В 2022 г. и, вероятно, в ближайшей перспективе в целом можно ожидать роста объемов и повышения сбалансированности мировой торговли, особенно мясомолочными продуктами, растительными маслами и сахаром. Однако, уже среднесрочные

тренды могут меняться, например, из-за воздействия на предложение и спрос «зеленого перехода» в АПК, прежде всего развитых стран.

Кратко- и среднесрочная мировая конъюнктура в целом благоприятна для наращивания экономически эффективной агропродовольственной экспансии России. В 2020 г., по данным Минсельхоза РФ, ее агропродовольственный экспорт вырос почти на 20% (превысив 30 млрд долл.) и впервые обошел по стоимости импорт. Российский АПК поставляет продукцию в 160 стран мира, его доля в покрытии глобального продовольственного импорта достигла почти 2% по стоимости. В 2021 г., несмотря на меньший сбор зерна и некоторое снижение производства свинины и мяса птицы во второй половине года, экспорт продукции АПК РФ может возрасти по стоимости на 18-20%, а его доля в обеспечении мирового импорта – до 2,1%.

Возможное развитие рынков двух базовых товарных групп – зерновой и мясной показано в Таблицах 3 и 4.

Таблица 3. Мировые и российские производство и экспорт зерна (млн т., по сельскохозяйственным годам.

	2019/20	2020/2021	2021/2022
<i>Мир</i>			
Производство зерна	2710,7	2771,9	2793,3
в т.ч. пшеницы	760,8	776,5	770,4
Экспорт зерна	440,1	476	478,1
в т.ч. пшеницы	184,2	189	192,3
<i>Россия</i>			
Производство зерна	121,2	133	123,8
в т.ч. пшеницы	74,5	85,9	75,5
Экспорт зерна	44,4	48	45,0-48,0
в т.ч. пшеницы	34,8	38,4	35,0-36,0
<i>Доля России (%) в мировом:</i>			
производстве зерна,	4,5	4,8	4,4
в т.ч. пшеницы	9,8	11,1	9,8
экспорте зерна,	10,1	10,1	9,4-10,0
в т.ч. пшеницы	18,9	20,3	18,2-18,7

Источник: рассчитано по данным ФАО ООН, Росстата, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций производителей РФ; 2021/2022 – прогноз.

Как видно из таблицы 3, Россия и в 2021/22 сельхозгоду в основном удержит позиции в мировом производстве и экспорте зерна, в т.ч. пшеницы. С учетом ЕС как единого производителя и экспортёра 27 стран РФ останется важным

производителем (4 место в мире) и крупнейшим экспортером (1 или 2 место) пшеницы. При этом в зерне нового урожая доля наиболее прибыльной продовольственной пшеницы возросла в 1,2 раза – почти до 88%, содержания белка в ней – в 1,1 раза до 13,5% , клейковины – до 22,6%. Такое заметное улучшение качества зерна может компенсировать ограничения объема его вывоза. Причем не только из-за меньшего урожая, но и из-за введения экспортной пошлины, снижающей конкурентоспособность российских экспортеров. Несмотря на это, РФ, видимо, останется одним из ключевых игроков на мировых рынках ячменя (2 место в мировом производстве и 4 – в экспорте) и кукурузы (10 и 5 места, соответственно) и, вероятно, сможет сохранить свои позиции и в среднесрочной перспективе. Тенденции к повышению роли РФ наблюдаются на мировых рынках других растениеводческих товаров и продуктов их переработки, например, сахара (8 место по производству и 14- по экспорту в 2021/2022 г.). Российские поставки уже заметно влияют на ближайшие региональные рынки, прежде всего ЕАЭС, а также Ближнего Востока и Северной Африки, и частично вытеснили оттуда ЕС и США. Хорошие перспективы сохраняются у поставок российской продукции растительного происхождения на емкий рынок КНР, прежде всего, масличных, пшеницы, кукурузы, ячменя и продуктов их переработки.

Позитивные тренды, в основном, сохраняются и в российском вывозе продукции животноводческого происхождения, прежде всего мяса.

Россия постепенно наращивает производство и экспорт мяса, прежде всего мяса птицы и свинины. Она уже поставляет мясо и мясопродукты примерно в 40 стран. Ожидается, что, в конце 2021-начале 2022 г., восстановится и начнет расти российское производство свинины и мяса птицы. В 2021 г. РФ по свинине может стать 5- м мировым производителем и 6-м экспортером, по мясу птицы – 5-м и 8-м, соответственно. Постепенно расширяется и товарная номенклатура вывоза. Так, за январь-сентябрь 2021 г. российский экспорт свинины вырос лишь на 19% (в основном во Вьетнам), а говядины – в 2,2 раза (прежде всего в Китай, Казахстан и Саудовскую Аравию), конины – даже в 24 раза (преимущественно в Казахстан).

Эти тренды могут быть усилены на основе поддерживаемой государством экспансии обеспечивающих внутренний рынок российских агропродовольственных компаний на перспективные внешние рынки – прежде всего ЕАЭС, Китая, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, обеспечения устойчивой ветеринарной безопасности (в т.ч. получения статуса страны, свободной от АЧС и коровьего бешенства), а также адаптации к «антиковидным» ограничениям, в т.ч. расширения онлайн торговли.

Таблица 4. Мировые и российские производство и экспорт мяса¹⁰ (млн т.)

	2020	2021	2022
<i>Мир</i>			
Производство мяса,	314,8	329,2	330
в т.ч. мяса птицы	133,4	135,4	137
Экспорт мяса,	40,1	40,6	41,1
в т.ч. мяса птицы	15,4	15,5	15,8
<i>Россия</i>			
Производство мяса,	11,2	11,4	11,9
в т.ч. мяса птицы	5,1	5,2	5,3
Экспорт мяса,	0,59	0,65	0,6
в т.ч. мяса птицы	0,28	0,32	0,3
<i>Доля России (%) в мировом:</i>			
производстве мяса,	3,6	3,5	3,6
в т.ч. мяса птицы	3,8	3,8	3,9
экспорте мяса,	1,5	1,6	1,5
в т.ч. мяса птицы	1,8	2,1	1,9

Источник: рассчитано по данным ФАО ООН, Росстата, Минсельхоза США, Минсельхоза РФ, отраслевых организаций производителей РФ.

В целом при обеспечении приоритетности отечественного рынка проведение активной, но сбалансированной проэкспортной политики (в т.ч. осторожного применения инструментов типа тарифных ограничений нетарифного квотирования или разрешительного порядка экспорта), АПК России может не только достичь, но и превзойти, намеченный к 2024 г. объем агропродовольственного экспорта в 45 млрд долл.

¹⁰Говядина, свинина и мясо птицы (бройлеров)

Нефть и газ

Мировые достоверные запасы нефтяного сырья на конец 2020 г.¹¹ составили 1732,4 млрд барр., то есть в 2020 г., как и в 2019 г., наблюдалось небольшое сокращение запасов – на 2,4 и 2,1 млрд барр., соответственно. При этом более 70% запасов нефти располагаются на территории стран-членов ОПЕК. Крупнейшими запасами располагают Венесуэла (17,5% общемировых), Саудовская Аравия (17,2%) и Канада (9,7%). Россия находится на 6 месте, ее доля в общемировых запасах составляет 6,2%.

В связи с сокращением потребления и добычи нефти в 2020 г. под влиянием коронакризиса, обеспеченность текущей добычи достоверными запасами нефти в мире увеличилась по сравнению с 2019 г. и составила 54 года. В ОПЕК обеспеченность добычи запасами – 107 лет (в том числе в Саудовской Аравии – 73,6, Иране – 139,8, Ираке – 96,3). В Северной Америке обеспеченность добычи выросла незначительно – с 27,2 до 28,2 лет, в том числе в США – с 11,1 до 11,4 лет. В Европе этот показатель составляет 10,4, в России – 27,6, в Китае – 18,2 года.

Мировая добыча нефти в 2021 г., по нашей оценке, составит 94,0 млн барр./д., что на 5,5 млн барр./д. больше, чем в 2020 г.¹²

Мировые запасы природного газа в 2020 г. также сократились: с 190 до 188 трлн куб.м. Наибольшими запасами располагают Россия – 20% (37,4 трлн куб.м.), Иран – 17,1% (32,1 трлн куб.м.), Катар – 13,1% (24,7 трлн куб.м.) и Туркменистан – 7,2% (13,6 трлн куб.м.). Таким образом, на 4 страны приходится 57,3%.

Мировая обеспеченность текущей добычи достоверными запасами газа составила 48,8 лет, в том числе в Северной Америке – 13,7 (в США – 13,8). В Европе обеспеченность добычи ресурсами составила 14,5 лет, в России – 58,6, в Китае – 43,3.

Мировой спрос на газ в 2020 г. составил 3823 млрд куб. м., а в 2021 г., по нашей оценке, – 3980 млрд куб.м. Под влиянием коронакризиса потребление газа в мире сократилось, но в значительно меньшей степени, чем потребление нефти: всего на 2,3% (81 млрд куб.м.). Только в АТР в 2020 наблюдался незначительный прирост потребления, как следствие, доля региона в общемировом потреблении выросла с 22% до 22,5%. В Северной Америке потребление сократилось на 2,6% (в США – на 2,3%), в Европе – на 2,5%, в России – на 7,7%.

¹¹ См.: BP Statistical Review of World Energy, 2021. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>

¹² Расчеты сделаны на основе данных BP.

Мировая добыча газа в 2020 г. составила 3854 млрд куб.м. В 2020 г. добыча была сосредоточена в Северной Америке – 28,8% (США – 23,7%), СНГ – 20,8% (Россия –16,6%) и на Ближнем Востоке – 17,8% (Иран – 6,5%).

Таблица 5. Достоверные запасы и добыча нефти.

	Запасы, млрд барр.	Добыча, млн барр./д.		
		2019	2020	2021
Мир	1732,4	95,0	88,4	93,9
ОПЕК	1216	35,5	31,1	32,8
Саудовская Аравия	297,5	11,8	11,0	11,7
Иран	157,8	3,4	3,1	3,9
Ирак	145	4,8	4,1	4,2
Кувейт	101,5	3,0	2,7	2,8
ОАЭ	97,8	4,0	3,7	3,7
США	68,8	17,1	16,5	16,6
Канада	168,1	5,4	5,1	5,5
Мексика	6,1	1,9	1,9	1,9
Великобритания	2,5	1,1	1,0	0,9
Норвегия	7,9	1,7	2,0	2,1
Россия	107,8	11,7	10,7	10,9
Китай	26	3,8	3,9	4,1

Источник: BP Statistical Review 2020, прогноз – ИМЭМО.

В 2021 г. наблюдается оживление всей мировой экономики, сопровождаемое ростом спроса на источники энергии. Ключевым потребителем нефти является транспортный сектор. Несмотря на то, что туризм восстанавливается не так быстро, как остальные сектора экономики, в силу сохраняющихся во многих странах ограничений авиаперевозок и туристических потоков, благодаря росту внутренних перевозок спрос на нефтепродукты значительно увеличился по сравнению с 2020 г. Общий спрос на авиаперевозки в 2021 г. в два раза меньше, чем в до-кризисный период; в дальнейшем его рост будет увеличивать спрос на нефть. В 2021 г. мировой спрос на нефть превысит 95 млн барр./д., что при существующих прогнозных показателях добычи будет поддерживать высокий уровень цен.

Свое влияние на рынок нефти сохраняет соглашение ОПЕК+, заключенное весной 2020 г. Страны-участницы приняли решение о наращивании добычи нефти на 400 тыс. барр./д. с 1 декабря 2021 г. на фоне пост-кризисного оживления. Несмотря на

то, что некоторые участники соглашения нарушают взятые на себя обязательства¹³, предложение все еще уступает спросу, что привело к росту цен до уровня 2014 г.

Цены на нефть были поддержаны сокращением производства в США (Таблица 6). В результате пандемии и резкого падения цены в 2020 г. количество работающих буровых установок сократилось до уровня 2005 г. Несмотря на то, что за год, к августу 2021 г., удалось увеличить их число вдвое, оно все еще уступает уровню 2019-2020 гг. Производство нефти осенью 2021 г. на 1,5-2 барр./д. меньше, чем весной 2020 г., в то время как потребление уже вернулось к докризисному уровню.

Таблица 6. Мировые цены на нефть, долл./барр.

	2019	2020	2021	2022
"Корзина" нефтей ОПЕК (ORB)	64,0	41,5	68	64-66
Брент (Brent, 38.0 ⁰ API)	64,2	41,8	70	65-67
Юралс (Urals, Med, 36.1 ⁰ API)	63,6	41,7	68	64-66

Источник: ОПЕК Basket Price, прогноз – ИМЭМО.

В среднесрочной перспективе потребление углеводородов напрямую связано с энергетическим переходом и реализацией принятых странами обязательств до 2030 г. По данным МЭА, инвестиции в нефтегазовый сектор в 2021 г. впервые уступили инвестициям в зеленую энергетику (ВИЭ, энергетическая эффективность, хранение энергии). Вместе с тем, в 2020 г. 55% общемирового потребления нефти пришлось на развивающиеся страны, крупнейшие из которых (Китай, Индия) к 2030 г. планируют увеличить объемы выбросов.

Возможный рост добычи в странах, обладающих большими запасами нефти, – в Ливии, Иране и Венесуэле, – остается одним из ключевых факторов неопределенности. Однако, по мнению авторов, в краткосрочной перспективе резкий прирост добычи в обозначенных странах маловероятен.

Потребление газа также связано с климатической повесткой (Таблица 7). Однако его использование в развитых странах в качестве резервного топлива (на фоне волатильной выработки энергии при помощи ВИЭ) и в развивающихся странах в качестве моста между углем и ВИЭ обеспечит рост спроса на природный газ даже в долгосрочной (до 2050 г.) перспективе.

Оживление мировой экономики и особенно рост спроса со стороны промышленности и домохозяйств привели к росту спроса на газ в 2021 г. в ключевых регионах – Европе, АТР и Северной Америке.

¹³ ОПЕК+ misses target again, as some members struggle to raise oil output. Reuters. 18.10.2021. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/opec-compliance-with-oil-cuts-slips-115-september-sources-say-2021-10-18/>

Таблица 7. Достоверные запасы, добыча и внутренний спрос на газ.

	Запасы, трлн куб.м.	Добыча, млрд куб.м.			Спрос, млрд куб.м.		
		2020	2019	2020	2021	2019	2020
Мир	188,1	3976	3854	4000	3904	3823	3980
Сев. Америка	15,2	1130	1110	1135	1055	1031	1035
США	12,6	930	915	945	849	832	845
Европа	3,2	235	219	220	554	541	550
Россия	37,4	679	639	700	444	411	450
Китай	8,4	178	194	210	308	331	350
КСА	6,0	111	112	115	111	112	115
Иран	32,1	241	251	260	223	233	240
Катар	24,7	172	171	180	37	35	37

Источник: BP Statistical Review 2020, прогноз – ИМЭМО.

Погодные аномалии (засухи, отсутствие ветра, волны жары, наводнения) существенно сократили выработку энергии ВИЭ, также способствовали росту спроса на газ. Перенаправление потоков сжиженного природного газа (СПГ) на азиатский рынок в связи с более высокими ценами в совокупности с упомянутыми погодными аномалиями привело к энергетическому кризису в Европе и рекордно высоким ценам на газ во втором полугодии 2021 г.

В дальнейшем динамика цен будет определяться суровостью зимы в Европе и скоростью перехода с угля на газ, особенно в Китае и в Индии (Таблица 8).

Таблица 8. Мировые цены на газ, \$/MBtu.

	2019	2020	2021	2022
Япония (cif)	9,9	7,8	15-16	10-12
Нидерланды (TTF)	4,5	3,1	15-16	7-8
Великобритания (NBP)	4,5	3,4	14-15	7-8
США (HH)	2,5	2,0	6-7	3-4

Источник: BP Statistical Review 2020, прогноз – ИМЭМО.

России в 2020 г. пришлось столкнуться с целым рядом проблем, связанных со снижением экономической активности и потребления, а также решением ОПЕК+ о сокращении добычи нефти.

В 2020 г. российский экспорт нефти и нефтепродуктов составил 367 млн т., при этом на сырую нефть пришелся 71%. На Европу пришлось 53% общего экспорта, на Китай – 24%.

Несмотря на то, что в 2020 г. экспорт природного газа РФ сократился на 9%, доля СПГ продолжала расти и составила 17%. Ключевыми покупателями российского трубопроводного газа являются европейские страны, на которые в 2020 г. пришлось 85% всех поставок, на СНГ – 13%, на Китай – 2%. Основными покупателями российского СПГ являются Япония (20%), Китай (17%) Франция (12%) и Испания (9%).

Металлы

Сталь

2021 год прошел под знаком пандемии коронавируса, которая, по-видимому, и в будущем году сохранит негативное влияние на состояние всех сфер мировой экономики. В начале года ситуация на рынке оставалась достаточно сложной вследствие частичного замораживания спроса, спада производства в отдельных отраслях и нарушений цепочек поставки продукции и сырья.

В то же время жесткие государственные меры по борьбе с пандемией, в первую очередь массовая вакцинация, дали реальные результаты. При этом промышленность сравнительно быстро перешла к восстановлению во многом благодаря существенным мерам финансово-бюджетного стимулирования и отложенному спросу на металл.

По оценке World Steel Association, мировое производство стали в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом выросло на 4,2%, а потребление – на 2,8% по сравнению с предыдущим годом (Таблица 9).

Таблица 9. Динамика мирового производства и потребления стали, млн т.

	Производство			Потребление		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Мир	1799	1875	1900-1930	1760	1810	1850-1880
Азия ¹⁴	1335	1400	1380-1440	1296	1300	1300-1350
Китай	1033	1100	1050-1130	910	980	990-1110
Индия	95	120	100-125	103	85	95-105
Америка	168	172	165-175	183	175	175-190
США	80	90	85-90	97,7	82,3	85-90
Европа ¹⁵	158	160	155-175	192	165	165-180
ЕС	135	155	140-150	166	136	145-155
СНГ	97	104	95-100	44	38	38-45
Россия	65	73,5	68-72	43,7	40	40-44

Источник: WSA.

Восстановления спроса сопровождалось активным ростом цен на металлопродукцию до наивысших с 2008 г. значений. Главной причиной этих процессов явился дисбаланс между спросом и предложением. Во время коронавирусного кризиса до 30% металлургических мощностей за пределами Китая были остановлены либо снизили загрузку. При этом, по оценке Eurofer,

¹⁴ Япония, Китай, Индия, Республика Корея, Тайвань, Турция, Иран.

¹⁵ Без стран СНГ.

металлургические компании, металлотрейдеры и конечные потребители существенно – более чем на 20 млн т. – минимизировали складские запасы.

Восстановление спроса со стороны автопрома и производителей бытовой техники после ослабления жестких карантинных мер оказалось более динамичным, чем ожидалось. Metallурги оказались не в состоянии быстро удовлетворить потребности экономики, и даже возвращение в строй приостановленных весной 2020 г. мощностей не успевало за ростом спроса на металлопродукцию. В условиях пустых складов это оживление спроса уже к началу 2021 г. обернулось острым дефицитом металлопродукции, в первую очередь в США и в Европе, где имел место наибольший скачок потребления.

При этом возникли определенные сложности с восстановлением докризисных объемов производства: в **США** – из-за дефицита рабочей силы вследствие действующих коронавирусных ограничений и частичной реорганизации отрасли, а в **Европе** – из-за резкого повышения платы за выбросы углекислого газа.

Краткосрочные прогнозы в настоящее время для европейского рынка стали в целом благоприятны. По мнению экспертов Eurofer, восстановление будет отмечаться во всех металлоемких секторах, особенно в автопроме и строительстве, где инициируются крупные правительственные проекты. Даже накрывшая Европу очередная волна пандемии вряд ли остановит процесс восстановления, хотя он все еще выглядит довольно хрупким.

Китай в очередной раз подтвердил свою ведущую роль в развитии мирового металлургического производства. Руководство страны, которая первой столкнулась с пандемией, предприняло исключительные меры по стимулированию экономического роста. Уже к середине 2020 г. экономика (за исключением розничной торговли) практически вернулась к нормальному состоянию, несмотря на периодически возникающие новые волны COVID-19. Системные меры, предпринятые правительством, позволили резко повысить внутреннее металлопотребление, которое в 2021 г. возрастет почти на 8%, несмотря на существенные потери в первой половине 2020 г. Правительство Китая даже в самый сложный период не прекращало реализацию весьма металлоемких проектов в рамках Инициативы Пояса и Пути (ИПП).

В Китае практически реализуются все положения долгосрочных программ развития металлургии, разработанные в последние годы. Так, по-прежнему продолжается концентрация производственных мощностей, на долю десяти главных компаний КНР приходится около 60% внутреннего производства стали. Ведущая компания China Baowu Steel Group после серии слияний и поглощений в январе 2021 г. вышла на первое место в мире, достигнув 100 млн т. годовой выплавки стали, а доля Китая в мировом производстве стали превысила 57%.

При этом правительство по-прежнему главным приоритетом считает стабильность производства и сбыта, что приобретает особую значимость в условиях давления со стороны США. Другим важным фактором является задача обеспечения так называемой «углеродной нейтральности» сталелитейных компаний к 2060 г. Этому, в частности, должно способствовать повышение роли электродуговых печей в качестве основного сталеплавильного агрегата и соответствующее изменение технологической структуры металлургических комбинатов.

Металлургия России пережила коронавирусный кризис легче других стран. Пандемия оказала негативное влияние на общую деловую активность в первой половине 2020 г., что привело к существенному снижению спроса на сталь, но до секвестра запланированных инвестиций дело не дошло. В качестве общих преимуществ российской металлургии обычно называют собственное сырье и энергоресурсы, слабый рубль и непрерывность производственного цикла, а также жесткую привязку производства к выполнению госзаказов. Поэтому сокращение производства на пике первой волны пандемии (январь-сентябрь 2020 г.) оказалось всего лишь на 2,9% ниже, чем в развитых странах.

Коренной перелом на российском рынке произошел в IV квартале 2020 г., когда компании поняли, что мощный подъем цен на мировом рынке тенденция долгосрочная, а экспорт, который всегда был важным элементом развития, приобрел чрезвычайно высокую прибыльность. При этом факторы, спровоцировавшие этот подъем, продолжили свое действие и в первой половине 2021 г.

Мировые цены потянули за собой и внутренние. А к такому шоку российская экономика оказалась не готова. Подъем цен до рекордных исторических значений подтолкнул правительство к принятию экстренных мер по снижению стоимости металлопродукции для потребителей. Суть этих мер – *временное* с 1 августа по 31 декабря 2021 г. введение экспортных пошлин не ниже 15% на все виды металлургического сортамента.

Однако в третьем квартале 2021 года внутренний спрос (и соответственно цены) на металлопродукцию упали вследствие ее дороговизны, а также после объявленного введения экспортной пошлины. В 2022 г. вряд ли можно ожидать роста экспорта и цен, тем более, что предполагается введение системной меры – нового налогообложения металлургических компаний, основой которого должно стать увеличение налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ).

Алюминий

После спада в 2020 г. алюминиевая отрасль смогла переломить негативную тенденцию, вызванную пандемией, и выйти на положительную динамику роста. По

оценка IAI, в 2021 г. мировое производство первичного металла возросло на 5,4% по сравнению с предыдущим годом. (Таблица 10).

При этом мировое потребление алюминия росло более высокими темпами, чем его производство, вследствие чего на мировом рынке постоянно поддерживался умеренный (в пределах 300-500 тыс.т) дефицит металла, что определяло тенденцию роста мировых цен.

Кратковременному росту цен способствовал также военный переворот в Гвинее, которая является крупнейшим мировым поставщиком бокситов.

Мировую ситуацию в огромной степени определяет состояние алюминиевой промышленности Китая, на долю которого приходится около 60% мировых мощностей.

Таблица 10. Производство и потребление первичного алюминия, млн т.

	Производство			Потребление		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
КНР	32,1	34,5	36,0-37,0	31,0	35,0	34,1-36,5
Япония	-	-	-	2,4	2,5	2,5-2,6
США	2,55	2,75	2,8-2,9	5,95	6,25	6,4-6,7
Россия	3,67	3,67	3,75-3,8	0,83	0,85	0,9-1,0
Норвегия	1,60	1,62	1,63-1,64	0,78	0,76	0,75-0,8
Канада	1,12	1,01	0,98-1,0	0,83	0,83	0,8-0,84
Центральная и Южная Америка	1,24	1,30	1,44-1,5	1,38	1,45	1,5-1,6
Европа	4,40	4,50	4,57-4,58	9,10	9,30	9,5-9,6
Индия	2,68	3,12	3,4-3,6	1,90	2,00	2,1-2,2
Ближний Восток ¹⁶	4,48	4,56	4,4-4,7	1,39	1,50	1,6-1,64
Австралия	1,98	0,00	2,0-2,01	0,25	0,25	0,25-0,26
Мир	58,3	61,5	64,7-65,8	59,6	62,6	64,7-65,8
Мир без КНР	26,2	27,0	27,9-28,5	28,6	29,6	30,6-31,0

Источники: International Aluminium Institute (IAI); Алюминиевая Ассоциация (Объединение производителей, поставщиков и потребителей алюминия).

В целом, по мнению экспертов World Bureau of Metal Statistics (WBMS), к концу года мировые цены LME упадут вследствие уравнивания спроса и предложения из-за роста производства в Китае, компенсирующего рост потребления, вызванное восстановлением мировой экономической активности. Прогноз мировых цен на 2022 г. – на уровне 1830-1860 долл./т. (в начале 2000 г. – 1440 долл./т.).

¹⁶ Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ.

Российский монополист Русал после сокращения производства в 2020 г. активно наращивает продажи алюминия на внутреннем рынке, прежде всего за счет роста производства продукции с повышенной добавленной стоимостью. Доля этой продукции в нынешнем году приблизится к 50%. Крупнейшими сферами рынка остаются автопром и производство упаковки. Следует отметить, что продукция Русала имеет заметные конкурентные преимущества в отношении так называемого «углеродного следа» и экологичности, так как использует в своем производстве главным образом электроэнергию гидроэлектростанций.

Итоги года показывают, что критических диспропорций в развитии отрасли удалось избежать, главным образом в результате оживления мировой экономики. При этом большинство прогнозов на 2022 г. носят осторожный характер, главным образом из-за непредсказуемости новых волн пандемии, которая негативно отражается на работе основных отраслей-потребителей алюминиевой продукции.

Агрохимический комплекс

Мировой рынок минеральных удобрений вошел в новое десятилетие на подъеме. Спрос поддерживали рост цен на продовольственные товары¹⁷, целевые субсидии фермерам в странах Азии и Индии. Особый вклад в динамику спроса на удобрения внес растущий продовольственный импорт Китая, в 2020 г. превысивший 120 млрд долл.¹⁸

Международная Ассоциация производителей удобрений IFA оценила годовой прирост потребления удобрений в 2021 г. в 10 млн. т (+ 5,2%) – самый высокий с 2010 г. (Таблица 11).

Таблица 11. Мировое потребление минеральных удобрений, млн т. питательных веществ.

	N	P2O5	K2O	Всего
2020/21	110,0	49,6	38,5	198,2
2021/22	110,8	50,0	39,1	199,9
2025/26	114,5	52,5	41,2	208,3

Источник: Public Summary: Medium Term Fertilizer Outlook 2021 – 2015, Market Intelligence Service, IFA, p. 4

Ожидаемое существенное сокращение прироста потребления удобрений в 2022 г. (всего +1 млн т, 0,9%), эксперты IFA объясняют восстановлением запасов у аграриев, невысоким ростом или даже стабилизацией цен на зерновые культуры.

Кроме этих традиционных и преходящих факторов, в конце 2021 г. на отраслевом рынке появились новые тенденции, способные изменить позитивную картину не только в краткосрочной, но и в среднесрочной перспективе.

Для производителей *азотных и комплексных фосфатных удобрений* шоком стал рост цен на природный газ – основной элемент издержек производства. Если в августе фьючерсы на газ торговались на уровне 515 долл./тыс.куб.м, то в начале ноября поднялись до 960 долл./тыс.куб.м. Вслед за этим цены на удобрения в Европе взлетели на 60-70% и более по сравнению с уровнем 2020 г.. В октябре 2021 г. (FOB Балтийские порты) стоимость азотных и комплексных фосфатных удобрений достигла 800 долл./т., а на Черном море 1000 долл./т., превысив пиковые значения прошлых лет.¹⁹ В результате, европейские компании с начала года закрыли около 20% мощностей по производству азотных удобрений.

¹⁷ В сентябре 2021 г индекс цен на продовольствие составил 133,2.

¹⁸ www.eurasiancommission.org/ru/art/prom

¹⁹ www.kommersant.ru/doc/5049789

Частично снять напряжение на рынке мог бы запуск новых заводов по производству азотных удобрений в Африке. В Нигерии завершается строительство завода мощностью более 4 млн т. карбамида в год. Одна из крупнейших компаний на африканском континенте Dangot готовит к вводу линию мощностью 1,27 млн т. в год. Однако, значительная часть продукции этих предприятий предназначена для регионального рынка. Экспортные поставки довольно ограничены и станут возможными после стабилизации производства и решения логистических проблем²⁰.

Дополнительный стресс на рынке фосфорсодержащих удобрений и карбамида связан с позицией Китая, с ноября 2021 г. временно приостановившего экспортные поставки. С начала года в октябре 2021 г. фьючерсные цены на карбамид на Товарной бирже Чжэнчжоу выросли на треть до 405,1 долл./т., что стало новым рекордом и сравнялось с котировками 2008 г. По заявлению Государственного комитета по делам развития, решение принято для сдерживания цен на сырье и обеспечения поставок на внутренний рынок. Поскольку Китай – крупнейший мировой поставщик удобрений²¹, его уход с арены, пусть и временный, побудил других игроков отозвать цены предложения в ожидании их роста.

Сложившаяся ситуация на мировом рынке открывает окно возможностей для производителей России, использующих сравнительно недорогое сырье. С учетом свободных мощностей отечественных производителей, потенциал дополнительных поставок азотных удобрений за рубеж -2-3 млн т.²²

Для предотвращения чрезмерного роста экспорта, российское Правительство с 1 декабря 2021 по май 2022 гг. ввело квоты на вывоз азотных (5,9 млн т.) и сложных удобрений с содержанием азота (5,35 млн т.). В обоих случаях их объем близок к обычным объемам экспорта и не должен нанести ущерб производителям удобрений. Цель ограничений – не оставить российских аграриев без удобрений во время посевной в марте – мае 2022 г.

Начало и время коррекции цен и восстановления спроса оцениваются по-разному. Эксперты Райффайзенбанка считают, что коррекция начнется не раньше конца 2022 – начала 2023 гг. Аналитики «ВТБ Капитал» предполагают, что стоимость азотных и сложных удобрений достигнет рекорда к концу первого квартала 2022 г. В 2023 г. их стоимость может упасть примерно в два раза, но останется выше уровня 2019-2021 гг.

Значительные темпы роста потребления ожидаются *в калийном секторе* (1,5%), где издержки производства не зависят от волатильности цен на природный газ. После

²⁰ <https://latifundist.com/analytics/17-obzor-mirovogo-rynka-mineralnyh-udobrenij-2021-tseny-ostayutsya-vysokimi>

²¹ Китай ежегодно экспортировал 6-7 млн тонн диаммонийфосфата и 5 млн т карбамида

²² www.vedomosti.ru/business/articles/2021/09/22

резкого сокращения в 2019 г спрос в 2021 г. возрос на 6% и достиг 70 млн т. Цены выросли на 50%, не нарушив баланса предложения и платежеспособного спроса. На гранулированный калий в США цены увеличились до 335 долл./т. на условиях Fob Nola. В Юго- Восточной Азии калийные котировки выросли с августа 2020 г. почти на 12% к февралю 2021 г., до 268 долл./т.²³

Консолидированный и практический олигопольный характер производства делает калийные удобрения высокоторгуемым продуктом: 80% калийных удобрений поступает потребителям по импорту. В такой ситуации основной элемент в борьбе за потребителя – цена. Это побуждает Белорусскую калийную компанию демпинговать при заключении долгосрочных контрактов на поставку в Индию и Китай, которые традиционно являются индикаторами минимальной цены для остального рынка. В январе национальный трейдер подписал годовой договор с Индией на поставку 800 тыс. т. калия по 247 долл./т., а в начале февраля на аналогичных условиях договорилась об импорте с Китаем. Другие производители — «Уралкалий», немецкая K+S, канадская Nutrien и ее трейдер Canpotex — посчитали такую цену не соответствующей интересам ведущих производителей и не намерены использовать ее при продажах.

В мае 2021 г. Евросоюз и США ввели секторальные санкции против Беларуси по политическим мотивам. В документе Евросоюза калий с содержанием K₂O от 40% до 62%, наиболее применяемое калийное удобрение, в перечне попавшей под запрет продукции не указан.

В жестком американском варианте санкционного закона – Specially Designated Nationals List (SDNL) – предполагается не только запрет на торговлю калийными удобрениями, но и любые действия, включая сделки, связанные с передачей, оплатой, экспортом, в отношении имущества и долей в имуществе компаний, включенных в список. Как будут развиваться события пока трудно предсказать. Белорусская калийная компания слишком значимый игрок (20% мирового рынка калийных удобрений), и ее уход с мирового рынка вызовет значительный всплеск цен, что скажется на мировой продовольственной безопасности. Но в долгосрочном плане американские санкции могут создать предпосылки для перестройки на рынке и отрицательно повлиять на положение компании.

---

²³ Public Summary: Medium Term Fertilizer Outlook 2021 – 2015, Market Intelligence Service, IFA, p.6

Лесобумажные товары

В России главными экспортно-ориентированными отраслями лесопромышленного комплекса остаются заготовка деловой древесины²⁴ хвойных пород, производство хвойных пиломатериалов²⁵, клееной фанеры, древесной целлюлозы, бумаги и картона. На эти рынки в 2020 г. пришлось 76,5% стоимости мирового экспорта всех видов лесобумажной продукции, производимых мировым лесопромышленным комплексом. В России этот показатель в 2020 г. был существенно выше – 80,3%.

Весьма пессимистические прогнозы о влиянии пандемии на рынки лесобумажных товаров не оправдались. Получившие широкое распространение электронные заказы «на дом» повысили затраты времени и финансовых средств на реализацию проектов по модернизации домов, поскольку деловые поездки и различные виды прямого общения сократились. Проекты типа «сделай-сам» стали более распространенными с введением «локдаунов» и люди начали устраивать сами рабочие места «на дому», особенно в летнее отпускное время.

Расширение заказов на древесные материалы для работы на дому под влиянием COVID-19 способствовало переносу строительных и ремонтных работ за пределы крупных городских агломераций в средние и небольшие населенные пункты. Миграция занимающихся строительством и ремонтом домов работников из крупных городов, низкие ставки процента по кредиту, малые запасы домов на продажу, отложенный потребительский спрос и реконструкция жилищ были главными драйверами усилившегося жилищного строительства, работ по переустройству и продаж домов, в особенности в Северной Америке.

Несмотря на рост спроса на некоторые виды продукции, потребление в целом лесобумажной продукции в странах района ЕЭК в 2020 г. до 4,3%. Строительные виды лесных материалов и древесной продукции для обновления и переустройства жилищ столкнулись с сильным ростом цен за весь период времени до второй половины 2021 г.

В 2021 г. экономическая ситуация существенно улучшилась, что создало предпосылки для быстрого восстановления и рост в регионе ЕЭК. Поэтапное ослабление ограничений во всех отраслях экономики наряду с активизацией социальных контактов оживили отложенный потребительский спрос, как главный фактор расширения рынков лесобумажных товаров.

---

²⁴ Включает пиловочник, фанерные кряжи, балансы для целлюлозно-бумажной промышленности и прочие виды круглого леса, используемого как сырье для промышленной переработки и в строительстве.

²⁵ Включает доски, брусья, шпалы и другую продукцию лесопиления.

В Российской Федерации было решено оказать государственную помощь основным предприятиям отрасли. В соответствии с этой политикой была предоставлена помощь 35 деревообрабатывающим предприятиям и 18 мебельным компаниям, включая отсрочку по налоговым и страховым выплатам, государственное гарантирование займов и предоставление производственных субсидий для сохранения рабочих мест (ставка процента по таким ссудам не превышает 5%), шестимесячный мораторий на процедуры банкротства, отсрочка по выплате налогов со сроком погашения в 2020 г., право для особенно пострадавших предприятий на получение государственных гарантий и субсидий для покрытия потерь в бизнесе.

ЕС принял бюджет на 2021-2027 гг. и ввел в мае 2020 г. временный инструмент восстановления, названный «Следующее Поколение Евросоюза», предоставляющий 750 млрд евро для оживления экономик стран-членов. Такие фонды на национальном уровне предназначены для строительства доступного жилья и реконструкции домов, одновременно с повышением энергоэффективности жилищ и использованием возобновляемых энергоресурсов (древесной биомассы). Согласно замыслу разработчиков стратегии т.н. «Реновационной волны ЕС» в ближайшие годы рынки лесоматериалов для строительства и реновации жилищ должны сильно расширяться.

По данным Министерства торговли США доля Канады в импорте хвойных пиломатериалов составила 89,7%, а цены на эту продукцию на рынке США выросли за период с апреля 2020 г. по апрель 2021 г. на 121,1% , то есть больше чем в 2 раза. Это повысило стоимость строительства домов в США. Однако, низкие ставки по ипотечным кредитам и рост доходов домохозяйств поддерживают спрос на рынке жилья США. В ноябре 2020 г. Лесная служба США внесла поправки в Закон о национальной политике в области охраны природной среды, регулирующий управление лесным хозяйством и лесозаготовки. Хотя основные положения закона не претерпели существенных изменений, природоохранный аспект в нем усилился, что также может привести к росту цен на лесоматериалы.

Важной тенденцией следует считать качественный сдвиг позиций России на рынках хвойного делового круглого леса: последние более 10 лет ее вывоз такой продукции неуклонно снижается – с 37 млн куб. м в 2006 г. до 8,2 млн куб. м в 2020 г.

В 2020 г. Китай переориентировался с закупок в Северной Америке и России на страны Океании и Европы. За период с 2017 по 2020 гг. китайский импорт древесного сырья из Европы вырос в 20 раз, а из США – упал на 80% (с 1,5 млн. куб. м в третьем квартале 2018 г. до 0,32 млн. куб. м в первом квартале 2020 г.). Китай сохраняет позиции мирового лидера по закупкам деловой древесины.

Экспертные оценки ситуации на мировом рынке хвойной деловой древесины в 2021 г. и прогноз на 2022 г. позволяют сделать вывод, что заготовки этой древесины в промышленно-развитой группе стран Европы и Северной Америки в 2021 г. вырастут на 1,2%, а в 2022 г. – еще на 0,57%.

Ситуация в мировой целлюлозно-бумажной промышленности в 2020-2021 гг. отражает глобальную долговременную тенденцию: неуклонное сокращение производства писчей и полиграфической бумаги (газетной, журнальной и т. д.) в условиях нарастания использования электронных средств массовых коммуникаций. В эту тенденцию оказалась вовлеченной и Россия. Продолжается рост потребления санитарно-гигиенических и бытовых сортов бумаги, отдельных видов картонов, специальных сортов бумаги, а также целлюлозы, включая распушенную и растворимую.

Оценки экспертов стран, входящих в группу промышленно-развитых стран ЕЭК, свидетельствуют о некотором восстановлении динамики рынка бумаги и картона в 2022 г. Можно ожидать, что производство бумаги и картона в 2021 г. вырастет на 2,2% и в 2022 г. еще на 1,9%.

В развитых странах мира в 2022 г. следует ожидать продолжения процесса структурной перестройки целлюлозно-бумажной промышленности (Таблица 12). Эта перестройка подразумевает переориентацию на изделия, получаемые путем так называемого «рифайнинга древесной биомассы» и нанотехнологической переработки древесного сырья. Возможно продолжение переноса производственных мощностей, в первую очередь из стран Европы, в привлекательные для капитала страны Южной Америки (Бразилию, Чили др.), что снижает себестоимость бумажно-картонной продукции.

В целлюлозно-бумажной промышленности Китая, вышедшего на первое место в мире по производству бумаги и картона, в последние годы происходили крупные изменения. Во-первых, происходила глубокая структурная перестройка отрасли, направленная на закрытие старых, малых и неэффективных производственных мощностей по производству бумаги и картона из недревесного сырья (бамбука, хлопкового линтера и др.) при развитии современных крупных целлюлозно-бумажных комбинатов, использующих в качестве сырья древесное сырье. Во-вторых, можно отметить появление новой тенденции в импортной политике: Китай стал активнее закупать на мировом рынке товарную целлюлозу (то есть полуфабрикат) вместо необработанной древесины в форме балансов или технологической щепы.

В Китае в соответствии с общемировыми тенденциями в динамике целлюлозно-бумажной промышленности страны продолжалась перестройка, направленная на приспособление к изменениям в характере спроса на бумагу. В 2020 г. по

сравнению с 2019 г. рост как производства (4,8%), так и потребления бумаги и картона (4,9%) был весьма заметным, несмотря на коронавирус. В 2022 г. можно ожидать замедления роста китайского рынка бумаги и картон до 0,42% по производству и 1,26% по потреблению. В Японии в сфере целлюлозно-бумажного производства в 2021 г. можно ожидать подскока на 9,2% выпуска продукции и затем роста в 2022 г. на 0,9%.

Таблица 12. Мировая заготовка и потребление деловой древесины хвойных пород, млн куб. м.

	Производство			Потребление		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Мир	1145,4	1158,3	1164,4	1143,5	1158,6	1164,7
Азия	80,4	81,6	82,7	133,2	134,5	135,3
Китай	29,5	30,0	30,5	76,7	78,0	79,0
Япония	21,0	21,4	21,6	21,7	22,2	22,5
Европа	505,3	511,9	512,1	485,1	495,3	502,4
Великобритания	8,0	8,1	8,2	8,7	8,8	8,9
Германия	56,4	56,5	53,0	50,4	50,8	51,0
Россия	161,0	162,5	165,0	152,8	156,0	159,0
Финляндия	43,0	45,0	46,0	43,5	46,0	47,0
Франция	16,5	16,6	16,7	16,0	16,1	16,3
Швеция	64,1	65,0	65,5	67,7	69,0	70,0
Северная Америка	400,7	405,0	410,0	393,6	396,7	399,4
Канада	107,7	110,5	114,0	105,5	108,5	111,0
США	293,0	294,5	296,0	288,1	288,2	288,4

Динамика среднемировых цен на главных экспортных рынках лесобумажной продукции России в 2022 году будет следовать за динамикой спроса и предложения (Таблицы 13). Следует ожидать роста экспортных цен на древесное сырье и продукцию деревообработки (пиломатериалы, клееную фанеру) в условиях приспособления спроса на эти товары к последствиям пандемии. Роль России, как лидера цен на мировом рынке хвойного древесного сырья продолжает слабеть одновременно с отказом нашей страны от экспорта необработанной древесины. Мировые цены на бумагу и картон в 2022 г. могут слабо возрасти. По нашему прогнозу, среднемировые экспортные цены (в скобках российские) на рынке деловой древесины хвойных пород в 2022 г. составят 100-110 долл. за куб. м (70-80) против 79 (64) в 2020 г., на рынке бумаги и картона – 840 долл. за т. (510) против 826 (510) в 2020 г.

В России в последние годы принят ряд важных правительственных мер по совершенствованию деятельности лесопромышленного комплекса страны, имеющего значение для мировых рынков.

Таблица 13. Мировое производство и потребление бумаги и картона, млн т.

	Производство			Потребление		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022.
Мир	401,3	409,8	414,2	399,1	408,6	413,9
Азия	198,3	202,4	203,1	204,8	210,1	211,6
Китай	117,2	118,5	119,0	117,4	119,5	121,0
Япония	22,7	24,8	25,2	22,5	24,6	25,0
Европа	99,5	102,3	104,7	86,5	89,2	92,7
Великобритания	3,6	3,7	3,8	7,2	7,5	7,6
Германия	21,3	21,8	22,1	18,1	18,8	20,0
Россия	9,5	9,7	10,0	7,1	7,3	7,4
Финляндия	8,2	9,6	10,0	0,7	0,8	0,8
Франция	6,9	7,1	7,2	7,7	8,1	8,3
Швеция	9,3	9,5	9,7	1,1	1,2	1,3
Северная Америка	74,9	76,0	77,0	68,6	68,5	68,2
Канада	8,7	9,0	9,5	5,0	5,1	5,2
США	66,2	67,0	67,5	63,6	63,4	63,0

Правительство с 1 января 2022 г. введет тотальный запрет на вывоз необработанного круглого леса и заградительную таможенную пошлину на экспорт грубо обработанных влажных пиломатериалов толщиной более 10 см. Речь идет о перекрытии экспорта грубо обтесанного бревна, которым маскируют попытки вывозить кругляк, в рамках стратегии переориентации лесного комплекса на глубокую переработку сырья внутри страны. С 1 января 2022 г. правительство также отменит экспортные квоты на древесину хвойных пород. Под эти рестриктивные меры разрабатывается новый, электронный механизм учета и отчетности лесоматериалов, продаваемых и поставляемых за границу.

СОСТОЯНИЕ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОСНОВНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Страны Европы

Европейский Союз

Опубликованные Европейской комиссией (ЕК) в ноябре 2021 г. предварительные данные по странам ЕС и зоне евро, как мы и предполагали, показали более высокие темпы восстановления европейской экономики, чем прогнозировала ЕК. Прирост ВВП в ЕС-27 по итогам года оценивается в 5%, то есть прогноз ИМЭМО РАН оправдался с точностью до одной десятой процента (при том, что ЕК давала цифру 4,1%). Экономика стран зоны евро также расширится на 5% (наш прогноз предполагал прирост на 5,2%, прогноз ЕК – на 4,2%)²⁶. Фактически это означает, что в 2021 г. Евросоюзу удалось отыграть большую часть экономического спада, вызванного пандемией COVID-19 (см. табл. 14).

Экономическая динамика, однако, сильно варьирует по странам и зависит от целого ряда факторов, в том числе от масштабов эпидемиологических ограничений, специфики отраслевой структуры (тяжелее всего пришлось странам, сильно зависимым от туризма), внешнеторговой специализации и доходов от экспорта, размеров финансовых вливаний для поддержки экономики и пр. В наилучшем положении оказалась Ирландия, которая вообще не пострадала от кризиса, главным образом – благодаря существенному росту экспорта фармацевтической продукции. Хуже всего пришлось странам Южной Европы и отчасти Франции, которые первыми столкнулись с пандемией и были вынуждены раньше других ввести жесткие ограничения, не имея при этом достаточных возможностей для адаптации национальных систем здравоохранения к новому вызову. Преодоление этими странами экономического кризиса во многом будет зависеть от помощи со стороны наднациональных институтов, осуществляемой из средств бюджета Евросоюза и 750-миллиардной восстановительной программы «Следующее поколение ЕС». Промежуточное положение занимают страны Северной Европы, Бельгия, Нидерланды, а также большинство новых стран-членов ЕС, в которых кризис развивался по V-образному сценарию (быстрый спад и быстрый подъем). Неожиданным для экспертов стало довольно медленное восстановление Германии (после 4,6-процентного спада в первый год пандемии ее ВВП возрастет всего на 2,7%; ИМЭМО РАН прогнозировал 4%). Причины слабой динамики в крупнейшей европейской экономике кроются в ее излишней

---

²⁶ См.: European Economic Forecast. Autumn 2020. Institutional Paper 136. November 2020. P. 1; European Economic Forecast. Autumn 2021. Institutional Paper 160. November 2021. P. 1; Россия и мир: 2021. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 61.

зависимости от экспорта, рост которого был недостаточно быстрым из-за проблем с поставками комплектующих.

Таблица 14. Прогноз динамики ВВП и безработицы в ЕС

Страна	Доля в ВВП ЕС, %	Динамика ВВП, %			Безработица, % экономически активного населения		
	2020	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Германия	25,1	-4,6	2,7	4,2	3,8	3,6	3,5
Франция	17,2	-7,9	6,5	3,8	8,0	8,0	7,8
Италия	12,3	-8,9	6,2	4,4	9,2	9,8	9,5
Испания	8,4	-10,8	4,6	5,8	15,5	15,2	14,4
Нидерланды	6,0	-3,8	4,0	3,6	3,8	3,5	3,5
Бельгия	3,4	-5,7	6,0	3,0	5,6	6,2	6,5
Австрия	2,8	-6,7	4,4	4,6	6,0	5,0	4,5
Ирландия	2,8	5,9	14,6	5,5	5,7	7,5	6,5
Финляндия	1,8	-2,9	3,4	2,9	7,8	7,7	7,2
Португалия	1,5	-8,4	4,5	4,9	7,0	6,7	6,5
Греция	1,2	-9,0	7,1	4,1	16,3	15,3	14,4
Зона евро – 19	85,1	-6,4	5,0	4,2	7,9	7,9	7,7
Польша	3,9	-2,5	4,9	5,0	3,2	3,3	3,3
Швеция	3,5	-2,8	3,9	3,8	8,3	8,2	7,5
Дания	2,3	-2,1	4,3	3,1	5,6	4,8	4,6
Чехия	1,6	-5,8	3,0	4,2	2,6	2,7	2,8
Румыния	1,6	-3,9	7,0	5,0	5,0	5,0	4,9
ЕС-27	100	-5,9	5,0	4,2	7,1	7,1	6,9

Источник: данные за 2020 и 2021 гг. (предварительная оценка) — Евростат, прогноз на 2022 г. — ИМЭМО РАН

Росту экономики в 2021 г. способствовала достаточно быстрая вакцинация населения, позволившая большинству входящих в ЕС стран смягчить эпидемиологические ограничения, что, в свою очередь, привело к оживлению деловой активности. Несмотря на то, что в плане распространения вакцины объединенная Европа стартовала хуже, чем, например, США и Израиль, весной-летом ее темпы ускорились и, по данным на ноябрь 2021 г., 69,9% граждан ЕС и ЕАСТ получили, по крайней мере, одну порцию препарата (65,5% – обе порции). При благоприятном сценарии в первой половине 2022 г. вакцинация будет в основных чертах завершена, что позволит если не победить пандемию, то, по крайней мере, обеспечить устойчивость национальных систем здравоохранения и отказаться от введения жестких локдаунов в пользу более мягких ограничительных мер, не наносящих столь серьезного урона экономике.

Положительное влияние оказала также беспрецедентная по своим масштабам поддержка бизнеса, осуществленная в 2020 г. во всех странах ЕС и на

наднациональном уровне, которая позволила избежать массового ухода с рынка малых и средних предприятий (МСП). Политика в отношении корпоративного сектора направлена на сохранение деловой активности жизнеспособных фирм, включая те, которые находятся в сложном положении. Ее ключевыми элементами стали прямая рекапитализация компаний, предоставление государственных гарантий, а также разнообразные налоговые программы²⁷. Экономической активности МСП способствовала и ускоренная цифровизация, происходившая в 2020–2021 гг. как по объективным причинам, так и вследствие мер поддержки, например, принятия Стратегии малых предприятий ЕС для устойчивой и цифровой Европы. Реализация этой и других программ привела к росту секторов, тесно связанных с цифровыми технологиями, таких как производство компьютеров, электронной и оптической продукции, телекоммуникации, компьютерное программирование и консалтинг, информационные услуги и др.

Еще одним важным фактором экономического восстановления стала в целом благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, позволившая нарастить экспорт в страны, являющиеся главными торговыми партнерами Евросоюза, – США и Китай. В условиях пандемии именно Китай стал крупнейшим партнером ЕС по торговле товарами, отодвинув США на второе место. Тем не менее, в среднесрочной перспективе следует ожидать ослабления позиций КНР среди торговых и инвестиционных партнеров Евросоюза. Связано это с несколькими обстоятельствами. Первое из них – вероятное замедление китайской экономики в 2021–2022 гг. и, как следствие, снижение спроса на европейские товары. Второе – ожидаемый рост торговли с США на фоне затишья в начатой еще Д. Трампом «торговой войне». На полях саммита 31 октября 2021 г. «Большой двадцатки» в Риме глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и президент США Дж. Байден заявили об отмене пошлин на сталь и алюминий из ЕС, а также введенных в качестве ответной меры пошлин ЕС на ряд американских товаров. Помимо этого было объявлено о совместной инициативе для достижения глобального соглашения об устойчивом производстве стали и алюминия. Таким образом, оживление торговли между США и ЕС в 2022 г. дополнится сотрудничеством в сфере технологий низкоуглеродного производства, а также в регулятивной сфере. Третье – активизация экономических и политических контактов между ЕС и Тайванем, которая связана в том числе с разразившимся в 2021 г. кризисом в мировых поставках полупроводников. Этот кризис стал катализатором принятия ЕС в сентябре 2021 г. «Закона о чипах», предполагающего создание собственной экосистемы создания микрочипов и сокращение зависимости от внешних поставщиков в рамках курса на достижение «стратегической автономии» в

---

²⁷ The European Recovery: Policy Recalibration and Sectoral Reallocation. IMF, October 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/EU/Issues/2021/10/20/regional-economic-outlook-for-europe-october-2021>.

важнейших технологических отраслях. В ближайшие годы следует ожидать роста инвестиционного сотрудничества ЕС с азиатскими и американскими компаниями-производителями полупроводников, аккумуляторных батарей, водородных технологий и в других отраслях, признанных в ЕС стратегическими.

Предполагаемый рост глобальной торговли (в 2022 г. – более чем на 4,5%) продолжит положительно влиять на экономику стран ЕС. По прогнозам Еврокомиссии, профицит счета текущих операций возрастет с 2,7% в 2020 г. до 3,2% в 2023 г.²⁸, что на 0,2 п.п. выше, чем уровень профицита, наблюдавшийся до пандемии.

Главным фактором, снижающим темпы роста внешней торговли ЕС, Еврокомиссия называет проблемы «бутылочного горлышка» в таких областях, как транспорт и логистика, полупроводники и сырьевые товары: резкий рост отложенного спроса привел к нехватке производственных и логистических мощностей. Эту проблему ощутили 43% предприятий промышленного сектора ЕС и 15% предприятий в строительном секторе²⁹. В 2022 г. данный вызов, как ожидается, будет стоять не столь остро, однако его последствия будут по-прежнему тормозить рост торговли.

Как и ранее, в ЕС сохранится преобладание внутриблоковой торговли над торговлей с третьими странами. В 2020 г. доля внеблоковой торговли составила 36% общего объема товарооборота стран ЕС. Внеблоковая торговля превысила внутриблоковую лишь у Ирландии (59%), Мальты (50,2%) и Кипра (66%). Долгосрочный тренд на постепенное снижение доли внутриблоковой торговли (в период с 2002 по 2020 г. она сократилась у всех стран ЕС, особенно сильно – у стран Центральной и Восточной Европы), скорее всего, будет прерван, в том числе вследствие курса ЕС на «стратегическую автономию» в ряде отраслей.

Топливный кризис, с которым ЕС столкнулся во второй половине 2021 г., приведет к форсированию усилий по переходу к возобновляемым источникам энергии. В ноябре 2021 г. Еврокомиссия запустила общественное обсуждение проекта Промышленного альянса цепочек создания стоимости возобновляемых и низкоуглеродных видов топлива. Вероятно, рост доли энергоносителей в структуре товарооборота ЕС, обусловленный их высокой ценой, уже в 2022 г. будет скорректирован.

Для России, которая в 2020 г. стала пятым торговым партнером ЕС, в 2021 г. представилась возможность резко нарастить объемы торговли в стоимостном

---

²⁸ Autumn 2021 Economic Forecast: From recovery to expansion, amid headwinds. European Commission, November 2021. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-performance-and-forecasts/economic-forecasts/autumn-2021-economic-forecast_en#forecast-by-country.

²⁹ European Economic Forecast, Autumn 2021. Supply side bottlenecks. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/economyfinance/ecfin_forecast_autumn_2021_ch4_special_issu es_1_en.pdf.

выражении, в первую очередь – вследствие роста цен на энергоресурсы. По итогам восьми месяцев 2021 г. экспорт России в ЕС вырос на 49% по сравнению с таким же периодом 2020 г., в то время как поставки из ЕС в Россию возросли на 13,6%. Внешнеторговый оборот составил 152,2 млрд евро. Данный тренд свидетельствует о том, что даже при постепенном «остывании» конъюнктуры сырьевых рынков в 2022 г. позиции России среди партнеров ЕС сохранятся, однако уже начиная с 2023 г. возможен спад объема взаимной торговли. Это связано в том числе с введением переходного варианта трансграничного углеродного регулирования.

Экономические прогнозы для ЕС на 2022 г. в целом благоприятны. По нашим оценкам, ВВП ЕС возрастет на 4,2%. Таким же будет рост в зоне евро. Уже к концу первого квартала европейская экономика выйдет на докризисный уровень. Главным драйвером роста станет частное потребление, которое продолжит расширяться благодаря снятию оставшихся ограничений и фактору отложенного спроса. Также положительный вклад внесут инвестиции, госрасходы и экспорт. При этом отношение государственных инвестиций к ВВП в ЕС в 2022 г. достигнет 3,5%, что станет самым высоким уровнем за 12 лет.

Несколько сложнее обстоят дела с занятостью. В среднем по ЕС по итогам 2021 г. безработица оценивается в 7,1% (по еврозоне – 7,9%). Помня о катастрофической ситуации с занятостью в первой половине прошлого десятилетия, европейские власти в условиях пандемии сделали все возможное для того, чтобы не допустить ее повторения, поместив в центр внимания поддержку предприятий через сохранение сверхнизкой ключевой ставки, огромные субсидии и отсрочки по налоговым платежам и приостановку банкротств убыточных предприятий. Однако по мере снятия эпидемиологических ограничений эта помощь ослабевает. Дополнительным вызовом для корпоративного сектора может стать ухудшение условий кредитования. В связи с этим мы ожидаем, что в 2022 г. безработица (как в целом по ЕС, так и в зоне евро) сократится всего на 2 п.п. и сохранится на более высокой отметке, чем в США, Японии и других развитых странах.

Главная проблема, с которой может столкнуться европейская экономика, – инфляция. В октябре 2021 г. рост потребительских цен в годовом выражении составил 4,4% в ЕС и 4,1% в зоне евро. Это стало самым высоким показателем за последнее десятилетие. В значительной степени инфляция была обусловлена ситуативным фактором – быстрым ростом цен на энергоносители. Европейский центральный банк (ЕЦБ) ожидает, что в 2022 г. инфляция снизится, и это позволит продолжить сверхмягкую монетарную политику. Однако рост инфляционных ожиданий может заставить ЕЦБ ограничить кредитную экспансию и ужесточить

кредитно-денежную политику³⁰, что в свою очередь приведет к замедлению экономического роста.

Другой потенциальный риск – разбалансировка государственных финансов. Еврокомиссия оценивает средневзвешенный бюджетный дефицит в странах ЕС по итогам 2021 г. в 6,6% ВВП, в 2022 г. – в 3,6%. При оптимистическом сценарии лишь в 2023 г. этот показатель удастся снизить до предусмотренной Маастрихтскими соглашениями 3-процентной планки. Следствием этого станет сохранение высокого государственного долга – порядка 92% в среднем по ЕС и 99% в зоне евро, который может существенно ограничить маневренность национальных правительств при реализации мер экономического стимулирования.

---

³⁰ Напомним, что в конце 2021 г. базовая ставка ЕЦБ составила 0%, маржинальная ставка – 0,25%, а ставка по депозитам и вовсе была отрицательной (-0,5%).

Великобритания

В 2021 г. Великобритания вступила в новый период экономического развития, характеризующийся поиском места и роли в мировой экономической системе после выхода страны из ЕС³¹. Пандемия как фактор, определивший политику кабинета Бориса Джонсона в 2020 г. – начале 2021 г., по мере реализации программы вакцинации и снятия карантинных ограничений уступила место климатической повестке. Тема брекзита отошла на второй план с точки зрения экономики в целом, но сохранила актуальность в отношении рынка труда и внешнеторговой политики.

В общей сложности с марта 2020 г. до июня 2021 г. Великобритания пережила три локдауна, от которых в наибольшей степени пострадали небольшие компании сферы услуг. В 2020 г. ВВП сократился на 9,7%, что формально стало худшим результатом среди стран Группы семи. На самом деле, столь катастрофический результат в значительной степени объясняется спецификой учета нерыночных государственных услуг: если в Великобритании статистика ориентируется на выпуск, в других странах – на расходы³². Особенности статистических расчетов обусловили как более глубокое, по сравнению с другими странами, падение британского ВВП в 2020 г., так и его более быстрый рост на фоне отмены ограничений в середине 2021 г. По прогнозам Управления бюджетной ответственности, экономика восстановится к докризисному уровню в конце 2021 г. – начале 2022 г., а по итогам 2021 г. вырастет на 6,5%. По нашей оценке, в 2022 г. факторы, обуславливающие рост британской экономики, будут преобладать, и ВВП увеличится на 4,5%.

В ходе борьбы с пандемией правительство реализовало широкомасштабные программы поддержки населения и бизнеса, расходы на которые, с учетом дополнительных ассигнований на медицину, составили около 17% ВВП. Ключевым элементом антикризисной политики стала программа сохранения рабочих мест, которая действовала с марта 2020 г. до сентября 2021 г. Она охватила 11,7 млн человек (треть от числа занятых) и стоила около 70 млрд ф. ст. Это позволило избежать значительного роста безработицы в период локдаунов – максимум составил 5,2%, – но стало дополнительным фактором дефицита предложения на рынке труда во второй половине 2021 г. Этот дефицит был усилен

---

³¹ Страна официально вышла из ЕС 31 января 2020 г., но до 31 декабря 2020 г. продолжался переходный период.

³² В период пандемии сложилась нестандартная ситуация, при которой расходы на медицину и образование выросли, тогда как объем фактически оказанных услуг сократился (в частности, за счет отмены плановых медицинских осмотров и операций, перехода к дистанционному образованию и прочего). Подробнее см.: International comparisons of GDP during the coronavirus (COVID-19) pandemic. ONS. 2021 URL:

<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/internationalcomparisonsofgdpduringthecoronaviruscovid19pandemic/2021-02-01>.

миграционными правилами, которые начали действовать после выхода страны из ЕС. В третьем квартале 2021 г. безработица снизилась до 4,3%, а количество вакансий в октябре составило 1,3 млн, что на 65,6% больше, чем в предпандемийный период. Тем не менее, в ближайшие годы мы не ожидаем возврата к докризисному уровню безработицы – ниже 4%, а в 2022 г. не исключаем временного повышения показателя до 5%.

В период карантинных ограничений инфляция сдерживалась низким уровнем потребительских и деловых расходов, а фактором риска являлся рост цен на рынке недвижимости, обусловленный льготной ипотекой, временной отменой гербового сбора и финансовыми выплатами населению. По мере открытия экономики к этому фактору добавились рост заработной платы, вызванный дефицитом предложения на рынке труда, удорожание товаров, связанное с общемировыми логистическими проблемами, и повышение стоимости электроэнергии на фоне кризисной ситуации в энергетике. Мы полагаем, что в 2022 г. индекс потребительских цен – ключевой показатель, на который ориентируется центральный банк при проведении монетарной политики³³, – может подскочить до 5%.

Идея использовать восстановительный рост для запуска процессов по структурной перестройке экономики легла в основу представленной в марте 2021 г. стратегии «Построим заново лучше, чем было» (*Build Back Better*) и ряда других правительственных документов. Центральным пунктом стратегии стала модернизация промышленности на базе углеродно-нейтральных технологий. В преддверии климатической конференции ООН, на которой Великобритания выступила в роли принимающей стороны, Б. Джонсон не только подтвердил установленную предыдущим правительством цель по достижению климатической нейтральности к 2050 г., но и определил жесткий промежуточный ориентир: сокращение выбросов к 2035 г. на 78% по сравнению с уровнем 1990 г. В ближайшей перспективе это решение в наибольшей степени отразится на энергетике, промышленности, транспортном и жилищном секторе. Кроме того, в планах правительства – создание в Великобритании первого в мире финансового центра, сфокусированного на поддержке проектов, которые отвечают требованиям климатической нейтральности. Понимая сложность реализации «зеленой» повестки в установленные сроки, правительство начинает добавлять элементы принуждения к традиционным методам стимулирования и поддержки. Так, в 2022 г. будут разработаны требования в отношении компаний, чьи акции торгуются на Лондонской фондовой бирже, об обязательном документировании деятельности по обеспечению нулевого баланса выбросов двуокиси углерода. В противном случае компании будут исключены из листинга.

---

³³ Целевым ориентиром для Банка Англии является индекс потребительских цен на уровне 2% с допустимым отклонением в обе стороны на 1 п.п.

Проблемой экономической стратегии в том виде, в котором ее предлагает правительство консерваторов, является потребность в колоссальных государственных инвестициях. С учетом увеличения расходов и сокращения налоговых поступлений в период пандемии бюджетный дефицит в 2020/21 финансовом году достиг 14% ВВП – максимального уровня в послевоенной истории, а государственный долг практически сравнялся с ВВП. Следствием предпринятых в 2021 г. налоговых маневров для финансирования бюджетного дефицита станет рост налогового бремени до 35% ВВП – наибольшего показателя с конца 1940-х – начала 1950-х гг., когда экономическая политика лейбористов основывалась на кейнсианстве. Это противоречит репутации консерваторов как приверженцев низких налогов и ослабляет их поддержку со стороны традиционных избирателей.

Относительно монетарной политики следует отметить, что на данный момент среди членов профильного Комитета Банка Англии преобладает мнение о временном характере основных факторов инфляционного давления. С учетом этого обстоятельства, повышение процентных ставок, которое ожидается в декабре 2021 г., будет сдержанным.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в 2022 г. одновременный рост налоговой нагрузки и повышение цен будут негативно влиять на доходы домохозяйств и, как следствие, ограничивать потребительские расходы. Сохранение высокого уровня неопределенности в мировой экономике станет сдерживающим фактором для роста инвестиционных расходов и увеличения чистого экспорта. В сложившихся условиях реализация широкомасштабных государственных программ останется ключевым инструментом поддержания экономического роста.

Соединенные Штаты Америки

Рецессия, вызванная последствиями пандемии COVID-19 в США, официально стала самой короткой в истории. Согласно данным Национального бюро экономических исследований США, она продолжалась всего два месяца – март и апрель 2020 г., а в мае 2020 г. началась фаза подъема. Нетипичное протекание рецессии связано с ее экзогенным характером, а начавшееся быстрое восстановление объясняется устранением большинства вызвавших ее неэкономических факторов (в первую очередь, отменой локдаунов и других ограничений), а также быстрой адаптацией американской экономики к изменившимся в результате пандемии условиям.

Уже в первом квартале 2021 г. реальный ВВП США достиг предкризисного уровня, а во втором квартале превысил его. Рост реального ВВП в годовом выражении составил 6,3% в 1 квартале и 6,7% во 2 квартале 2021 г. Однако в 3 квартале ВВП возрос всего на 2%, потребительские расходы – на 1,6%, а частные инвестиции – на 11,7%. Снижение темпов роста в 3 квартале связано с летним подъемом заболеваемости, вызванным распространением штамма дельта. В результате замедлилось восстановление в наиболее чувствительных отраслях, прежде всего в сфере услуг (туризм и отдых), а также усугубились проблемы, связанные с нарушением поставок (например, глобальные сбои поставок полупроводников привели к снижению производства автомобилей в августе и сентябре). Уменьшение потребительских расходов частично связано именно с дефицитом предложения в результате нарушения поставок. Однако динамика промышленного производства находится в положительной зоне уже пять кварталов подряд, с 3 квартала 2020 г. В сентябре 2021 г. объем промышленного производства превысил аналогичный показатель годичной давности на 4,6%. Коэффициент использования производственных мощностей в сентябре 2021 г. составил 75,2%, что на 4,4 п.п. ниже его среднего долгосрочного значения (79,6%).

Американский рынок труда в 2021 г. продолжил динамичное восстановление, которое, однако, также замедлилось в связи с летней волной заболеваемости. Число занятых с января по октябрь возросло на 5,58 миллионов. Уровень безработицы снизился с 6,3% в январе до 4,6% в октябре 2021 г. Численность безработных в октябре составила 7,4 млн человек, что на 2,7 млн меньше, чем в начале года, но на 1,7 млн больше докризисного уровня февраля 2020 года. Доля экономически активного населения продолжает оставаться значительно ниже предкризисной – 61,6% в октябре 2021 г. по сравнению с 63,3% в феврале 2020 года. Доля занятых в численности населения (58,8%) также ниже уровня февраля 2020 г. (61,1%), но значительно выше минимума (51,3%) апреля 2020 года. Помимо кризиса, динамика этих показателей обусловлена и демографическим фактором – ростом числа американцев, выходящих на пенсию. На рынке труда сохраняется

высокий спрос, а число вакансий, начиная с июня 2021 г., вновь, как и до кризиса, превышает численность безработных (в сентябре число вакансий составило 10,4 млн). Наблюдаются структурные диспропорции, связанные с адаптацией к новым условиям (трудности с поиском работников в наименее оплачиваемых отраслях, особенно в сфере услуг, последствия закрытия школ и детских садов, дестимулирующий эффект высоких федеральных выплат безработным). Признаком достаточной устойчивости этих диспропорций является то, что прекращение выплат дополнительных пособий по безработице и открытие школ не привели к росту предложения на рынке труда.

В 2021 г. американская экономика столкнулась с несколько позабытым явлением – высоким уровнем инфляции. Если в 2020 г. индекс потребительских цен PCE составил всего 1,2%, то во 2 квартале 2021 г. он достиг 6,5%, а в 3 квартале составил 5,3%. В сентябре 2021 г. данный показатель составил 4,4% по сравнению с годом ранее. Если в течение четверти века до последнего кризиса потребительские цены в США росли в основном за счет сферы услуг, то начиная со второй половины 2020 г. цены на товары растут быстрее цен на услуги. При этом рост цен на отдельные товары, значительно превышает общий уровень инфляции (например, цены на автомобили и запчасти во 2 квартале выросли на 37,3%, в 3 квартале – на 21,3%). Причинами значительного роста цен являются как повышенный спрос (отложенный на время локдаунов и подстегиваемый беспрецедентными федеральными выплатами в 2020-21 гг.), так и комплекс проблем со стороны предложения, вызванных сбоями в цепочках поставок. В частности, наблюдается глобальный дефицит поставок полупроводников, необходимых для производства электроники и автомобилей.

Текущие значения индекса PCE существенно превышают целевой уровень ФРС в 2%. ФРС считает текущий рост цен временным явлением, вызванным дисбалансами спроса и предложения и сбоями поставок в отдельных отраслях (энергетической, автомобильной, строительстве), но при этом пристально наблюдает за ситуацией. Скорее всего, пик инфляции пришелся на 2 квартал 2021 г. ФРС ожидает снижение инфляции во 2-3 кварталах 2022 г.

На заседании Комитета по открытым рынкам в ноябре 2021 г. было принято решение о начале сокращения закупок активов на 15 млрд долл. ежемесячно, что должно привести к прекращению закупок к середине 2022 г. При необходимости темпы изменения объема закупок могут быть скорректированы центробанком. Размер баланса ФРС увеличился с 7,33 трлн долл. в начале января до 8,57 трлн долл. в начале ноября 2021 года³⁴. С сокращением закупок ценных бумаг прирост

---

³⁴ Credit and Liquidity Programs and the Balance Sheet. Recent balance sheet trends. Board of Governors of the Federal Reserve System. Available at: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/bst_recenttrends.htm

баланса должен сократиться и к середине 2022 г. полностью прекратиться. Целевой уровень ставки по федеральным фондам в 2021 г. оставался на минимальном уровне, и в обозримой перспективе его повышения не планируется. Возможное начало подъема целевого уровня ставки ожидается не ранее, чем в конце 2022 г.

Ситуация на рынке жилья, ставшим одним из драйверов послекризисного восстановления американской экономики, в 2021 г. была изменчивой. Перемены, связанные с пандемией (локдауны, переход на дистанционную работу и учебу, рост общей нестабильности, уход с вторичного рынка значительного числа продавцов) усилили существовавшее и ранее превышение спроса на жилье над предложением. Ключевой показатель жилищного строительства – объем запуска строительства новых домов – колебался в 2021 г. в диапазоне от 1,4 до 1,7 млн и составил в сентябре 1,56 млн, что на 7,4% больше, чем в сентябре 2020 г.³⁵ После роста на 13,3% в 1 квартале инвестиции в жилье упали на 11,7% и 7,7% во 2 и 3 кварталах соответственно, однако их уровень в 3 квартале 2021 г. все равно был на 5,5% выше, чем годом ранее. Спад жилищного строительства был вызван как перебоями в поставках стройматериалов и рабочей силы, так и снижением платежеспособного спроса в результате роста цен на жилье. В начале года началось падение продаж как на первичном, так и на вторичном рынках, поскольку многим американцам, особенно желающим приобрести свое первое жилье, просто не хватало средств на покупку. Медианная цена нового дома выросла с 326,8 тыс. долл. в сентябре 2020 г. до 408,8 тыс. долл. в сентябре 2021 г., т.е. на 25%, а рост средней цены за этот период составил 11,4%³⁶. В 2022 г. активность на жилищном рынке может замедлиться из-за недостатка предложения и роста цен, однако неудовлетворенный спрос и благоприятная ситуация на рынке труда будут способствовать сохранению значительной динамики в этом сегменте.

На автомобильном рынке рост продаж ограничивался только возможностями предложения, которое тормозилось дефицитом поставок комплектующих. В 2020 г. произошло резкое падение объема продаж с 17 млн в 2019 г. до 14,6 миллионов. В 2021 г. ситуация продолжала оставаться волатильной: в связи с нестабильностью поставок продажи колебались от 12,2 млн в годовом выражении в сентябре до 18,5 млн в апреле. Высокий спрос при низком предложении вызвал рост цен (подержанные автомобили за год с октября 2020 г. по октябрь 2021 г. подорожали на 26,4%). В 2021 г. объем автопродаж составит около 15 миллионов, в 2022 можно

---

³⁵ Monthly New Residential Construction, September 2021. Release Number: CB21-167. U.S. Census Bureau. October 19, 2021.

³⁶ Monthly New Residential Sales. September 2020. Release Number: CB20-161. October 26, 2020. U.S. Census Bureau.

Monthly New Residential Sales. September 2021. Release Number: CB21-170. October 26, 2021. U.S. Census Bureau.

ожидать некоторого увеличения, которое будет тем существеннее, чем раньше будет преодолен кризис поставок электронных компонентов автомобилей.

Быстрому восстановлению экономики способствовали беспрецедентные меры федеральной поддержки, включающие помощь всем субъектам экономической деятельности, а также меры по поддержке занятости. Федеральная помощь бизнесу, работающим и безработным американцам предотвратила возможные катастрофические социальные проблемы, которые казались неизбежными после практически одномоментной потери работы 17 миллионами человек и падения ВВП на треть во втором квартале 2020 г. Общий объем федеральной помощи в 2020-2021 гг. превысил 6 трлн долл. Только на выплату трех раундов стимулирующих выплат («вертолетных денег») работающим американцам в 2020-2021 гг. было выделено более 850 млрд долларов, а принятый в марте 2021 г. «Американский план спасения» (*American Rescue Plan*) предусматривает федеральные расходы в размере 1,9 трлн долл.

В результате резкого роста расходов дефицит федерального бюджета в 2020 г. более чем в три раза превысил дефицит 2019 г. и составил рекордные 3,1 трлн долл. (14,9% ВВП). Бюджетный дефицит в 2021 г. составил 2,8 трлн долл. (12,4% ВВП).

В ноябре 2021 г. Конгресс одобрил принятие Закона об инвестициях в инфраструктуру и создании рабочих мест (*Infrastructure Investment and Jobs Act*), который предусматривает инвестиции в инфраструктуру в размере, превышающем 1 трлн долл. в течение 5 лет, из которых более половины – это дополнительное финансирование по сравнению с базовым уровнем финансирования инфраструктурных проектов. Это самый масштабный план федерального инвестирования в инфраструктуру в американской истории. Он предполагает вложения во все инфраструктурные отрасли: транспорт (дороги, мосты, железные дороги, общественный транспорт, электротранспорт, аэропорты, порты), высокоскоростной интернет, электросети, водную инфраструктуру. По оценке Бюджетного управления Конгресса США, такой размер федеральных расходов добавит более 250 млрд долл. к дефициту бюджету в течение 10 лет.

Вследствие беспрецедентных стимулирующих выплат (в первую очередь, вертолетных денег и увеличения пособий по безработице) в 2020-2021 гг. доходы американцев росли, несмотря на кризис. В 2020 г. реальные располагаемые доходы выросли на 6,2%. Особенно высокий рост наблюдался в периоды выплат «вертолетных денег». В 1 квартале 2021 г. (второй транш выплат) реальные располагаемые доходы выросли на 54,7%, а в марте 2021 г., когда начались выплаты третьего транша, этот показатель вырос на 23% по сравнению с предыдущим месяцем. В то же время, реальные доходы без учета трансфертных платежей показывали более адекватную динамику, отражающую ход кризиса: в

2020 г. этот показатель снизился на 0,5%. Во 2 и 3 кварталах 2021 г. реальные располагаемые доходы начали сокращаться, а реальные доходы без учета трансфертных платежей – расти. Норма сбережений, достигшая в марте 2021 г. 26,6%, постепенно снизилась до 7,5% в сентябре 2021 г., отражая постепенное удовлетворение отложенного спроса.

В 2020 г. впервые с 2011 г. произошло снижение официального показателя медианных годовых доходов домохозяйств (с 69560 долл. в 2019 г. до 67521 долл. в 2020 г., т.е. на 2,9%). В этот показатель не включаются стимулирующие выплаты и другие трансфертные платежи и государственные льготы, поэтому его динамика хорошо отражает кризисные процессы, происходившие в экономике в 2020 г. без учета воздействия мер федеральной помощи. При включении в расчет стимулирующих выплат реальные медианные доходы домохозяйств после уплаты налогов в 2020 г. демонстрируют рост на 4% по сравнению с 2019 г. Аналогичная картина наблюдается для показателя уровня бедности. Доля американцев, находящихся ниже черты бедности, в 2020 г. возросла впервые после пяти лет последовательного снижения – с 10,5%, в 2019 г. до 11,4% в 2020 г. В абсолютном выражении число бедных в 2020 г. составило 37,2 млн человек. Однако если в расчет уровня бедности включить стимулирующие выплаты от государства, доля находящихся ниже уровня бедности составила в 2020 г. 9,1%, на 2,6 п.п. ниже, чем в 2019 г.³⁷.

Реальные медианные трудовые доходы в 2019-2020 гг. упали на 1,2%, однако реальные медианные доходы работающих на полную ставку в течение всего года возросли на 6,9%. Это означает, что в 2020 г. существенно сократилось число занятых на полную ставку низкооплачиваемых работников (в первую очередь, в сфере общественного питания и других подразделениях сферы услуг), и подтверждает, что кризис ударил по наиболее низкооплачиваемым и наименее защищенным слоям населения.

Политика Д.Трампа «покупать американское и нанимать американцев» нашла продолжение в серии исполнительных указов нового президента в 2021 г. В январе Д.Байден подписал указ, направленный на усиление контроля механизмов приобретения через государственные закупки товаров и услуг, произведенных в США. В феврале президент подписал исполнительный указ, о создании жизнеспособных и безопасных цепочек поставок критически важных товаров и товаров первой необходимости в США, прежде всего, на американской территории. В число товаров, бесперебойные поставки которых должны обеспечиваться в рамках этого указа, входят полупроводники, активные фармацевтические ингредиенты, критические минералы и другое стратегическое

---

³⁷ Shrider E.A., Kollar M., Chen F., Semega J. Income and Poverty in the United States: 2020. Current Population Reports. U.S. Department of Commerce. U.S. Census Bureau. September 2021.

сырье (включая редкоземельные металлы), батареи большой емкости, а также средства индивидуальной защиты. Федеральные министерства и ведомства должны в течение года представить доклады о степени зависимости подотчетных им отраслей от зарубежных поставок, на основании которых будут выработаны дальнейшие рекомендации.

По данным американской организации *Reshoring Initiative*, в 2020 г. число рабочих мест, возвращенных в США из-за рубежа, достигло 160 тысяч, а общее число перенесенных обратно в США рабочих мест с 2010 г. превысило 1 миллион. В 2021 г. прогнозируется возвращение еще 200 тыс рабочих мест в США³⁸. Эти данные заведомо занижены, поскольку их получили путем поиска в открытых источниках.

Несмотря на усилия американских властей по сокращению дефицита торгового баланса, в 2020 г. он увеличился на 100 млрд долл. и достиг 676,7 млрд долл. Дальнейший рост дефицита ожидается и в 2021 г. Дефицит товарной торговли с Китаем снизился с 344 млрд долл. в 2019 г. до 310 млрд долл. в 2020 г., однако за 9 месяцев 2021 г. он составил 255 млрд долл., и к декабрю может превысить 340 млрд долл. Несмотря на смену президента, США продолжают проводить жесткую линию в отношении внешнеэкономических отношений с Китаем. При этом осенью 2021 г. было достигнуто соглашение с ЕС о взаимном снижении и снятии некоторых импортных пошлин, в частности, пошлин на ввоз из ЕС стали и алюминия, введенных США в 2018 г.

Американская экономика вышла из беспрецедентно глубокой, но короткой рецессии, и находится в стадии экономического подъема. Экзогенный характер кризиса и масштабная федеральная помощь стали факторами быстрого восстановления экономики. Рост ВВП и улучшения на рынке труда несколько замедляются структурными изменениями. Сдвиги в структуре спроса, вызванные изменениями в образе жизни и моделях потребления из-за пандемии, а также периодически вводимые из-за ухудшения эпидемиологической ситуации ограничения, влекут за собой перестройку воспроизводственного процесса, что выражается в дисбалансах на рынке труда и сбоях поставок. Однако в целом экономика США довольно успешно адаптировалась к новым условиям. Ее перспективы в ближайшее время благоприятные, однако ситуация продолжает сильно зависеть от динамики пандемии, которая по-прежнему остается важнейшим фактором неопределенности.

---

³⁸ Reshoring Initiative IH2021 Data Report: Reshoring Poised to Surge 38% to Record High. Available at: <https://reshorenw.org/blog/reshoring-initiative-ih2021-data-report/>

Таблица 15. Основные показатели экономики США, % прироста

	2008	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 ³⁹	2022
ВВП	0,1	2,7	2,7	1,7	2,3	2,9	2,3	-3,4	6,0	4,0
Промышленное производство	-3,5	5,5	-1,4	-2,2	1,3	3,2	-0,8	-7,2	5,5	2,5
Потребительские расходы	0,2	1,9	3,3	2,5	2,4	2,9	2,2	-3,8	8,0	4,0
Частные производственные капиталовложения	-8,2	14,1	5,5	-1,0	4,0	5,7	3,4	-5,5	8,2	4,0
Инвестиции в жилье	-24,2	-3,1	10,2	6,6	4,0	-0,6	-0,9	6,8	11,0	1,2
Государственные расходы и инвестиции	2,5	-0,1	1,8	2,0	0,5	1,4	2,2	2,5	0,8	2,0
Потребительские цены (индекс РСЕ)*	3,0	1,8	0,2	1,0	1,8	2,1	1,5	1,2	3,6	3,3
Потребительские цены (базовый индекс РСЕ)**	2,0	1,4	1,3	1,6	1,7	2,0	1,7	1,4	3,1	3,1
Уровень безработицы***	7,3	9,3	5,0	4,7	4,1	3,9	3,6	6,7	4,5	3,9
Дефицит торгового баланса (млрд долл.)	712,4	503,1	491,3	481,5	512,7	581,0	576,3	676,7	810,0	750,0

* Индекс, включающий расходы на энергоресурсы и продовольствие.

** Индекс, не включающий расходы на энергоресурсы и продовольствие

*** Доля в экономически активном населении, на конец года

³⁹ 2021 г. – оценка; 2022 г. – прогноз.

Япония

2021 г. оказался для японской экономики не совсем удачным. Во второй половине 2020 г. она начала выбираться из рецессии, обусловленной повышением осенью 2019 г. ставки налога на потребление и ограничениями, введенными в апреле-мае 2020 г. в связи с эпидемией коронавирусной инфекции. Однако уже итоги первого квартала 2021 г. показали неустойчивость тенденции к восстановлению, а новые раунды ограничений, связанные со вспышками заболеваемости весной и летом-осенью 2021 г., привели к снижению активности в третьем квартале по сравнению с предшествующим. В результате, согласно большинству оценок, по итогам календарного года реальный прирост ВВП составит немногим более 2% по отношению к предыдущему году – меньше, чем в любой другой стране «большой семёрки». Столь скромный рост в 2021 г. на фоне падения японского ВВП на 4,6% в предшествующем году свидетельствует о наличии в японской экономике специфических проблем, несвязанных непосредственно с пандемией COVID-19.

Набор этих проблем известен. Это низкая склонность к потреблению, связанная с высокой и притом растущей долей старших возрастных групп в демографической структуре населения. Её, в частности, считают причиной слабой ценовой динамики, затрудняющей структурные изменения и формирование новых перспективных «точек роста». Это растущие ресурсные ограничения в виде дефицита определенных категорий рабочей силы и дорожающей энергии. Это слабая инвестиционная активность внутри страны крупных японских корпораций, стимулировать которую не удастся даже «сверхмягкой» денежной политикой. С помощью активной скупки «длинных» гособлигаций Банк Японии удерживает их доходность на нулевом уровне, а ставку по большинству депозитных счетов коммерческих банков в ЦБ – на отрицательном, это не дает желаемого роста инвестиций в нефинансовом секторе с использованием относительно дешевого банковского финансирования. Внутренние инвестиции в основной капитал во второй половине 2010-х гг. практически не росли, в кризисном 2020 г. упали более чем на 4%, а в 2021 г. так и не вступили в фазу решительного оживления.

В существующих условиях правительственные меры стимулирования экономики ограничиваются пакетами помощи мелкому и среднему бизнесу, в наибольшей степени пострадавшему от «антиковидных» ограничений, и прямыми выплатами населению с целью стимулировать личное потребление. Периодически объявляется также об увеличении финансирования за счет бюджета строительства объектов инфраструктуры, но степень воздействия этих программ на общую динамику хозяйственной активности в стране оценить довольно сложно. В любом случае, даже правительственные эксперты не предполагают какого-либо взрывного эффекта от программ общественного финансирования в условиях низких общих ожиданий благоприятной конъюнктуры в ближайшие годы. Что же касается

психологического воздействия правительственной риторики, то накопившаяся за последнее десятилетие усталость бизнеса от постоянных обещаний скорого перелома в экономической динамике гасит оптимистические сигналы, исходящие от правительства.

В этих условиях правительство в значительной степени переключает свое и общественное внимание на амбициозные стратегии долгосрочного характера. Речь идёт о программах стимулирования научного и инновационного потенциала, повышения на этой основе национальной конкурентоспособности, «цифровизации» инфраструктуры и сферы общественных услуг, перестройки системы образования и здравоохранения, «экологичности» экономики и потребления и т.д. Особенности программ являются далекий горизонт целей и размытость критериев, не позволяя объективно оценивать их эффективность.

Что касается ближайшего горизонта, объектом обсуждения остаются использование бюджетных средств для инфраструктурного строительства и помощь избранным категориям населения, упакованные в «пакеты мер стимулирования», финансируемых частично из регулярных источников, частично – за счет дополнений к уже принятым бюджетам. Актуальным примером является первый опыт в этой практике нового премьер-министра страны Ф. Фукуда, объявившего в ноябре 2021 г. о комплексе мер помощи населению и мелкому и среднему бизнесу, пострадавшему от борьбы с пандемией, в размере 56 трлн иен (316 млрд долл.). Среди мер – финансовая помощь мелкому бизнесу на поддержание занятости, субсидирование потребления услуг, единовременная выплата «детских» пособий малообеспеченным семьям. В то же время почти половину общей суммы пакета составят расходы на медицинские и профилактические меры, в том числе финансируемые из местных бюджетов.

Учитывая, что одобренные новым кабинетом меры не являются ни всеохватывающими, ни революционными, не произошло пересмотра аналитиками прогнозов на 2022 г. Ожидается, что темпы прироста ВВП составят чуть более 3%, то есть выше долгосрочного тренда. При этом рост будет сбалансированным, то есть увеличатся все основные компоненты спроса – частное и государственное потребление и инвестиции – за исключением чистого экспорта, вклад которого в экономический рост будет отрицательным. При этом главным драйвером будет частное потребление, которое обеспечит не менее половины совокупного прироста.

Это позволит сократить уровень безработицы с 3% до 2,5–2,6% экономически активного населения и окончательно вывести в зону положительных значений прирост потребительских цен (по итогам 2021 г. ожидается снижение ИПЦ на 0,2% в среднегодовом исчислении, хотя к концу года цены показали тенденцию к росту). Цены производителей уже начали энергично расти после кризисного падения;

темпы прироста их индекса в 2021 г. в среднегодовом исчислении приблизились к 5%.

При этом государственный бюджет остается дефицитным, что обусловит дальнейший рост объема госдолга, который уже превышает 240% ВВП и, согласно всем прогнозам, будет расти и далее. Денежные власти сохраняют политику количественного смягчения через выкуп активов на финансовых рынках и удержания ключевых ставок на предельно низких уровнях, опасаясь сломать хрупкую тенденцию к перерастанию посткризисного восстановления конъюнктуры в долгосрочный подъем.

Китай

В 2022 г., несмотря на негативные события на рынке недвижимости и в сфере поставок электроэнергии в середине-конце 2021 г., вероятность кризиса невелика.

Темпы прироста ВВП Китая в 2022 г. достигнут докризисного уровня и составят 5-6%. Вместе с тем, не исключены и более высокие показатели благодаря действиям китайских властей по поддержанию роста в преддверии 20-го съезда КПК.

При этом воздействие пандемии будет постепенно терять свою значимость и не окажет существенного отрицательного воздействия на экономику КНР.

Влияние 20-го съезда, напротив, сыграет положительную роль, т.к. для принятия на нём исторического решения о продлении полномочий Си Цзиньпина в качестве Председателя КНР на третий срок китайским властям необходимо продемонстрировать социально-экономические успехи.

В условиях продолжающегося американско-китайского экономического и идеологического соперничества, в которое вовлечены США и их союзники, а также растущей напряженности между КНР и ЕС возможности достижения Китаем успехов за счет внешне-экономической экспансии ограничены.

Исходя из этого, действие экономических стимулов, запущенных в начале и в середине 2020 г. для преодоления последствий пандемии ростом внутреннего частного и государственного потребления, будет продлено и в 2022 г.

Это, с одной стороны, поддержит темпы экономического роста, с другой – приведет к дальнейшему постепенному обострению дисбалансов, сложившихся в китайской экономике за последние 10-12 лет.

Например, финансовые регуляторы КНР будут вынуждены временно ослабить меры по ограничению заимствований провинциальными властями и крупными компаниями для выполнения ими взятых на себя обязательств.

Весьма вероятно, будет приостановлена и политика по «охлаждению» рынка недвижимости, начатая в конце 2021 г., для поддержания строительного сектора.

В совокупности это приведёт к дальнейшему увеличению долговой нагрузки на китайские провинции, предприятия и граждан. Вместе с тем, у властей, опирающихся на крупнейшие в мире золотовалютные резервы, положительное сальдо внешней торговли и большой объем сбережений населения, остаётся широкое поле для манёвра.

Однако в 2022 г. будет усиливаться другая опасная тенденция – риск запуска локальных кризисов из-за несогласованной политики китайских регуляторов на фоне усложнения национальной экономики и её связей с внешними торгово-экономическими партнёрами.

Необходимо отметить, что дефицит электроэнергии и последующие ограничения энергопотребления в КНР в сентябре-октябре 2021 г. – это, в т.ч. и результат действий самих китайских властей.

В сентябре 2020 г. Си Цзиньпин выступая в ходе общей дискуссии на 75-й сессии Генассамблеи ООН объявил о намерениях достичь углеродной нейтральности китайской экономики к 2060 г.⁴⁰ В декабре 2020 г. выступая на Саммите по амбициозным задачам в связи с изменением климата Председатель КНР заявил, что в краткосрочной и среднесрочной перспективах, Китай планирует снизить углеродоёмкость ВВП на 65% и увеличить долю использования неископаемых видов топлива в общем энергобалансе страны до 25% по сравнению с уровнем 2005 г.⁴¹

В утвержденном на мартовской сессии 2021 г. Всекитайского собрания народных представителей стратегическом документе о долгосрочных стратегических целях развития КНР до 2035 г. также декларируются общие планы по охране окружающей среды, развитию зелёной экономики и инвестиций, обеспечению зелёного роста, реализации зелёной трансформации, а также по повышению эффективности использования природных ресурсов и т.п.⁴²

В принятом на той же сессии 14-м пятилетнем плане социально-экономического развития КНР на 2021-2025 гг. были закреплены более конкретные цели – до 2025 г. предполагается:

- снизить уровень удельного потребления энергии на единицу ВВП на 13,5%;
- снизить уровень выбросов CO₂ – на 18%;
- увеличить среднегодовую долю дней с хорошим качеством воздуха в крупных городах с 87% до 87,5%;
- увеличить долю поверхностных вод третьего класса и выше (пригодны для водоснабжения, купания, разведения рыбы) с 83,4% до 85%⁴³.

Исходя из пятилетнего плана по снижению общего объема выброса углерода были определены, не ориентировочные, а жесткие соответствующие цели на 2021 г.: сократить удельное энергопотребление на единицу ВВП на 3%⁴⁴.

При этом активная стадия декарбонизации была запущена на фоне сокращения поставок металлургического и энергетического угля в Китай из Австралии в результате торговой войны, которая длится с начала 2020 г.⁴⁵

---

⁴⁰ <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/0923/c64094-31871241.html>

⁴¹ http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-12/12/c_1126853600.htm

⁴² http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm

⁴³ https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/jd/wsdwhfz/202105/t20210525_1280729.html?code=&state=123

⁴⁴ <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3150313/what-has-caused-chinas-electricity-shortages-and-beijings?module=inline&pgtype=article>

Пекин попытался заместить выпавший объем австралийского угля увеличением импорта из Индонезии, России и даже США, а также других стран, которые, однако, не смогли резко увеличить поставки в КНР.

Активность провинциальных властей усилилась после того, как в августе 2021 г. Государственный комитет по развитию и реформам КНР раскритиковал власти провинций Гуандун, Цзянсу, Юньнань, Фуцзянь, Шэньси, Цинхай, Гуанси-Чжуанского, Нинся-Хуэйского и Синьцзян-Уйгурского автономных районов за увеличение энергопотребления вместо его сокращения. При этом, предсказуемо, на местах начались бюрократические «перегибы»: руководство регионов попыталось достичь целей по декарбонизации на 2021г.

Негативные явления на китайском рынке недвижимости, в результате которых пострадал второй крупнейший застройщик группа Evergrande еще в большей степени были спровоцированы действиями центральных властей.

В августе 2020 г. Народный банк Китая ввел дополнительные меры, направленные на ограничение спекулятивного, по его мнению, роста цен на недвижимость сокращением кредитования застройщиков. Были определены «три красные черты», которые застройщиком нельзя пересекать, – установленные соотношения:

- обязательств к активам;
- чистого долга к собственному капиталу;
- имеющихся денежных средств к краткосрочной задолженности.

Китайские власти предполагали, что с помощью новых ограничений им удастся не только снизить риски возникновения финансовых пузырей на рынке недвижимости, но и ограничить рост её стоимости и тем самым реализовать на практике тезис Си Цзиньпина о том, что недвижимость предназначена для жизни, а не для спекуляций.

По мнению регуляторов, высокие темпы прироста стоимости жилья в 2020-2021 гг., во многом, обусловлены повышением цены на землю, передаваемую под застройку.

Как итог государственной политики сдерживания: в 30 крупнейших китайских городах в августе 2021 г. количество сделок по покупке нового жилья сократилось на 24% по сравнению с августом 2020 г., объем земель, переданных под застройку в 100 крупнейших городах, сократился на 53%, а в среднем по Китаю количественный объем продаж недвижимости в июле 2021 г. уменьшился на 8,5% по сравнению с июлем 2020 г.⁴⁵

---

⁴⁵ <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3147774/china-australia-relations-demand-coal-surges-how-long-can>

⁴⁶ <https://research.gavekal.com/article/cauterizing-evergrande>

В «двойную ловушку»: падение продаж и невозможность взять новый кредит для выплаты по уже имеющимся обязательствам, т.к. были нарушены все «три красные черты», попался второй по размеру китайский застройщик – группа Evergrande, которой по состоянию на сентябрь-октябрь 2021 г. принадлежало более 1,3 тыс. проектов в более чем 280 китайских городах.

Общий объем задолженности Evergrande, по разным оценкам, составляет более 300 млрд долл. (около 2% китайского ВВП)⁴⁷, которые застройщик должен примерно 170 китайским банкам, 120 китайским финансовым компаниям⁴⁸, а также др. держателям ценных бумаг, в т.ч. иностранным. Объем задолженности группы иностранным держателям оценивается примерно в 20 млрд долл.⁴⁹

Китайские власти, заявляя, что они «никого спасать не будут», одновременно обязали местные правительства строго контролировать все операции группы: защитить интересы малого и среднего бизнеса, связанного с застройщиком, а также граждан, которые уже купили недвижимость в недостроенных объектах застройщика. В некоторых регионах власти заблокировали финансы компании, полученные от продаж недвижимости на этапе строительства, чтобы они использовались исключительно для завершения проектов.

При этом из-за «краха» Evergrande могут начаться проблемы у крупных банков, которым группа должна примерно 25% от общего долга, а также у ряда средних и малых инвесторов, задолженность которым составляет около 45%.

Пример с Evergrande свидетельствует о том, что действия китайских властей едва не запустили кризис на национальном рынке недвижимости, который потом мог бы распространиться и на финансовый сектор. В конце 2021 г. регуляторы уже начали «откат» в своих действиях: застройщикам разрешили выпуск ценных бумаг, обеспеченных активами, а также сняли ограничения на выдачу ипотечных кредитов населению.

В целом, необходимо отметить, что Пекину пока удаётся контролировать социально-экономическую ситуацию внутри страны: дефицит электричества постепенно снижается, а по состоянию на ноябрь 2021 г. группе Evergrande удалось избежать дефолта. Однако, только в конце октября 2021 г. это стоило китайскому бюджету почти 150 млрд. долл.⁵⁰

---

⁴⁷<https://www.reuters.com/world/china/china-evergrande-shares-swing-bondholders-await-word-payments-2021-09-30/>

⁴⁸ <https://www.bbc.com/news/business-58579833>

⁴⁹<https://www.reuters.com/world/china/china-evergrande-shares-swing-bondholders-await-word-payments-2021-09-30/>

⁵⁰ <https://telegra.ph/СВ-Kitaya-napechatal-trillion-yuanej-za-nedelyu-10-31>

Индия

Прогнозы социально-экономического развития Индии на 2022 г. предсказуемо выглядят осторожными. По мнению экспертов МВФ, восстановительный рост экономики достигнет 8,5%. В 2020 г. «сжатие» объема народного хозяйства Индии составило 7,3%. Обнадеживающе выглядят темпы вакцинации населения, и это обстоятельство в конечном счете должно положительно сказаться на темпах экономического роста. По мнению главного экономиста МВФ Гиты Гопинат (Gita Gopinath), на «разгон» экономического роста в стране отрицательно повлияла «чрезвычайно жесткая вторая волна КОВИДа», охватившая страну в апреле-июле 2021 г. Впрочем «реактивное» распространение штамма «Дельта», а равно и угроза возникновения новых подвидов коронавирусной инфекции могут скорректировать темпы восстановления индийской экономики в 2022 г.

Инфекционная «турбулентность» уже привела к понижению прогнозных значений экономического роста в Индии: первоначально с 12,5% до 9,5%, а затем они были скорректированы до 8,5%. Однако рейтинговые агентства оценивают показатели восстановительного роста индийской экономики с большим оптимизмом: Standard & Poor-в 9,5%, тогда как у Moody's эти оценки немного ниже – 9,3%. В свою очередь прогноз Всемирного банка выглядит наиболее осторожным – 8,3%.

Одновременно на динамику восстановления индийской экономики, помимо пандемии, влияют другие важные факторы: разрыв трансграничных производственных «цепочек» и инфляционные процессы, ускорившиеся под воздействием нарушения снабжения экономики товарами, без которых трудно рассчитывать на нормальное функционирование отраслей промышленности, имеющих зарубежных «смежников». Ухудшение условий функционирования внешнеэкономических связей неизбежно подхлестнет рост цен на продовольственные товары, включая продукты повседневного спроса. Также трудно будет избежать «отложенного эффекта» повышения цен на энергоносители, а равно и девальвации национальной валюты, индийской рупии, что неизбежно вызовет рост цен на импортируемые товары. Монетарная политика должна гладко миновать Сциллу обуздания инфляции (и уклонения от сопутствующих финансовых рисков) и Харибду восстановления экономического роста.

Восстановление индийской экономики может тормозиться еще как минимум на полгода вследствие продолжения «локдауна» и его последствий. Повышение цен на горючее увеличит нагрузку на экономическую систему, тогда как Резервный банк Индии до апреля-июня 2022 г. не планирует поднимать процентную ставку.

Однако краткосрочные прогнозы теряют убедительность, если за скобки анализа выведена динамика сельскохозяйственного сектора. Обильный летний урожай (*хариф*), наряду с растущей вакцинацией населения, позволяют прогнозировать

восстановительный рост индийской экономики в размере 9%. Однако существенные коррективы в прогноз-2022 могут внести возможная «третья волна» КОВИДа, а также неэффективность разработанных вакцин против новых мутаций коронавирусной инфекции. Тревожит экспертов и «вторжение» инфекции в индийскую «глубинку» (хинтерланд); правда, данная негативная тенденция, по их мнению, может быть уравновешена обильными муссонными дождями, снизившими нагрузку на сектор энергетики индийской промышленности.

В качестве факторов, способных задержать восстановление индийской экономики, можно выделить: значительный дефицит государственного бюджета и «непреодоленные слабости» финансового сектора. Дефицит увеличился в результате реализации пакета мер, предусматривающего стимулирование занятости и помощь туризму, гражданской авиации и строительству. Он составил 36 млрд долл.; а на создание новых рабочих мест в течение ближайших пяти лет предполагается инвестировать еще 27 млрд долл. Среди проблем финансового сектора слабая координация деятельности финансовых институтов, вялость и неустойчивость рынка капитала, монополистические тенденции в деятельности агентов рынка, стабильно высокая процентная ставка, значительные показатели внутреннего долга, низкая финансовая культура участников рынка.

Аграрная сфера в условиях пандемии сохранит «пластичность», т.е. способность адаптироваться к новым нестандартным обстоятельствам. Факторами, тормозящими восстановление допандемических кондиций сельскохозяйственного сектора, являются распространение пандемии на индийскую «глубинку» и запоздалое начало весеннее-летнего муссона. Восстановление индийского экспортного потенциала будет, в конечном счете, зависеть от возобновления «глобального спроса». Дефицит платежного баланса страны в начале 2022 г. может увеличиться под воздействием роста цен на энергоносители и оживления внутреннего спроса в Индии.

Существует, однако, и *альтернативный* взгляд на перспективы экономического роста в Индии в 2022 г. Так, группа экспертов МВФ 18 октября 2021 г. представила доклад, в котором прогноз экономического роста понижен до 6%. Причина столь «суровой» оценки – возможные последствия пандемии для инвестиционной деятельности и рынка труда. Авторы доклада оперируют категорией «потенциального роста». В их представлении *потенциальный* рост есть не что иное, как темпы экономической динамики, которую народное хозяйство способно поддерживать, не вызывая дополнительную инфляцию. Один из авторов доклада, Альфред Шипке (Alfred Schipke), заявил, что если правительство Индии полностью реализует программу структурных реформ и энергично продолжит политику приватизации, возглавляемая им группа экспертов свои оценки пересмотрит. В докладе также отмечалось: пандемия затруднила получение качественного

образования и тем самым блокировала процесс роста человеческого капитала. В свою очередь снижение качественных параметров человеческого капитала отрицательно воздействовало на «пластичность» рынка труда в Индии и скажется на темпах развития Индии в среднесрочном периоде.

Политическое пространство социально-экономического развития в последнее время, особенно после парламентских выборов 2019 г., приобретает новые черты. До сих пор Индии удавалось совмещать экономический рост и *политическую демократию*. Однако сегодня все чаще говорят об «удушливой и гнетущей интеллектуальной атмосфере» в стране. Некоторые эксперты полагают, что в Индии на смену «либеральной демократии» пришел «соревновательный авторитаризм», воплощаемый премьер-министром Н.Моди и его партией БДП. Данная система начала широкое наступление на демократические институты, нормы и практики. Контроль и регламентация нацелены на авторитарную трансформацию представительных институтов, деятельности кабинета министров, Избирательной комиссии, а также преследуют цель ограничить свободную деятельность масс-медиа и государственного административного аппарата. Нередки случаи давления на самостоятельно мыслящих представителей индийского бизнеса, которых держат под страхом постоянных проверок и обнародования компрометирующих материалов. Коммуналистская (т.е. религиозно-общинная) пропаганда добралась и до армии, до сих пор самого светского (секулярного) института Индии. Противодействие авторитаризму и коммунизму уже началось на юге Индии и в Западной Бенгалии, наиболее «интеллектуально развитых» штатах страны. Складывающаяся политическая система, ориентированная исключительно на личность конкретного политика (в данном случае премьер-министра Н.Моди), больше походит на «культ личности», чем на укорененный в культуре общества и институционализованный механизм властвования. Поэтому сколько-нибудь продолжительное существование режима личной власти вызывает серьезные сомнения.

И все же политологи пока не сомневаются, что Н.Моди и его правительство проработают полную легислатуру, т.е. до парламентских выборов 2024 г. В качестве социально-экономического обоснования подобного сценария отмечаются следующие факторы: постепенное восстановление допандемического уровня потребления и прогнозируемый рост объема частных инвестиций в экономику Индии. Фактором значительного риска для народного хозяйства остается новая, третья «волна» КОВИДа. На внешнеполитическом горизонте просматриваются сохранение высокого уровня конфликтности отношений с Китаем и незначительная вероятность широкомасштабных столкновений между двумя странами-гигантами.

АНАЛИЗ ДОСТОВЕРНОСТИ ПРОГНОЗА НА 2020 ГОД

Прогнозы на 2020 г. разрабатывались осенью 2019 г. Естественно, ничего общего эти прогнозы с реальным развитием мировой экономики не имеют, поскольку пандемия COVID-19 коренным образом изменила ход мирового развития. Практически все страны мира оказались в кризисе и пережили сильное падение ВВП. Осенью 2020 г., работая над прогнозами на 2021 г., мы делали оценку развития мировой экономики на 2020 г. на основании уже имеющихся данных за три квартала. В конце января 2021 г., уже имея гораздо больше данных, МВФ выпустил обновленный прогноз на 2021 г. и оценку на 2020 г. К примеру, уже были известны годовые данные по Китаю и США. В Таблице 16 представлены оценки МВФ (январь 2021 г.), оценки ИМЭМО (декабрь 2020 г.) и фактические данные, опубликованные МВФ в октябре 2021 г. Основная неопределенность при проведении оценок – ход пандемии и антикризисные действия правительств, – была исключена с окончанием 2020 г., и, тем не менее, оценки МВФ оказались менее точными.

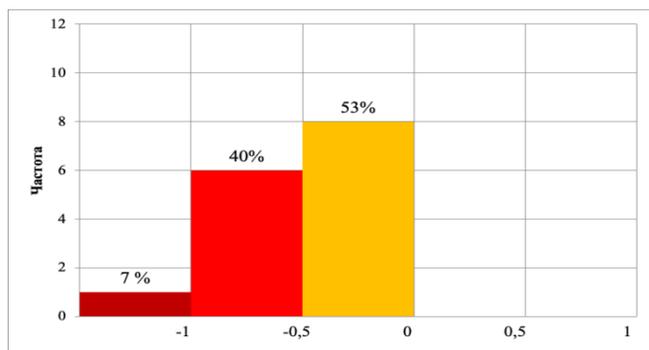
Таблица 16. Сопоставление прогнозов темпов прироста ВВП с фактическими данными на 2020 г.

	МВФ	ИМЭМО	Фактические данные
Мир	-3,5	-3,1	-3,1
Развитые страны	-4,9	-4,7	-4,5
США	-3,4	-2,9	-3,4
Япония	-5,1	-5,0	-4,6
Великобритания	-10,0	-9,8	-9,8
Зона евро	-7,2	-6,1	-6,3
ЕС	-6,5	-5,9	-5,9
Германия	-5,4	-4,8	-4,6
Франция	-9,0	-8,0	-8,0
Италия	-9,2	-8,3	-8,9
Развивающиеся и страны с формирующимся рынком	-2,4	-1,9	-2,1
Китай	2,3	2,0	2,3
Индия	-8,0	-8,1	-7,3
Бразилия	-4,5	-4,5	-4,1
Россия	-3,6	-3,1	-3,0

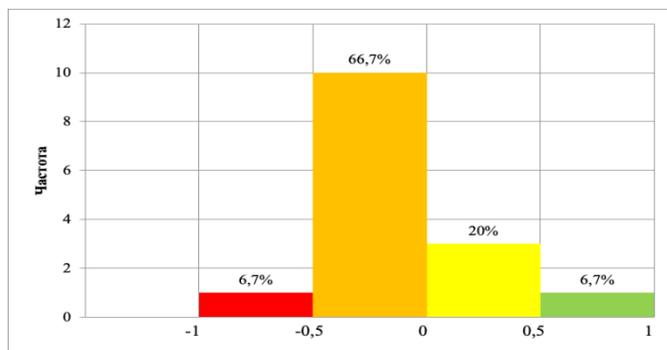
Отклонения прогнозных оценок от фактических данных хорошо видны на гистограммах, на которых эти отклонения в ту или другую сторону указаны на оси абсцисс, а доля оценок в процентах, попавших в соответствующий интервал – на оси ординат (гистограммы 1, 2).

Абсолютно точным оказался прогноз падения мировой экономики ИМЭМО – 3,1%. Почти точным прогноз сокращения экономики России.

Гистограмма 1. Интервалы ошибок прогноза МВФ на 2020 г., %

Гистограмма 2. Интервалы ошибок прогноза ИМЭМО на 2020 г., %

Как мы упоминали, в середине января 2021 г. стали известны национальные статистические оценки на 2020 г. по Китаю – 2,3%. Наша оценка роста ВВП Китая составила 2,0%, и, если считать данные Национального статистического бюро Китая (НСБ) за четыре квартала, то рост ВВП за год должен был составить 1,95%, то есть наша оценка была точной.

Наша оценка сокращения экономики США составила 2,9%. Опубликованные в конце января 2021 г. данные, оказались -3,4%, которые и использовал МВФ.

В обоих прогнозах очень близки минимальные и максимальные величины ошибок. Максимальное отклонение прогноза ИМЭМО – 0,6 п.п., МВФ – 0 п.п. Минимальное отклонение прогноза ИМЭМО составило -0,8 п.п., для прогноза МВФ аналогичный показатель составил -1,0 п.п.

На гистограммах видно, что в интервал ошибок $-0,5+0,5$ попало 13 оценок ИМЭМО и всего 8 оценок МВФ. Статистический анализ показывает, что стандартная ошибка прогноза ИМЭМО составила 0,09, а прогноза МВФ – 0,08. Средний квадрат ошибки прогноза ИМЭМО оказался равен 0,12, а прогноза МВФ – 0,31. Среднее абсолютное значение ошибки ИМЭМО – 0,26, а МВФ – 0,47.

ЧАСТЬ III
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Соединенные Штаты продолжают оказывать определяющее влияние на глобальные процессы, как целенаправленно через внешнеполитические стратегии, так и косвенно, переживая внутреннюю трансформацию. В 2022 можно прогнозировать несколько ключевых векторов во внешнеполитической стратегии и социально-политическом развитии США.

Конкуренция двух социально-политических моделей. Социально-политическое развитие США продолжит определяться конкуренцией двух альтернативных повесток, продвигаемых демократами и республиканцами. Американцам предлагают выбор между двумя противоположными моделями взаимодействия государства и общества. В обеих партиях усиливаются радикальные идейные настроения. Избирательная кампания в Конгресс обострит противостояние прогрессистов в Демократической партии и правых республиканцев, как друг с другом, так и с представителями своих партий.

Демократы под влиянием прогрессистов продолжают продвигать идею построения нового социального государства, ответственность которого будет распространяться на все новые сферы жизни общества, а расходы покрываться за счет повышения налогов на богатых. В фокусе прогрессистской избирательной повестки будут те пункты программы, которые не удалось провести в масштабный законопроект об ассигнованиях на 2021 г. – бесплатное образование в муниципальных колледжах, отпуск по уходу за детьми, повышение почасовой ставки заработной платы, расширение медицинских программ. В свою очередь республиканцы под давлением консерваторов будут жестко отстаивать традиционную модель, выступая категорически против расширения функций государства за счет повышения налогов на состоятельных граждан.

На выборах 2022 г. республиканцы будут бороться с леволиберальной повесткой, которая, по их мнению, угрожает изменить суть Америки. Это может стать объединяющей силой для партии и, с большой вероятностью, поможет ей расширить свое присутствие в законодательной власти. Напротив, раскол в среде демократов может помешать им сохранить большинство. По сути, партийный истеблишмент окажется перед сложным выбором: с одной стороны, прогрессисты стали «боевым отрядом демократии» – инструментом мобилизации демократического электората, с другой стороны, они лишают партию компромиссной повестки, которая позволила бы продемонстрировать большую эффективность их контроля над федеральной властью по сравнению с республиканцами. Партийный истеблишмент не может ни отказаться от них, ни

однозначно поддержать, что неизбежно ослабит позиции партии среди колеблющегося электората.

Вокализация леволиберальной и правоконсервативной повестки будет нарастать по ходу предвыборной борьбы. Лидеры прогрессистов будут особенно активны в законодательных баталиях и в публичных выступлениях. На стороне правых консерваторов не исключено активное участие бывшего президента Д. Трампа в роли «главного защитника традиционных ценностей» перед лицом «социалистической угрозы». Информационное поле будет радикализироваться и усиливать раскол в обществе. Нельзя исключить новые столкновения левых и правых на улицах городов по всей стране. Поводом к обострению может стать любое происшествие на муниципальном уровне.

Как показал первый год пребывания Байдена в Белом доме, неспособность президента и демократического партийного истеблишмента контролировать левое крыло и его влияние на законодательную повестку будет и дальше подрывать популярность демократов, прежде всего среди независимых избирателей – а их число с большой вероятностью продолжит расти. Таким образом, наряду с *трендом на радикализацию настроений в обществе будет расти запрос на умеренную повестку и лидеров, способных ее отстаивать. Этот вектор развития общественных настроений может сохраниться и усилиться в среднесрочной перспективе.*

Сохранение глобального лидерства. В условиях острой и блокирующей внутривнутриполитической конкуренции администрация Байдена может частично сместить фокус на внешнеполитическую повестку, где ключевым направлением станет апробация новых подходов к сохранению глобального лидерства США.

2021 год показал, что США учитывают изменения, происходящие в системе международных отношений. Вашингтон отмечает и объективное снижение собственных возможностей влияния и проецирования силы, однако не отказывается от лидерских амбиций, качественно их переосмысливая.

Политика будет все более направлена на формирование блоков с установленными правилами поведения и ценностными ориентирами. В отличие от эпохи холодной войны, такие блоки будут более неформальными и преимущественно невоенными. В их основу ляжет развитие инфраструктуры, общие принципы для бизнеса и инвестиций, обеспечение прозрачности процессов, а также различных правовых и этических вопросов. Наиболее ярким примером такого взаимодействия может стать инициатива «Возродим лучший мир» (Build Back Better World, B3W), выдвинутая президентом Байденом на встрече Группы семи в июне 2021 г. Предлагаемая в качестве глобального проекта для усиления кооперации с

развивающимися странами, она должна стать альтернативной китайскому ПиП. В 2022 г. можно ожидать первые конкретные инициативы и планы по развитию ВЗВ.

Кроме того, США будут оказывать поддержку региональным интеграционным проектам в инфраструктурной сфере, в первую очередь центральноевропейской Инициативе трех морей, которая рассматривается Вашингтоном как противовес растущему китайскому влиянию в регионе.

Американская санкционная политика сохранит свою ключевую роль в новом формате лидерства. При этом по мере снижения эффективности ограничений против государственного сектора продолжится ее постепенное смещение в корпоративную сферу. Важным направлением санкционной политики станет дальнейшая цифровизация процессов, подразумевающая внедрение технологий больших данных, что позволит США быстрее определять уязвимые места основных конкурентов – КНР и РФ.

Закрепление конкурентной оси США-Китай. Конкурентное противостояние двух стран окончательно закрепится в качестве концептуального системообразующего стержня формирующейся модели американского лидерства и станет основным императивом в организации внешнеполитической стратегии. При этом в отношениях с Китаем сохранится принцип партнер–конкурент–системный противник. США будут развивать ориентированное на результат взаимодействие с Китаем там, где это отвечает их национальным интересам и безопасности.

Важным позитивным наполнением американо-китайских отношений может стать конструктивный диалог по «зеленой экономике» в рамках **климатической повестки** демократической администрации и связанной с ней программой развития возобновляемых источников энергии.

В то же время в переговорах по внутренней климатической повестке США могут придерживаться достаточно консервативной позиции, опасаясь потерять конкурентное преимущество в производстве стали, химикатов, цемента, удобрений и сельхозпродукции в сравнении со странами с более низкими выбросами. Параллельно Соединенные Штаты будут настаивать на соблюдении Китаем экологических норм и выполнении его обещания не инвестировать в проекты по ископаемому топливу за рубежом.

Приоритетным направлением **давления** на КНР останется тематика прав человека. Их нарушения в Синьцзян-Уйгурском регионе, события в Гонконге, Тайваньская проблематика будут использоваться в качестве инструмента давления на Пекин и как средство для консолидации позиций американских союзников и партнёров.

Технологическая сфера останется основой конкурентного противостояния. Деятельность КНР на данном направлении заявлена Белым домом в качестве важнейшего императива национальной безопасности, «вызывающего наибольшую

озабоченность». Конечной целью ставится увеличение технологического отрыва США от Китая. Первоочередными задачами определены инвестирование в национальную производственную базу, инфраструктуру и НИОКР, а также создание стимулов для американских компаний покупать продукцию из США. Рассматривается увеличение субсидирования «зеленой энергетики» и стратегических производств, в том числе в рамках Инфраструктурного плана Байдена.

США продолжают принудительное переключение цепочек поставок с КНР на альтернативные страны. Наибольшее внимание будет уделяться преодолению чрезмерной зависимости от поставок из КНР стратегического сырья, комплектующих и оборудования, особенно для здравоохранения, продовольственного, информационно-коммуникационного комплексов и ТЭК.

Достижение лидерства в производстве полупроводников останется особым приоритетом, имеющим непосредственное отношение к проблемам национальной безопасности. Планируется удвоить или даже утроить мощности по производству микроэлектроники. В фокусе сохранится решение проблемы обеспеченности редкоземельными металлами и увеличения национального производства автомобильных аккумуляторов, медицинских принадлежностей, фармацевтики и т.д.

Вашингтон останется противником облегчения доступа КНР к высокотехнологичным продуктам, разработанным в США и в союзных им странах. Усилится контроль за оборотом технологий, которые могут быть использованы китайским ВПК. Останутся в силе запреты на иностранные инвестиции в экономику КНР, введенные по соображениям национальной безопасности. Не исключается дальнейшее расширение черного списка китайских компаний в сферах телекоммуникаций, микроэлектроники и авиатехники. Сохранятся ограничения под предлогом защиты интеллектуальной собственности и авторских прав. Разрабатываются новые санкции против КНР в сферах кибербезопасности, космических, ядерных технологий и беспилотных систем. Вместе с тем, растет понимание, что такие действия США поощряют намерения компаний КНР стать технологически независимыми, особенно в стратегически важных секторах экономики.

Торговые противоречия между США и Китаем также сохранятся. Возобновление переговорного процесса по «второй фазе» торгового соглашения может увязываться США с проблемой увеличения дисбаланса в двусторонней торговле в 2021 г. Белый дом может настаивать на принятии Пекином новых обязательств по закупкам американских товаров и услуг. В практике давления на Китай Вашингтон будет уделять повышенное внимание проблеме правоприменения, наряду с такими

инструментами, как таможенные тарифы и экспортный контроль. В арсенале Вашингтона также могут быть реанимированы санкции и нетарифные барьеры.

Вместе с тем, в интересах американских импортеров и для восстановления цепочек поставок объявлено об инициировании тактики «тарифных исключений», когда некоторые ограничения отменяются для остродефицитных товаров, не имеющих адекватных альтернативных источников поставки. Исключения (для полупроводников, медоборудования и т.п.) будут предоставляться по результатам публичных слушаний с участием пострадавших от тарифов Трампа американских компаний.

США по-прежнему будут рассматривать ВТО как неадекватный инструмент для решения торговых проблем с Китаем. Но при этом с большой вероятностью усилятся координация действий с союзниками по реформированию ВТО и разработке «правил справедливой торговли – дорожной карты для торговли и технологий в XXI веке» в целях ослабления влияния Китая в ВТО.

Стратегическое соперничество и сдерживание КНР в сфере ВЭД будет рассматриваться как составная часть противостояния демократических стран «автократическим» режимам. Акцент будет сделан на формировании и укреплении антикитайских альянсов с Канадой, ЕС, Австралией, ЮАР. Будет укрепляться взаимодействие с Индией, Вьетнамом и некоторыми другими соседями Китая с целью не допустить укрепления его влияния в АТР.

Чтобы ограничить доступ на рынки Китаю и другим странам, которые не соответствуют стандартам низкоуглеродной интенсивности, формируется «глобальная договоренность по устойчивой стали и алюминию». США продолжают продвигать координацию усилий с ЕС для противодействия «нерыночным» китайским инвестициям в авиастроительный сектор развитых стран, а также иностранным инвестициям в Китай.

В целом, на ближнем горизонте риск новой торговой войны снижается, но остается актуальным. Вместе с тем, из-за раскола в американском истеблишменте могут появиться новые поводы для усиления конфронтации с КНР.

Реформирование системы союзов. В 2022 г. США продолжают реформировать систему союзнических отношений в соответствии с актуальными вызовами и угрозами, в первую очередь со стороны КНР. Приоритетным становится поиск принципов взаимодействия с союзниками в сферах торговли, экспорта технологий и информационной безопасности. Продолжится работа Европейско-американского торгового и экономического совета (EU-US Trade and Technology Council Inaugural Joint Statement, TTC), первое заседание которого состоялось в сентябре 2021 г. в Питтсбурге, США.

Вашингтон и Брюссель будут вести диалог об отмене или ограничении действия торговых тарифов, введенных при администрации Трампа. На данном направлении, важном для ЕС и одновременно приемлемом как уступка для США, стремящихся вовлечь Евросоюз в противостояние с КНР, уже наметились подвижки. Часть европейского экспорта стали и алюминия теперь будет выводиться из-под действия американских тарифов. Также продолжатся переговоры по Boeing и Airbus.

США активизируют участие в форматах военного сотрудничества стран ЕС, в частности – проекте военной мобильности PESCO (PESCO military mobility). Это позволит сохранять контроль над активностью партнеров, одновременно лоббируя интересы американских производителей в части поставок для вооруженных сил стран Западной Европы.

В НАТО продолжится перенос центра тяжести на страны Восточной Европы, роль и значение которых растёт. Возможно подписание значимых контрактов на поставки вооружения и военной техники в регион, в первую очередь – в Польшу и Румынию. На фоне договоренностей США с Норвегией об использовании ее авиационных и военно-морских баз можно ждать роста военного присутствия США и их союзников в Арктике, приполярных водах и воздушном пространстве Северной Атлантики.

В 2022 году ожидается проведение ряда военных учений и маневров НАТО, что повысит риск инцидентов между силами альянса и РФ. Крупнейшие для НАТО в Заполярье после окончания холодной войны (около 40 тысяч военнослужащих) учения серии Cold Response должны состояться в Норвегии. На учениях противолодочных сил НАТО в Атлантике и приполярных районах Dynamic Mongoose в 2022 г. в качестве основного противника рассматриваются атомные подлодки ВМФ РФ. В Средиземном море при участии США пройдут противолодочные маневры Dynamic Manta.

В АТР и ИТР ключевой союзнической структурой для США в ближайшие годы становится AUKUS. Сотрудничество с Австралией и Великобританией дает США уникальную возможность сформировать и поддерживать антикитайский альянс в проверенном за век формате трех традиционных союзников. В отличие от многих других, Лондон и Канберра способны оплатить получаемую от США помощь.

Приоритетом дальнейшего развития системы альянсов в регионе станет укрепление связей между США и Японией, развитие ее взаимодействия с AUKUS в рамках совместных учений, конференций и ВТС.

Вне новых складывающихся союзов и укрепляемых традиционных объединений США будут реализовывать *стратегию «оптимального вовлечения с учетом китайской угрозы»*. Важным направлением для США является развитие

американо-индийского диалога, но дальнейшее развитие сотрудничества будет носить рамочный характер. Не исключено углубление кооперации по проблемам региональной безопасности с Нью-Дели в рамках QUAD. В то же время сохранится значимое расхождение стратегий США и Индии по отношению к Ирану, России, протекционистской экономической политике Индии, нарушению прав человека, климатической повестке. Тем не менее, Вашингтон может пойти на уступки Нью-Дели, если это будет содействовать укреплению его стратегии в ЮВА в антикитайском русле.

В Южной Азии Вашингтон продолжит реализовывать четырехсторонний формат сотрудничества США-Узбекистан-Афганистан-Пакистан по развитию целого пакета инфраструктурных проектов. Политика США и их европейских союзников вокруг Афганистана будет выстраиваться, прежде всего, вокруг вопроса о признании нового правительства страны, а также по проблеме оказания гуманитарной и экономической помощи.

В Центральной Азии негативные последствия афганского кризиса США продолжат использовать как повод для укрепления своих позиций в качестве альтернативного поставщика услуг безопасности и ресурсов для экономического развития.

Ближний Восток будет все дальше отходить на периферию глобальной стратегии Вашингтона. В отличие от трех его предшественников, Дж. Байден не предложил концепцию или формат, так или иначе вовлекающий все страны региона в единое русло. США продолжают не инициативную, но реактивную политику на Ближнем Востоке, фокусируясь на ограниченном круге вопросов.

В фокусе останется политика в отношении Ирана, однако прорыв здесь маловероятен: ход переговорного процесса демонстрирует глубокое недоверие между сторонами, сохранится оно и в 2022 г. США будут отстаивать свои требования возврата Ирана к условиям СВПД по допустимому уровню обогащения урана, тогда как Иран ожидает полной отмены санкции. Сложность переговоров обуславливается комплексностью взаимоувязанных проблем: помимо иранской ядерной программы и *воздействия возобновленного режима СВПД на мировые энергетические рынки* учитываются разработки Ираном ракет средней и меньшей дальности, его поддержка хуситов в Йемене, шиитских меньшинств в арабских странах, правительства Сирии, Хезболлы в Ливане. Не лишены оснований и опасения, что эвентуальные договоренности с администрацией Байдена могут быть отменены при смене руководства в Белом Доме в начале 2025 г., что увеличивает вероятность проведения новыми консервативными властями Ирана более реакционной политики уже в 2022 г.

Поддержка точечного сотрудничества с Россией при сохранении конфликтности отношений. Россия останется в списке основных противников и

конкурентов США, однако демократическая администрация продолжит выстраивать систему точечного взаимодействия в сферах, отвечающих интересам национальной безопасности. Прорывы в отношениях маловероятны, так как недоверие к российскому руководству в американском политическом истеблишменте столь велико, что даже фактор китайской угрозы не позволяет США выйти за сложившиеся рамки противостояния. Сдерживание России – геополитическое, экономическое, технологическое останется приоритетным направлением американской политики. Санкционный режим сохранится в полной мере. Более того, не исключено, что демократическая администрация в рамках предвыборной агитации будет более пристально следить за внутривнутриполитическими процессами в России и угрожать введением новых санкций под лозунгом соблюдения прав человека. Маловероятна и значимая нормализация дипломатического взаимодействия двух стран.

Точечное взаимодействие с Россией будет возможно в основном по проблемам стратегической стабильности, по которым продолжатся консультации. При этом США стремятся к заключению широкого соглашения по стратегической стабильности, с учетом роста возможностей КНР.

ЕВРОПА

Европа в течение 2021 г. оставалась под мощным влиянием *пандемии* COVID-19. С принимаемыми для обуздания пандемии мерами связаны основные озабоченности избирателей. Параллельно развиваются ориентированные на долгосрочную перспективу процессы *зеленого перехода* и *цифровизации*. Их отдельные аспекты могут вызывать споры, в том числе в форме борьбы лоббистских групп, но в целом эти приоритеты находят поддержку в широком политическом мейнстриме ЕС. Неурегулированный конфликт на востоке Украины, а также *миграционный кризис* на границе ЕС с Белоруссией во второй половине года актуализировали и без того распространенные в Евросоюзе *опасения в связи с политикой России и будущим соседних стран*. Эти тенденции, вероятно, будут актуальны и в 2022 г., причем работать с ними Евросоюзу предстоит в условиях, когда его внутренняя сплоченность и готовность к оперативному принятию решений вызывают немало вопросов.

Еврокомиссия без поддержки. За коммунитарными органами ЕС закреплены компетенции, формально позволяющие им не оглядываться на страны-члены в ходе реализации задач, заранее согласованных главами государств и правительств. Однако в политическом плане для эффективного функционирования взаимопонимание и взаимодействие со странами-членами чрезвычайно важны.

Наряду с другими факторами, *пандемия*, являясь общим вызовом для всех стран мира, способствовала скорее *разобщению, чем сплочению*, что заметно и внутри ЕС. Страны-члены с трудом продавливают через свои национальные демократические механизмы необходимые в борьбе с пандемией меры, уже привычно ограничивая свободу передвижения и прочие гражданские права. Согласованность на уровне ЕС остается желательным, но не всегда достижимым дополнением. Разнобой пандемических правил уже значительно уменьшил видимую добавленную стоимость, которую общность пространства ЕС создавала для граждан. Евросоюз предпринял немало солидарных усилий по закупке вакцин и т.п., но расхождения, тем не менее, существенны, а главное – очень заметны. Сложившаяся ситуация влияет и на восприятие ЕС вовне – по широкому кругу вопросов и на уровне правительств, и на уровне граждан *апеллировать приходится к столицам стран-членов, а не к коммунитарным органам*.

Со сменой правительства в Германии председатель Еврокомиссии У.фон дер Ляйен, выходец из команды А.Меркель, может почувствовать нехватку политической поддержки, которую ей обеспечивали канцлер и партия ХДС. Открытых конфликтов, возможно, удастся избежать, но правительство крупнейшей

страны ЕС всё же будет утверждаться в борьбе с политическими силами, оказавшими решающее влияние на формирование нынешней Еврокомиссии.

Приоритеты в работе Еврокомиссии (*зеленый рост* и *цифровизация*) становятся фоном для зачастую довольно бурного политического процесса в странах-членах – с ними никто не спорит, но они не оказывают заметного реального влияния на течение жизни в ЕС в краткосрочной перспективе.

Некоторым тестом на сплочение ЕС в 2022 г. будет развитие *миграционных проблем*, которые хотя и не сопоставимы с кризисом 2015 г., актуализируются ввиду локальных инцидентов и в контексте политической борьбы в странах-членах. Также существенным для дальнейшей судьбы ЕС будет восстановление правил *Шенгенского пространства* свободного передвижения, пострадавших от пандемических ограничений. Именно на 2022 г. еще до пандемии была запланирована масштабная модернизация шенгенской системы контроля въезда-выезда, которая потенциально может содействовать восстановлению свободы передвижения, одновременно укрепляя безопасность внешних границ ЕС.

В 2022 г. ЕС предстоит одобрить т.н. "стратегический компас" – документ, который представляют чуть ли не оборонной стратегией Евросоюза. Процесс его выработки идет параллельно с подготовкой новой Стратегической концепции НАТО, которая должна заменить предыдущую 2010 г. Оба документа, вероятно, отразят строго критическое отношение Запада к политике России.

Новые инциденты и разногласия, в первую очередь на пространстве "общего соседства", будут и дальше усложнять отношения ЕС с Россией и Белоруссией. Политический кризис в Белоруссии, начавшийся после президентских выборов 2020 г. и усугубленный миграционным противостоянием в 2021 г., поднял значение событий в этой стране в глазах элит Евросоюза на небывалую высоту. ЕС продолжит искать инструменты поддержки белорусской оппозиции и давления на власти в Минске.

Новое правительство Германии. Впервые на федеральном уровне в Германии складывается коалиция трех партий – СДПГ, "Зеленых" и СвДП – т.н. "светофор" по сочетанию партийных цветов. Канцлером становится одобряемый значительной частью избирателей 63-летний Олаф Шольц, социал-демократ, занимавший пост вице-канцлера и министра финансов в правительстве А.Меркель. Новая команда обещает заметные изменения, прежде всего, движение в сторону *зеленой экономики* – годы правления А.Меркель представляются с их точки зрения застойными.

Оппоненты, включая ранее ведущий партийный альянс ХДС/ХСС, будут подвергать новое правительство острой критике. Для многих в политической элите ФРГ сложившаяся коалиция – слишком "левая", несмотря на участие СвДП, и ее

упрекают в неспособности профинансировать многочисленные обещания. Партии левых, показавшей на выборах осени 2021 г. скромный результат на грани прохождения в Бундестаг, правительство, напротив, представляется недостаточно социально ориентированным.

Уже в течение 2022 г. коалиции предстоит испытание на прочность. Между вошедшими в нее партиями немало разногласий. Ответственная государственная позиция предполагает нахождение ими компромиссов, по меньшей мере до очередных выборов. Однако сложные, непопулярные решения и случающиеся политические скандалы могут сбить партнеров с этого курса. Сохранение той же коалиции после очередных выборов 2025 г. маловероятно, но положительно зарекомендовавший себя канцлер мог бы продолжить выступать в этой роли и при ином партийном раскладе.

В соответствии с достигнутым партиями коалиционным соглашением портфель министра иностранных дел уходит Партии "зеленых", известной своей принципиальной позицией в вопросах прав человека и демократии. Однако традиционно существенную роль во внешней политике играет сам канцлер. Не исключено, что именно он возьмет на себя вопросы взаимодействия с наиболее проблемными странами, среди которых в Германии видят Россию.

Необходимость достижения компромиссов тремя партиями на первом этапе привела к формулированию внешнеполитического курса, в целом совпадающего с прежней политикой Германии. Тем не менее, на ключевых позициях окажутся новые люди, по-своему реагирующие на новые вызовы. Не исключено, одним из их мотивов будет стремление подчеркнуть отличия от стиля и содержания действий кабинета А.Меркель.

Новое правительство уверенно заявляет о намерении учитывать в своей политике интересы стран Центральной и Восточной Европы и укреплять единство ЕС. Но в этом отношении достижение результатов требует ответной готовности стран, политическая оптика которых не совпадает с германской. Как выстроятся личные и политические отношения с близкими и далекими соседями – один из наиболее деликатных вопросов.

Избиратели будут в значительной степени оценивать новую коалицию по ее действиям в борьбе с пандемией, остающейся ключевой темой ежедневных новостей, а также по видимым результатам обещанного "озеленения" экономики и энергетики. Сложности в процессе вакцинации и сохранение пандемической угрозы пытаются использовать в своих интересах партия АдГ, что пока не приводит к росту ее популярности.

Высококонкурентные выборы во Франции. Пример Германии, где еще в начале 2021 г. данные опросов предполагали провал СДПГ и триумф Зеленых, показывает

уровень волатильности в современной европейской политике – предпочтения избирателей могут существенно меняться за короткое время, число убежденных сторонников того или иного политика или партии недостаточно для победы, борьба идет за неопределившихся.

В апреле 2022 г. Франции предстоят президентские выборы, которые скорее всего потребуют два тура, а за ними выборы в Национальное собрание. Ввиду принципиальных различий между кандидатами и значимости результата для ЕС выборы привлекут большое внимание по всему миру. Многие будут смотреть на них с точки зрения "теории домино" – *устоит ли во Франции европейский политический мейнстрим или итоги выборов вызовут новую мощную волну национал-популизма, угрожающего всей конструкции ЕС.*

Президент Э.Макрон начинает выборный год в неплохой форме. Опросы предрекают ему победу во втором туре, вероятно, в соперничестве с традиционным оппонентом М.Ле Пен. *Пандемия оказывает неоднозначный эффект – с одной стороны, президент и правительство постоянно показывают себя на переднем крае борьбы с угрозой, с другой – утомленные ограничениями избиратели, особенно связанные с пострадавшим от ограничений малым бизнесом и туристическим сектором, ищут альтернативу.*

Популярность же Ле Пен во второй половине 2021 г. заметно снизилась. Ей приходится соперничать не только с Макроном, но и с новым кандидатом-популистом Э.Земуром, бывшим журналистом, не скупящимся на резкие политические оценки и, судя по всему, способным оттянуть на себя значительную часть электората Ле Пен. При этом не ясно, доживут ли его кандидатура и популярность до выборов – массированная критика с разных сторон старается убедить избирателя, что он не подходит на роль президента.

Для Э.Макрона размывание критически настроенного избирателя между разными оппонентами потенциально выгодно, но несет и определенные риски. Популистский кандидат, в случае если ему удастся обойти М.Ле Пен может продемонстрировать меньший антирейтинг – не все, кто ни при каких условиях не готов проголосовать за Ле Пен, отвергнут его кандидатуру. Равно, размывание грозит и центристскому электорату – о своих президентских амбициях заявил ведущий переговорщик ЕС с Великобританией по вопросам "брексита" М.Барнье, претендующий наряду с другими сильными кандидатами – Кс.Бертраном, В.Пекресс – на поддержку продолжающей голлистские традиции партии "Республиканцы". Эти кандидаты не вызывают аллергии у партнеров по ЕС, но им проще, чем Э.Макрону, использовать традиционно приоритетную у популистов и праворадикалов *тему миграционной угрозы*, обещая более жесткий подход в этой области.

Политики левого фланга скорее отстают в президентской гонке, но совокупно получают заметную часть поддержки избирателей, лишая фаворитов возможности заручиться решающим преимуществом уже в первом туре.

Интригу усиливает перспектива парламентских выборов. В 2017 г. на волне популярности Э.Макрону удалось заручиться решающей поддержкой в парламенте, несмотря на то что его политическому движению к тому моменту едва исполнился год. Такую синхронность результатов выборов вряд ли удастся сохранить, как в случае победы, так и при поражении Э.Макрона. В этом случае *отношения президента и парламента могут создать новые сложности* в процессе выработки и реализации политики.

Польша и Венгрия: своим путем. У структур Евросоюза сохраняются серьезные претензии к действиям властей Польши и Венгрии в части соблюдения стандартов правового государства и демократических процедур. Хотя эти противоречия иногда отходят на второй план на фоне более важных событий, а в ходе миграционного кризиса на польско-белорусской границе могло возникнуть ощущение, что претензии ЕС к Польше забыты, значение возникших разногласий нельзя недооценивать. Они работают на ослабление ЕС, подчеркивая *суверенитет стран-членов, который у Брюсселя не получается ограничить*. При этом и радикальные, и умеренные скептики, сомневающиеся в правильности углубления интеграции, получают козыри для своей аргументации, показывая, что у польского и венгерского руководства есть своя правда, хотя бы в некоторых вопросах.

Весной 2022 г. кульминацией этих споров обещают стать парламентские выборы в Венгрии. Оппозиция в этой стране предприняла существенные усилия, чтобы сплотиться в борьбе против действующего премьер-министра В.Орбана и его партии "Фидес". Лидером оппозиционного фронта стал мэр провинциального города П.Марки-Заи. Брюссель и многие влиятельные политические силы в ЕС, вероятно, будут подвергать критике как процедуру выборов, так и их результаты, в случае сохранения решающего преимущества за партией В.Орбана. При всех вопросах к выборным процедурам, уровень популярности В.Орбана можно будет рассматривать как свидетельство поддержки или же провала жесткой линии на противостояние с мейнстримом ЕС.

Так или иначе, с точки зрения Брюсселя в Венгрии возникает шанс на перемены. В Польше же ЕС приходится иметь дело с сохраняющим свои позиции правительством "Права и справедливости", политика которого заставила некоторых наблюдателей всерьез заговорить о возможности "полексита" – выхода Польши из ЕС. Вероятность такого развития событий крайне мала, но противоречия в юридической плоскости будет весьма непросто урегулировать – возможно, это потребует корректировок и дополнений в законодательной базе ЕС,

если другие страны-члены придут к выводу, что давление на Польшу ведет Союз в неверном направлении.

Великобритания: уязвимый премьер. Негативные последствия "брексита" в части торговых отношений с материком и логистических проблем стали более ощутимыми, чем, собственно, в момент объявления о выходе страны из ЕС. Тем не менее, страна остается почти поровну расколота на сторонников и противников принятого в 2016-м г. решения. При этом заметную *часть критики и негативных эмоций избирателей аккумулирует фигура премьер-министра* Б.Джонсона. Нельзя исключить, что уже в обозримом будущем консерваторы, сохраняя в целом политический курс и не ставя под сомнение "брексит", сделают ставку на другую фигуру в своем лагере, представив это как преодоление совершенных премьером политических ошибок.

Тем не менее, целый ряд болезненных вопросов в переговорах Великобритании и ЕС связаны с содержанием отношений между ними, а не с персоналиями. Особенно противоречивой оказывается ситуация в вопросе о режиме пересечения границы между частью Соединенного Королевства – *Северной Ирландией* и входящей в ЕС Республикой Ирландия. Противоречия способствуют рассуждениям о возможной сецессии как Северной Ирландии, так и про-европейски настроенной Шотландии, но здесь пока не стоит ожидать быстрого движения.

Великобритания, заявившая, что "брексит" позволит ей обрести самостоятельную "глобальную" роль, пытается инициативно вести себя во внешней политике. Это включает укрепление роли ближайшего союзника Соединенных Штатов, в последнее время подчеркнутое созданием блока *AUKUS* с США и Австралией, жесткую линию в отношении России, участие в торговых соглашениях Азиатско-Тихоокеанского региона. Среди членов Евросоюза Великобритания также ищет и находит страны, готовые укреплять с ней двустороннее взаимодействие в тех вопросах, в которых это допускают нормы ЕС. В частности, такую линию могут развить традиционно атлантистски настроенные Польша, страны Балтии и другие страны Северной Европы.

***

Евросоюз по-прежнему провозглашает стремление утвердиться в качестве самостоятельного глобального центра силы в международной конкурентной среде. Однако превалирующая на Западе политическая динамика всё больше размывает значение собственно структур ЕС. Стратегические и оборонные вопросы стягиваются на уровень трансатлантической координации. В борьбе с пандемией, решении экономических проблем и по большинству внешнеполитических тем главную роль играют национальные правительства. Избиратель всё больше озабочен происходящим непосредственно вокруг него, а не в глобальном мире.

Уход Великобритании остается существенным фактором европейской политики, часть последствий которого еще не проявились в полной мере. "Зеленая повестка" обещает существенные результаты в будущем, но пока не делает погоды в ЕС. 2022 год покажет, что более заразительно для стран Евросоюза – энергия нового германского правительства или французских популистов.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СЕВЕРНАЯ АФРИКА

На Ближнем Востоке проявление как глобальных, так и региональных тенденций свидетельствует об их противоречивости и волатильности, что делает возможным прогноз вариантов развития ситуации на Ближнем Востоке преимущественно лишь на краткосрочную перспективу.

Усиление малых игроков. Для Ближнего Востока это тренд не новый, и ряды малых региональных «активистов» постепенно расширяются. ОАЭ с середины 2010-х гг. – самостоятельный игрок в военно-политической и экономической сферах. Можно ожидать, что Эмираты продолжат проводить самостоятельную политику в Йемене (зачастую в противовес Саудовской Аравии). Одновременно сохранится военное присутствие в Ливии и на Африканском Роге, взаимодействие с Египтом и Францией в Сахеле в борьбе с террористическими группировками, развитие военно-политического сотрудничества с Грецией и Кипром (с 2020 г.), активное взаимодействие с Израилем. Следует ожидать дальнейшего усиления конкуренции с Саудовской Аравией – преимущественно в энергетической сфере.

Катар с 2013 г. действует менее заметно, чем ОАЭ, однако тоже проводит самостоятельную внешнюю политику. Доха останется опорным пунктом для США в зоне Персидского залива, а также сохранит тесные связи с Турцией и исламистскими группировками, действующими преимущественно под брендом «Братьев-мусульман».

Деэскалация versus напряженность. Накопившаяся в регионе напряженность сохранится, но тенденция к постепенной деэскалации будет проявляться достаточно отчетливо. Она включает как нормализацию отношений между Израилем и арабскими государствами (ОАЭ, Бахрейном, Марокко и Суданом), так и попытки снизить напряженность в отношениях между другими региональными игроками.

Судя по всему, продолжится потепление отношений между Катаром и Саудовской Аравией, что будет способствовать дальнейшему восстановлению рабочих связей между участниками Совета сотрудничества арабских государств Залива.

В рамках деэскалации можно ожидать продолжения попыток Анкары договориться о расширении сотрудничества с Египтом, ОАЭ и КСА (главным образом в экономической сфере), а также не исключено возобновление активных политических контактов Турции с Израилем.

Попытки налаживания диалога по линии КСА-Иран могут рассматриваться в качестве тенденции к деэскалации лишь условно. Стороны не готовы к серьезным уступкам, и ситуация не внушает оптимизма, в том числе ввиду большого риска

появления «черных лебедей». Кроме того, саудовско-иранские контакты происходят на фоне усиления давления на Тегеран со стороны Израиля и США. Ранее иранские автозаправочные станции подверглись кибератаке, а в отношении руководства КСИР были введены новые американские санкции. Результатом этих действий, скорее всего, станет ужесточение иранской позиции.

С высокой вероятностью продолжится процесс восстановления отношений Сирии с государствами региона и ее возвращения в межарабские структуры, в первую очередь, в Лигу арабских государств. Тем не менее, *говорить о выходе Дамаска из международной изоляции преждевременно.*

Следует ожидать новых обострений напряженности в Ливане. Это обусловлено давлением на Бейрут со стороны Саудовской Аравии и ряда ее партнеров по ССАГПЗ, преимущественно из-за стремления аравийских монархий ослабить движение «Хезболла» и снизить иранское влияние в Ливане.

Сохранится напряженная обстановка в Восточном Средиземноморье, где продолжится борьба за доступ к морским пространствам и ресурсам. На этом фоне будет и далее усиливаться военное сотрудничество Греции и Кипра с Египтом, Саудовской Аравией, ОАЭ, Израилем. В свою очередь, Анкара вряд ли откажется от притязаний на значительную часть шельфа и активной политики, направленной на утверждение доминирующей роли Турции в Восточном Средиземноморье.

В Магрибе о деэскалации говорить сложно из-за обострения алжирско-марокканских противоречий. Алжир в августе 2021 г. объявил о разрыве дипломатических отношений с Рабатом. Впрочем, стороны, скорее всего, ограничатся политико-дипломатическими демаршами, а также демонстрацией силы, избегая при этом прямого военного столкновения.

Конфликты. С высокой вероятностью **сирийский** конфликт останется в замороженном состоянии. Сохранится напряженность вокруг Идлиба, где возможно наступление правительственных войск в направлении трассы М4, связывающей побережье с Алеппо. Не исключены операции турецких войск на северо-востоке Сирии против формирований сирийских курдов, однако они, скорее всего, будут носить ограниченный характер ввиду противодействия со стороны РФ и США.

В **Ливии** ситуация чревата новой эскалацией в 2022 г. с учетом грядущих в декабре выборов, результаты которых – в случае их проведения – могут не устроить ряд влиятельных внутренних и внешних игроков.

В **Йемене** продолжатся военные действия, которые все больше закрепляют фактический раскол страны и ведут к появлению новых зон влияния внешних игроков (например, на о-ве Сокотра).

Возобновление субстантивных переговоров по палестинской проблеме представляется маловероятным. В то же время региональные акторы и международное сообщество могут предпринять шаги для улучшения социально-экономической ситуации в Газе и на Западном берегу, чтобы снизить вероятность новых всплесков напряженности.

На фоне *сокращения американской вовлеченности* арабские страны будут активнее диверсифицировать внешние связи. В частности, сохранится заинтересованность в развитии связей с Израилем. Отказ администрации Байдена поставить ОАЭ и Саудовской Аравии истребители F-35, вывод американских систем ПВО и ПРО из Саудовской Аравии на фоне критики Вашингтоном войны в Йемене стимулируют поиски Эр-Риядом новых надежных поставщиков вооружений и/или гарантов безопасности. Интерес представляют Франция, Италия, Германия, Китай, Россия.

Египет также постарается расширить связи с Пекином и Москвой. Переформатирование американского присутствия несет чувствительные риски для безопасности Ирака: возможно возрождение ИГИЛ, а также рост активности полувоенных группировок, аффилированных с различными шиитскими лидерами.

Можно прогнозировать усиление роли иранского фактора в регионе с учетом роли Тегерана в Йемене, Ираке, Сирии и Ливане. Турция, рассматривающая сокращение присутствия США в качестве возможности заполнить вакуум и укрепить свое региональное влияние, столкнется с конкуренцией со стороны ИРИ, что может привести к новым трениям в турецко-иранских отношениях.

В регионе опасаются, что при талибах **Афганистан** может снова стать прибежищем радикальных группировок и плацдармом для террористических атак. Сдерживать от признания правительства Талибана в 2022 г. будет настороженное отношение руководства Саудовской Аравии и ОАЭ к наиболее жестким и консервативным проявлениям политического ислама внутри собственных государств, препятствующим проведению реформ, а также опасения относительно общей активизации исламистов. В Египте сохраняющийся очаг нестабильности на Синае потенциально может быть магнитом для различных экстремистских элементов.

Негосударственные акторы на Ближнем Востоке (ХАМАС, йеменские исламисты из партии «Ислах», боевики в сирийском Идлибе), напротив, пытаются использовать победу талибов в пропагандистских целях.

В то же время прагматические соображения будут подталкивать ОАЭ к диалогу с талибами. Этому способствует проживание в Эмиратах около 150 тыс. афганских граждан, включая около 500 влиятельных бизнесменов. Для Катара, предоставившего площадку для переговоров с талибами, поддержание тесных

связей с ними является инструментом повышения престижа и решения более масштабных внешнеполитических задач, в том числе, развития отношений с США и другими влиятельными международными игроками.

Иран постарается использовать ранее установленные разноуровневые контакты с движением Талибан, чтобы избежать обострения существующих противоречий, в частности, вокруг фарсиязычного населения и шиитов.

Рост социальной напряженности и протестной активности. Вероятность мощного всплеска протестной активности в регионе останется невысокой. В то же время сложные социально-экономические проблемы продолжают оказывать влияние на ситуацию в Ираке, Ливане и Египте.

Сохранится напряженность в **Алжире**, хотя протесты в результате жестких мер подавления в целом затихли. В Тунисе после авторитарного переворота в июне 2021 г. политическая ситуация останется труднопредсказуемой. Вероятность обострения социальной напряженности в Саудовской Аравии или других аравийских монархиях крайне невелика, но полностью исключать социальное брожение нельзя.

В **Турции** продолжится рост активности политической борьбы между правящей Партией справедливости и развития (ПСР) и оппозицией в преддверии запланированных на 2023 г. выборов президента страны и депутатов парламента. Высока вероятность падения рейтингов ПСР и усиления оппозиционного альянса.

Следует ожидать нарастания социальных противоречий и протестной активности в ИРИ ввиду продолжающегося снижения уровня жизни и усиления неравенства, усугубляющихся на фоне пандемии.

Для **Израиля** источником проблем и социальной напряженности останется арабская часть населения с ее высоким уровнем безработицы, бедности и преступности. Несмотря на выделение правительством более 9 млрд. долларов, сложно ожидать решения даже части этих проблем в 2022 г.

Миграционные кризисы. Миллионы сирийских беженцев останутся серьезной экономической нагрузкой и фактором роста социальной напряженности в Турции, Ливане, Ираке, Иордании. Существует также опасность роста числа афганских беженцев в регионе.

Продолжится использование сирийцами Кипра как нового канала для проникновения в ЕС. Мощные миграции в Европу продолжатся из Магриба, как из стран региона, так и транзитом из Африки южнее Сахары.

Кризис на белорусско-польской границе, вызванный притоком мигрантов из Иракского Курдистана, направляющихся в Германию, где существует достаточно мощная курдская община, скорее всего, найдет свое решение. Однако он создал

прецедент, акцентировав необходимость активного вмешательства международных организаций для снятия напряженности в миграционных вопросах.

В экономике ее постепенное восстановление и вновь увеличившийся спрос на энергоносители будут создавать благоприятную конъюнктуру для ближневосточных экспортеров. ОПЕК+ в июле достиг договоренности о постепенном увеличении добычи каждый месяц до декабря 2022 г.

ВВП арабских стран Персидского залива вернется к докризисным уровням в первом квартале 2022 года, при этом, по данным МВФ, рост ВВП ускорится с 2,2% в 2021 г. до 5,1% в 2022 году. Динамика нефтяного сектора будет поддерживать фискальные позиции стран Персидского залива. Совокупный бюджетный дефицит стран субрегиона еще в 2021 г. опустился ниже 2% ВВП и не начнет повышаться в 2022 г.

Продолжится курс на *диверсификацию и модернизацию экономик*. Монархии Залива сохраняют ориентацию на *декарбонизацию*, построение «зеленой» экономики и развитие альтернативных источников энергии – ветряной, солнечной (КСА), атомной (ОАЭ), водородной. Наблюдатели отмечают, что в 2021 году ими не было заключено ни одного контракта на строительство электростанций, использующих ископаемое топливо. Однако были заключены контракты на сумму 2,8 млрд. долларов на проекты в области возобновляемых источников энергии. Технологии, которые можно получить из Израиля в рамках нормализации, будут способствовать дальнейшей диверсификации экономик Залива. Значительные средства в развитие альтернативной энергетики будут вкладывать Египет и Иран.

В наиболее развитых государствах региона продолжится реализация программ по *цифровизации* экономик, в частности, следует ожидать дальнейшего роста телекоммуникационного сектора и внедрения сетей пятого поколения.

По прогнозам МВФ, экономический рост в Турции в 2022 г. составит 3,3 %. Сохранится высокий уровень инфляции (15,4%) и безработицы (11%). Страна будет нуждаться в дополнительном привлечении иностранных инвестиций для финансирования мегапроектов президента Эрдогана, таких как строительство «Стамбульского канала» - параллельной Босфору водной артерии.

В 2022 г. с высокой вероятностью расширится список стран, переживающих острый экономический кризис. В зоне риска окажется Судан, столкнувшийся с новым витком политической нестабильности. Продолжится резкое ухудшение социально-экономической ситуации в Ливане. В Сирии под воздействием санкций усугубится инфляция, нехватка базовых товаров, продолжится массовое обнищание населения.

***

Развитие ситуации на Ближнем Востоке в 2022 году не создаст новых вызовов для России и ее национальных интересов. Вместе с тем, у Москвы могут появиться точечные возможности для усиления своих позиций. Так, государства, озабоченные сокращением американских обязательств, могут проявить большую заинтересованность к партнерству с РФ в сфере безопасности и поиска политико-дипломатических путей снижения региональной напряженности. В частности, обозначившаяся тенденция на деэскалацию может обеспечить большее внимание к российской «Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива».

Кроме того, со стороны США возможны попытки достичь определенного взаимопонимания с РФ по ситуации на северо-востоке Сирии и по проблематике гуманитарного доступа.

В 2022 году нельзя полностью исключить попыток возобновить переговорный процесс по палестинской проблеме. Здесь Россия сможет действовать в рамках Квартета (ООН, ЕС, США, РФ), возможно, расширенного за счет включения ряда региональных игроков.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В 2022 г. определяющими для большинства стран постсоветского пространства (ПСП) станут внутренние процессы, осложняемые социально-экономическими последствиями пандемии. Также на них скажется общее усиление турбулентности в международных отношениях и растущая конкуренция ведущих держав на ПСП.

В экономике для стран ПСП в 2022 г. будет характерен общемировой тренд на восстановительный рост. По прогнозам ВБ лидировать по темпам роста будут Таджикистан и Узбекистан (5,6% и 5,5% соответственно), замыкать список будет Белоруссия (1,9%). Растущие цены и высокий спрос на энергоресурсы и сырье в мире обеспечат рост экспортной выручки в России, Казахстане, Азербайджане, Туркмении, Узбекистане и Белоруссии (за счет переработки экспортного сырья). С отменой карантинных ограничений вырастут доходы и стран-экспортеров трудовых ресурсов.

Как и во всем мире, перед странами СНГ встает задача сбалансирования растущих посткризисных социальных расходов и мер по стимулированию экономики. При этом социальное расслоение в странах СНГ, усилившееся на фоне кризиса, выше, чем в развитых странах. Запрос на изменения останется высоким, хотя степень недовольства экономической политикой в странах СНГ различается и зависит от уровня экономического развития, а точнее, ресурсного обеспечения и экспортного потенциала и устойчивости политических режимов.

Ресурсообеспеченные страны рассматривают возможность новых форматов социального контракта (прямая финансовая помощь государства, стимулирование социальной ответственности бизнеса, государственные инвестиционные стимулы). Страны низкого уровня ресурсного обеспечения (Армения, Молдавия, Украина, Таджикистан, Киргизия) в социальной сфере рассчитывают в том числе на финансирование внешних доноров.

Обострение конфликтов по периметру границ РФ. Развитие событий на ПСП, с учетом высокой приоритетности этого региона во внешней политике России, генерирует для нее целый ряд вызовов.

С проецированием влияния связан ряд проблем – РФ практически во всех странах СНГ превратился в своего рода политический громометод, на который списываются все внутри- и внешнеполитические проблемы стран ПСП – тем не менее, в 2022 г. у Москвы могут появиться точечные возможности для усиления своих позиций (Центральная Азия (ЦА), Закавказье, Белоруссия). Это связано в том числе с особой ролью (посредника, миротворца), которую играет РФ в разрешении целого ряда застарелых конфликтов в ПСП.

Россия останется гарантом безопасности для стран ПСП – через сотрудничество в рамках ОДКБ, а также на двусторонней основе. Вместе с тем, в 2022 г. по периметру границ РФ на западном, закавказском и центральноазиатском направлениях при поддержке внерегиональных держав будет формироваться своего рода дуга нестабильности – цепь замороженных (с возможностью быстрого перехода в «горячую» фазу) и актуальных конфликтов. Это ситуация в Белоруссии, обострение обстановки вокруг Приднестровья, так и не замороженный конфликт в Донбассе, напряженность вокруг Карабаха и в двусторонних отношениях Армении и Азербайджана, пограничные споры в ЦА и последствия для региона хаотичного вывода войск США и стран Запада из Афганистана.

Одной из наиболее взрывоопасных в 2022 г. является ситуация вокруг **Донбасса**, с учетом возрастающего уровня поддержки властей Украины со стороны стран Запада и накачки ВСУ современными вооружениями. Непримируемость позиций сторон и серьезные противоречия между странами-посредниками урегулирования конфликта (Францией и Германией, с одной стороны, и Россией, с другой) снижают вероятность компромисса на основе имплементации основных положений Минских соглашений. Вероятность устойчивого прекращения огня и замораживания в 2022 г. затяжного конфликта в Донбассе невысока.

Фактором потенциальной дестабилизации в **ЦА** будет ситуация в соседнем Афганистане, где последствия вывода войск западной коалиции в августе 2021 г., краха прозападного правительства Ашрафа Гани и прихода к власти в стране движения Талибан (запрещенная в РФ террористическая организация) продуцируют высокий уровень рисков и неопределенности. В Кабуле взят курс на построение исламского эмирата. Несмотря на то, что Талибан в целом не имеет официальных амбиций выхода за границы Афганистана и дает определенные гарантии безопасности странам ЦА, действующие на территории страны радикальные группировки исламистов, состоящие в том числе из покинувших бывшие советские республики оппониров, создают серьезные угрозы (терроризма, политической дестабилизации) для стран ЦА.

Серьезной проблемой в ЦА останутся нерешенные вопросы демаркации границ и проблемы анклавов. Прежде всего, это касается взаимоотношений Таджикистана и Киргизии, где новый виток конфликта может быть спровоцирован инцидентами из-за споров, связанных с инфраструктурой, земельными и водными ресурсами, строительством на спорных приграничных участках.

На безопасность **Южного Кавказа (ЮК)** окажет влияние расстановка сил в зоне карабахского конфликта, где сохранится противостояние Армении и Азербайджана, но продолжится поиск формулы долгосрочного мира. Минская группа ОБСЕ за долгие годы так и не сумела решить проблему в Нагорном Карабахе и едва ли сможет стать сейчас эффективным посредником между

враждующими сторонами. 2022 год во многом будет решающим для осуществления делимитации и демаркации границ между Арменией и Азербайджаном, а также реализации экономической части мирного плана и разблокирования транспортных коммуникаций, без чего будет крайне затруднительно обеспечить мир в Закавказье. Россия останется ключевым посредником в конфликте вокруг НК, продолжая продвигать имплементацию положений трехстороннего заявления о прекращении огня от 9 ноября 2020 г. и договоренностей от 11 января 2021 года.

Рост конкуренции держав в мировой политике окажет дестабилизирующее воздействие на ситуацию в ряде конфликтных зон ПСП. Причем, высокой будет оставаться в 2022 г. активность не только традиционно присутствующих в регионе США, ЕС и КНР, но и растущих центров силы – Турции, Ирана, а также таких стран, как Польша и Румыния.

В ***европейской части СНГ*** можно ожидать активизации вовлеченности США в политические процессы в Молдавии, на Украине, усиления санкционного давления на официальный Минск. Это связано с традиционным стремлением США ослабить роль России на ПСП. Активизации США будет способствовать внутривосточная ситуация в странах региона, значительная часть элит которых ориентирована (прежде всего Украина и Молдавия) и постоянно апеллирует к США и ЕС, пытаясь максимально политически и экономически капитализировать собственные прозападные или даже выражено антироссийские повестки.

Для ***США и ЕС*** стратегическая значимость ***Закавказья*** обусловлена выходом стран региона к Черному и Каспийскому морям, а также к региону большой Центральной Азии. Ставка на Грузию как на главный стратегический плацдарм Запада на ЮК сохранится. Но вовлечение в орбиту НАТО Грузией не ограничится. В силу объективно высокого влияния члена НАТО – Турции и интенсификации работы британской дипломатии будут предприниматься попытки более активного подключения Азербайджана к деятельности блока. Горечь поражения Армении в Карабахе США и Франция попытаются обратить в свою пользу, проводя при поддержке части армянской элиты широкие информационные кампании, нацеленные на формирование антироссийских общественных настроений и, в более долгосрочной перспективе, на смену пророссийского вектора армянской внешней политики. ЕС занимает пассивную позицию по урегулированию региональных конфликтов, но рассчитывает за счет активизации программы Восточного партнерства стать важным внешним медиатором для постконфликтного развития отношений Азербайджана и Армении.

Потерпев после ухода из Афганистана неудачу в попытках восстановить свое военное присутствие в ЦА, ***США*** постараются получить новые пункты базирования на территории стран ЦА, убедить страны региона в выгодах

сотрудничества с Южной Азией и в необходимости свертывания кооперации с Россией и Китаем.

Китай продолжит развивать торгово-экономическое взаимодействие со странами ЦА в рамках программы «Пояс и путь» и постарается активизировать с учетом афганского фактора сотрудничество с ними в сфере безопасности. В 2022 г. прогнозируется системное усиление влияния Китая как через экономическую помощь вкупе с жестким управлением выданными ранее кредитами, расширением ВТС со странами ЦА, так и через военное сотрудничество и присутствие в пограничных районах Таджикистана в Горно-Бадахшанской автономной области (что перекрывает пути инфильтрации исламистов из Афганистана не только в ЦА, но и в Синьцзян).

Турция будет демонстрировать возрастающую активность в Закавказье и ЦА. Ставка будет по-прежнему делаться на развитие тесных союзнических отношений с Азербайджаном по формуле «одна нация – два государства» и на широкое взаимодействие (от гармонизации законодательства до программ обучения и обмена студентами) со странами ЦА (кроме Таджикистана) в рамках Организации тюркских государств (создана на основе Тюркского совета на саммите в Стамбуле в 2021 г.). Комплексная поддержка, оказанная Анкарой Баку в ходе второй Карабахской войны, способствовала росту популярности Турции в регионе. В 2022 г. это расширит возможности Анкары в сфере ВТС, в подготовке кадров для силовых структур стран ЦА. Активным останется турецкий ВПК на Украине, поддержка территориальной целостности которой (включая Крым) является важной составляющей турецкой внешней политики. Турция по-прежнему будет проявлять экономическую и политическую активность на грузинском направлении.

Поддержка Азербайджана и растущая активность на Кавказе Турции побудит к более активным действиям *Иран*. В случае снятия санкций Иран может попытаться усилить свое влияние на Кавказе, где чрезмерно, по его мнению, укрепилась Турция, а также завязавший прочные военные контакты с Азербайджаном (в том числе с целью сдерживания Ирана) Израиль.

Ключевые тренды политического развития государств ПСП. На Украине, по различным международным прогнозам, ВВП может показать рост порядка 3-3,1% (что существенно ниже среднемировых темпов). При этом страна понемногу подходит к порогу энергетического кризиса и в начинающемся 2022 г., возможно, его преодолет.

На фоне непростой социально-экономической ситуации снижается популярность президента В. Зеленского и его партии «Слуга народа». Важную роль будет играть осложнение взаимоотношений Зеленского с ключевыми украинскими экономическими акторами (т.н. «олигархами»), оказывающими существенное

влияние на ведущие медийные ресурсы страны. В результате политический вес В. Зеленского будет снижаться, что негативно скажется на российском треке украинской внешней политики.

Чтобы компенсировать падение рейтингов, Зеленский как окончательно оформившийся за последний год национал-популист будет выступать с общественно одобряемых максималистских позиций по проблематике Крыма и Донбасса (в рамках утвердившегося на Украине нарратива о борьбе с «российской агрессией»), требовать ускоренного принятия Украины в НАТО (для купирования «российской угрозы»), безотлагательной встречи с В.Путиным (для прекращения российской «гибридной войны» на Донбассе), компенсаций со стороны Германии и других европейских стран в связи с сулящим выпадением доходов бюджета Украины (по оценкам до 2 млрд. долл.) завершением строительства Северного потока-2, ревизии «навязанных силой» Украине Минских соглашений, восстановления территориальной целостности страны (включая Крым). В случае осложнения отношений России со странами Запада эти подходы могут получить поддержку не только США, но и преобладающей части европейских политических элит. А стремление продемонстрировать США и ЕС непримиримость по отношению к Москве и одновременно выступить в роли «дружественной Западу жертвы» российской агрессии может привести к новым вооруженным вылазкам не только на линии соприкосновения в Донбассе, но и провокационным действиям вокруг Крыма (на Черном или Азовском море – например, в связи с созданием базы украинского флота в Бердянске).

В этом контексте получит развитие ВТС Украины с США, Британией и Турцией (поставки современных летальных вооружений (включая ракетные комплексы, боевые корабли, ударные БПЛА)), что может уже в 2022 г. усилить опасные иллюзии части украинской элиты о возможности «хорватского» или «азербайджанского» сценария в отношении Донбасса. В этом главный дестабилизирующий эффект возобладавшего в 2021 г. и пролонгируемого, вероятно, до конца президентской каденции В.Зеленского политического курса украинского руководства.

В **Молдавии** в 2021 г. пост президента и парламент оказались под контролем одной политической силы. В результате сближение с НАТО и ЕС стало приоритетной внешнеполитической целью президента М.Санду и сформированного по итогам выборов правительства. Властная верхушка предельно политически ангажирована (часть из них, включая М.Санду, являются обладателями румынских паспортов) и для них дистанцирование от России – это стратегический ориентир. М.Санду постарается, максимально сохраняя имеющиеся преференции Молдавии в отношениях с РФ и ЕАЭС, продолжить курс «румынизации» и европеизации страны.

М.Санду неоднократно, в т.ч. с трибуны ООН в сентябре 2021 г. выступала с заявлениями о необходимости вывода Оперативной группы российских войск (ОГРВ) в Приднестровье и российских миротворцев из Молдавии. Эта повестка будет продвигаться на политическом уровне и в 2022 г. Возможно осложнение ситуации вокруг непризнанной ПМР и в целом усилия по закрытию автономистской повестки в стране (включая Гагаузию).

Так как практически все приднестровские компании, экспортирующие товары или услуги в ЕС, зарегистрированы и имеют счета в Республике Молдова, серьезное экономическое давление на них реально и без полной транспортной и экономической блокады. Усиление же Украиной контроля границы с Приднестровьем осложнит непростую экономическую и даже эпидемическую ситуацию в ПМР. В отношении ПМР будет сделана ставка на внутривнутриполитическую дестабилизацию. Не исключены и обострение ситуации или даже силовое решение конфликта (при гарантиях США и стран НАТО).

В Белоруссии ключевой останется внутривнутриполитическая повестка. Властям удалось в 2021 г. взять под контроль ситуацию в стране и вытеснить за границу или переместить в места заключения лидеров прозападной в основном политической оппозиции. У президента А. Лукашенко низкий уровень поддержки населения (особенно в крупных городах страны). Для успешного проведения конституционной реформы правящему режиму необходима финансово-экономическая поддержка и международная легитимность. Весь 2021 г. А. Лукашенко осуществлял маневры как в плане получения экономической помощи в контексте развития интеграции с РФ, так и в попытках наладить отношения со странами Запада. В результате из Минска поступали противоречивые политические сигналы: Западу – о нейтралитете Минска в конфликте в Донбассе, нежелании официально признавать Крым, с Москвой же в ноябре 2021 г. был подписан новый пакет соглашений по углублению экономической интеграции в рамках так до конца и не институционализированного Союзного государства РБ и РФ.

Колебания политического курса сохранятся и в 2022 г. Москва будет активно способствовать имплементации 28 союзных программ с Минском. За счет этого предполагается создать прочную институциональную основу для работающего единого экономического пространства. Однако нет никаких оснований ожидать, что Лукашенко активно приступит в 2022 г. к реализации программ (кроме тех, что напрямую затрагивают его интересы, как, например, формирование единого энергетического рынка). Предсказуемы и попытки возобновления политического торга со странами Запада и даже своеобразного «принуждения» его к диалогу, что наглядно продемонстрировал миграционный кризис на белорусских границах со странами ЕС в 2021 г. Правящий режим будет пытаться убедить страны Запада

возобновить отношения в полном объеме, что якобы даст ему свободу маневра на «восточном фланге» и позволит более эффективно уклоняться от российских интеграционных инициатив. Однако отказ стран Запада от санкционного давления на президента А. Лукашенко, особенно с учетом его несистемного поведения и прямого давления, маловероятен.

Политическая ситуация в странах *Закавказья* будет развиваться разнонаправленно. В **Азербайджане** на волне эйфории победы во второй Карабахской войне, и в контексте высоких цен на энергоносители довольно прочными будут оставаться позиции президента И.Алиева. Восстановление освобожденных районов и обеспечение условий для возвращения беженцев станет одной из важнейших задач правительства в 2022 г. Основные вызовы для властей связаны с завышенными ожиданиями общества скорейшей имплементации заявления о перемирии и открытия транспортных связей между Баку с Нахичеванской автономной республикой и Турцией.

В **Армении** на фоне социально-экономических проблем и жестких противоречий между победившим на досрочных парламентских выборах летом 2021 г. премьер-министром Н. Пашиняном и оппозицией может усугубиться политический кризис. Несмотря на сохраняющееся недовольство части армянской общественности несколько отстраненной позицией России во время военной фазы противостояния с Азербайджаном, Россия сохранит статус основного стратегического партнера Армении. Однако любые решения по карабахскому урегулированию будут вызывать неприятие части политического класса и общества. На международной арене Армения продолжит искать расширение поддержки ее позиций по карабахскому вопросу.

В **Грузии** состоявшиеся в октябре 2021 г. выборы в органы местного самоуправления, принесшие победу правящей партии «Грузинская мечта – демократическая Грузия», перемен во внутриполитической жизни не повлекут. В стране сохранится противостояние между правящей партией и оппозиционной партией «Единое национальное движение». Что не скажется на внешней политике. Противоборствующие силы сохраняют консенсус относительно сближения с ЕС и НАТО.

В ЦА 2022 год пройдет под знаком постепенного выстраивания отношений стран региона с новым правительством Афганистана. Узбекистан и Туркменистан уже предприняли шаги для выстраивания отношений с Талибаном. Таджикистан наиболее непримирим в отношении Талибана и опасается попыток таджикской исламистской оппозиции вернуться в страну, что будет генерировать вызовы безопасности страны с южного направления.

В политическом плане, несмотря на последствия пандемии, ситуация в большинстве стран ЦА – *Таджикистане*, *Турменистане* и *Узбекистане* (после переизбрания Ш.М.Мирзиёева на второй президентский срок в октябре 2021 г.) остается предсказуемой и стабильной. Наибольшие политические риски в регионе ЦА традиционно генерируются в *Киргизии*. На этот раз они связаны с концентрацией полномочий в руках президента С. Жапарова, что чревато консолидацией отодвинутых от власти политических и региональных сил и новой политической дестабилизацией. Определенное беспокойство обозревателей вызывает пролонгированный транзит власти в *Казахстане*, который, впрочем, останется контролируемым и в 2022 году.

Во внешней политике страны ЦА продолжают курс многовекторности со сбалансированным развитием отношений с ведущими центрами силы – Россией, Китаем, США, ЕС, Турцией. Единственным исключением станет Таджикистан, основными стратегическими партнерами которого останутся Россия и Китай, причем последний постепенно начинает выступать не только ключевым кредитором республики, но и союзником в сфере безопасности.

ТИХООКЕАНСКАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ

В обширном и активно развивающемся регионе, охватывающем территорию Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, в его ключевых странах ярко выражаются *основные глобальные тенденции*. В ближайшей перспективе – это преодоление последствий пандемии COVID-19, поиск новых драйверов экономического роста в условиях усилившейся фрагментации мирохозяйственных связей и крупных сдвигов в структуре потребления, рост социальной фрустрации, высокая степень конфликтности.

В 2022 г. продолжится восстановление нарушенного борьбой с пандемией режима деловой жизни, трудный поиск баланса между стимулированием деловой активности, с одной стороны, и интересами безопасности и здоровья населения – с другой. И те, и другие меры высоко затратны, что усиливает напряженность системы государственных финансов и противостояние групп интересов при определении бюджетных приоритетов.

Одновременно происходят беспрецедентные по масштабам и скорости сдвиги в структуре личного потребления, внедрение новых практик в производство и потребление, нарушение привычных паттернов поведения и социальных норм. Все это усиливает динамизм и, зачастую, конфликтность политической жизни региона. Снижается эффективность привычных форм коммуникации между элитами и населением и доверие между ними.

Усиление конфликтного фона отражается и во внешней политике. *Соперничество между странами, претендующими на лидерство, усиливается*, приобретая влиятельных интересантов и собственную логику эволюции. Оживились попытки придать «блоковые» черты существующим и новым многосторонним форматам координации политики в сфере безопасности (QUAD, AUKUS). Форматы с длительной историей (в частности, АСЕАН) сталкиваются с необходимостью модификации своих принципов.

Параллельно в регионе растет понимание аномальности всплеска настроений в пользу протекционизма, локализации связей и большей закрытости. Хотя в силу соображений национальной безопасности эти настроения по-прежнему сильны, осознается необходимость поддержать проекты, нацеленные на стимулирование взаимных связей - Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), модифицированное Транстихоокеанское партнерство.

В силу огромного разнообразия условий и наличия крупных политических и экономических акторов, сильно различающихся по своей совокупной мощи, экономическому потенциалу, внутривнутриполитическому устройству,

внешнеполитической ориентации и амбициям, глобальные тренды проявляются на этом пространстве в сложной и противоречивой форме. Ситуация в ключевых странах региона отличается заметной спецификой, в том числе и в постановке задач их политическими элитами.

В **Японии** правящая Либерально-демократической партия (ЛДП), образующая правительственную коалицию с партией «Комэйто», на выборах в нижнюю палату парламента в октябре 2021 г. сохранила контроль над законодательной и исполнительной властью, что в 2022 г. обеспечит внутривнутриполитическую стабильность. Победа ЛДП на выборах в верхнюю палату парламента летом 2022 г. позволит ее лидеру (Ф. Кисида) сохранить посты председателя ЛДП и премьер-министра Японии и предотвратить кадровую чехарду в правительстве.

Важнейшей темой в 2022 г. останется борьба с пандемией COVID-19 и устранение ее негативных последствий для социально-экономического развития страны. Успех плана Ф. Кисиды по стимулированию японской экономики с помощью крупномасштабных бюджетных вливаний зависит от того, будет ли он поддержан активом ЛДП, часть которого выступает против увеличения бюджетных расходов на фоне растущего государственного долга.

Стимулирование экономического роста предполагается сопровождать решением экологических задач – мерами по выполнению обязательств Японии по снижению выбросов двуокси углерода в атмосферу (на 46% от уровня 2013 г. к 2030 г.) и достижению к 2050 г. «углеродной нейтральности». При этом в обозримой перспективе в планы правительства не входит отказ от атомной электроэнергетики, несмотря на большое число противников АЭС среди японской общественности.

В оборонной политике ожидается принятие новых версий Стратегии национальной безопасности Японии, среднесрочных Основных направлений оборонного планирования и программ закупок для военного ведомства. В оборонную доктрину будут внесены положения, обосновывающие более активную роль Токио в ИТР на фоне роста соперничества и неопределённости в отношениях с КНР. Будет уделяться внимание укреплению экономической безопасности Японии, включая контроль над стратегическими ресурсами и предотвращение оттока или утечки передовых технологий. Возможно увеличение военного бюджета (до 2% ВВП). Часть политической элиты выступает за обретение Токио способности наносить упреждающие удары по базам возможных противников.

Все это будет способствовать большему взаимодействию с США в военной сфере. Япония сохранит активность в многосторонних инициативах с участием США в ИТР, включая Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD). Она будет поддерживать взаимодействие «четверки» с другими региональными и внерегиональными игроками – с АСЕАН, ЕС.

Важнейшей внешнеполитической задачей правительства Японии в 2022 г. будет сохранение стабильных отношений с КНР на фоне втягивания Токио в американо-китайское соперничество. Поддержка Японией политики США и ряда европейских и азиатских стран в отношении Тайваня будет вызывать раздражение Пекина и может повлечь болезненные для Токио решения и действия со стороны КНР.

На политическую ситуацию и состояние безопасности на Корейском полуострове будет негативно влиять хроническая экономическая стагнация в **КНДР**. Попытки внедрения локальных рыночных инициатив и частичной открытости страны будут нивелироваться действиями партийной и военной бюрократии, опасющейся подрыва своего привилегированного положения. В экономике власти будут опираться на административные меры, предполагая возможность отмены санкций и привлечения южнокорейских финансовых и технологических ресурсов без каких-либо встречных обязательств, а также получения помощи со стороны Китая, России и международных организаций, а при благоприятных условиях – и США.

Во внешней политике актуальной останется стратегия «управляемого кризиса» - наращивание ракетно-ядерного потенциала, используемого для давления на Р. Корея, Японию и США, в сочетании с инициативами проведения прямых северокорейско-американских переговоров. Учитывая провал прежних саммитов и неготовность КНДР к изменению внутреннего и внешнего курса, переговоры с США в ближайшей перспективе маловероятны.

Республика Корея (РК) будет испытывать хронические вызовы (старение населения, низкая рождаемость, территориальные диспропорции, экологические и эпидемиологические проблемы, а также растущая дифференциация доходов, угрожающая политической стабильности). В рамках программы «Корейский новый курс», результаты которой могут проявиться в 2023-25 гг., предполагается обеспечить экономический рост на принципах «зеленой экономики». Успех этих усилий во многом будет зависеть от эффективности взаимодействия между государством и частным бизнесом, которое вряд ли выйдет за пределы ограниченного государственно-частного партнерства.

Во внешней политике сохранится приверженность РК военно-политическому союзу с США. При этом отношения будут эволюционировать в направлении ассиметричной взаимозависимости, предполагающей большую свободу маневра Сеула на международной арене. В основе этого процесса лежит возрастающий южнокорейский научно-технический потенциал, побуждающий США стимулировать технологические обмены. В отношениях с Китаем будет учитываться политическая и экономическая значимость китайского фактора для Корейского полуострова. РК продолжит попытки повысить свой статус в рамках международных организаций.

Индия в 2022 г., как ожидается, выйдет в лидеры по показателю темпов экономического роста на волне преодоления последствий эпидемии COVID-19. Успешная массовая вакцинация в мегаполисах будет способствовать возвращению из деревень малоквалифицированной рабочей силы и мелких предпринимателей и быстрому восстановлению сектора услуг. Согласно прогнозам, темп прироста ВВП составит более 7%.

При негативном сценарии – если третья волна эпидемии будет вызвана более вирулентным штаммом, восстановление экономики может замедлиться. Учитывая, однако, что власти извлекли уроки из второй волны, едва не приведшей к коллапсу государственной системы здравоохранения, худшего сценария, скорее всего, удастся избежать.

Популярность лидера правящей партии Нарендры Моди, занимающего пост премьера, сохранится на высоком уровне (около 70%). Население связывает сравнительно невысокую смертность от ковида и быстрое восстановление экономики с его решительными действиями. Популярности Н. Моди способствует также волна патриотизма, поднявшаяся в Индии после столкновений в долине реки Галван в июне 2020 г. Жесткая позиция, занятая премьером – введенные под предлогом защиты от китайской экспансии протекционистские меры и ограничения на импорт ряда китайских товаров и услуг, готовность отстаивать свою линию в территориальных спорах – вызывают симпатии у большей части индийского общества.

Ключевым политическим событием будут выборы в самом населенном штате Уттар-Прадеш в феврале-марте 2022 г. Если правящей «Бхаратия Джаната парти» (БДП) удастся победить на этих выборах и сформировать правительство, продолжится *курс на формирование индийской идентичности* на принципах *хиндутвы* (индусскости) и индийского религиозного национализма. Соответственно, укрепятся позиции главного министра Уттар-Прадеша, радикального индусского националиста Йоги Адитьянатха, в котором многие видят преемника Н. Моди на посту премьера. Победа же конкурентов БДП станет свидетельством проблем внутри правящей группы и серьезно ослабит позиции Адитьянатха и его сторонников.

Во внешней политике Индия продолжит курс на создание собственной сферы влияния и безопасности на территории Южной Азии (за исключением Пакистана) и островных государств бассейна Индийского океана. Для этого Нью-Дели будет реализовывать проекты в области безопасности (в первую очередь, создание новых пунктов базирования), экономической и гуманитарной сферах (помощь в борьбе с пандемией, и др.). Как и прежде, Нью-Дели будет придерживаться принципов многовекторности и «мультиприсоединения», участвуя во всех статусных

многосторонних форматах (ШОС, БРИКС, QUAD), но избегая при этом обязательств, которые могли бы ограничить для Индии свободу маневра.

Нью-Дели также будет пытаться включиться в производственные цепочки, выстраиваемые США и их союзниками в обход Китая, и сотрудничать с государствами, заинтересованными в сдерживании амбиций КНР. Одновременно будут укрепляться отношения с теми странами ЮВА, Южной и Восточной Африки и Южной Пацифики, которые предпочтут сохранять нейтралитет в новой «холодной войне».

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и входящие в нее государства в 2022 г. продолжат усилия по купированию негативных последствий COVID-19. Активизируется формирование Сообщества АСЕАН с акцентом на «институциональную взаимосвязанность», экономическую интеграцию (например, Система АСЕАН по обеспечению транзита) и сотрудничество в цифровой сфере.

Повышенное внимание будет уделяться деятельности ВРЭП, которое АСЕАН стремится сделать экономической базой системы региональной безопасности на основе созданных ассоциацией диалоговых площадок (Региональный форум АСЕАН, Совещание министров обороны АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит) и, одновременно, укрепить свой статус координатора на этих площадках. При этом АСЕАН должна будет учитывать вызовы, исходящие от конкурирующих между собой китайских и американских инициатив для этого региона, включая трансрегиональные форматы, например, AUKUS.

В области экологии мероприятия АСЕАН будут включать борьбу за сохранение лесов, развитие зеленой энергетики в соответствии с Планом действий АСЕАН по энергетическому сотрудничеству на 2016-2025 гг., а также страхование рисков, связанных со стихийными бедствиями, и финансирование ликвидации их последствий.

Вместе с тем ключевым фактором, который будет определять вектор политической и экономической динамики в регионе, будет ситуация и тенденции, наблюдаемые в КНР.

Главным событием в политической жизни Китая 2022 г. станет намеченный на осень XX съезд КПК. Подведение итогов десятилетнего правления Си Цзиньпина не станет завершением его политической карьеры - скорее всего, он останется на посту генерального секретаря ЦК КПК на третий срок. Однако и в случае перехода на иную должность нынешний глава КПК сохранит авторитет и влияние на политику страны.

Согласие китайской элиты на сохранение нынешнего руководства связано с пониманием того, что в период 14-ой пятилетки (2021-2025 гг.) Китаю предстоит болезненная адаптация национальной модели развития к новым вызовам. Внутри

страны это - сокращение трудоспособного населения, нехватка ресурсов, проблема качества экономического роста. На международной арене Китай столкнется с противодействием Запада, замедлением роста мировой экономики под воздействием пандемии коронавируса и с торможением процессов глобализации.

Подготовка к съезду проходит под лозунгом «всеобщего благосостояния» (гунтун фуэй), предполагающим уменьшение разрыва в доходах и повышение доступности для населения социальных услуг. Осуществление этой политики способствует сплочению общества, недовольного концентрацией богатства в руках меньшинства. Движение к «всеобщему благосостоянию» также ускорит рост китайского среднего класса и повысит его покупательную способность. Это является необходимым условием развития экономики КНР с опорой на внутренний цикл производства, распределения и потребления при сокращении зависимости от внешних рынков.

Привычное усиление идеологического контроля в год проведения съезда КПК дополнено политикой «нулевой терпимости» к распространению коронавируса. Власть выполнила обещание защитить население от эпидемии. Смертей от коронавируса в Китае не было со второй половины 2020 г. Отказ от этой политики с открытием границ и последующим массовым распространением заболевания нанес бы чувствительный удар по имиджу правящей партии как «победителя эпидемии». Смягчение эпидемических ограничений на въезд в КНР произойдет не ранее начала 2023 года.

На февраль 2022 года намечено проведение зимней Олимпиады в Пекине. Прием многочисленных иностранных гостей станет серьезным испытанием для китайской системы противозидемического контроля. Политическим вызовом стало стремление ряда западных стран бойкотировать Олимпиаду в Пекине.

Основным источником угрозы широкомасштабного вооруженного конфликта в Тихоокеанской Азии с участием Китая является вмешательство США в тайваньскую проблему. Использование Западом тактики «нарезания салями» для постепенного повышения «международного статуса» Тайбэя усиливает военную и психологическую готовность китайских властей к силовому сценарию. Ошибочная оценка Западом и тайваньской администрацией «красных линий» Пекина может спровоцировать материковый Китай на жесткую реакцию с необратимыми последствиями.

Внешнее давление на КНР с помощью создания глобального проамериканского «альянса демократий» ведет к углублению взаимного отчуждения. В год проведения XX съезда КПК иностранные нападки на китайскую политическую систему будут восприниматься с повышенной чувствительностью, что мешает налаживанию конструктивного общения Китая с США и ЕС. Максимальным

возможным достижением станет скоординированное ограничение обоюдной агрессивной полемики при сохранении структурного соперничества.

Политика Байдена на китайском направлении оказалась инерционной. Введенные Трампом ограничительные меры не отменены, давление на Китай в секторе высоких технологий неуклонно возрастает.

Атмосфера отчуждения проникла в китайско-европейские отношения. По инициативе выступающих с нападка на Китай стран Восточной Европы распадается формат диалога «17+1». Крайне маловероятно согласие европейских парламентариев на ратификацию в обозримом будущем подписанного в конце 2020 г. инвестиционного соглашения между Китаем и ЕС.

Китайские интересы будут сконцентрированы на региональных инициативах и форматах, включая осуществление обязательств по вступающему в силу соглашению ВРЭП, пост-коронавирусную реанимацию сотрудничества в рамках инициативы «Пояса и Пути», продвижение направленной в 2021 г. заявки на вступление в модернизированное Транстихоокеанское партнерство.

***

С точки зрения России, 2022 год, по-видимому, не внесет особых изменений в картину ее отношений со странами региона. Главным геополитическим партнером РФ на этом пространстве останется КНР, с которой Россию связывают сходный взгляд на мировые процессы и значительное совпадение геополитических задач и приоритетов. Символом углубляющегося партнерства двух стран в политической сфере станет ожидаемый приезд российского президента на Олимпийские игры в Пекине на фоне кампании Запада за дипломатический бойкот этих игр.

Сохранятся партнерские отношения с Индией, несмотря на «многовекторность» ее внешней политики и периодически возникающие в двусторонних отношениях конфликтные ситуации.

Республика Корея также будет рассматривать Россию в качестве одного из векторов своей внешней политики, в частности, как объект ее новой стратегии «Северного экономического партнерства» и программы «Девяти мостов». Некоторые надежды возлагаются на возможную конструктивную роль России в нормализации межкорейских отношений и урегулировании ситуации вокруг ракетно-ядерных программ КНДР.

АСЕАН в отношениях с Россией придерживается Комплексного плана действий по развитию Стратегического партнерства между АСЕАН и РФ в 2021-2025 гг. Активизируются обмены в области высоких технологий невоенного назначения, в том числе связанные с противодействием пандемии COVID-19.

Развитие российско-японских отношений будет сдерживаться как объективными различиями положения двух государств в системе глобальных союзов и противостояний, так и застарелым территориальным спором. Возобновлению в прежнем объеме двусторонних контактов после паузы, связанной с пандемией, будет препятствовать снижение интереса японского руководства к развитию связей с Россией. Вместе с тем Москва и Токио сохранят достигнутый уровень гуманитарных связей, включая образовательные и культурные обмены.

Научное издание

Россия и мир: 2022.
Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз

Руководители проекта:
Дынкин Александр Александрович
Барановский Владимир Георгиевич

Ответственные редакторы:
Мачавариани Гиви Ираклиевич
Кобринская Ирина Яковлевна

Ежегодник

ISBN 978-5-9535-0600-7

Подписано в печать 08.12.2021.
Формат 72×100 1/16. Печать офсетная.
Объем 12.5 п.л., 3.15 а.л. Тираж 300 экз. Заказ № 06/12-04

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

Отпечатано в цифровой типографии «Спринтер»
www.printbooks.ru
тел. 8 (495) 225-25-28
ул. Профсоюзная, 23